

КОСТРОМА

литературный
альманах

2020

КОСТРОМА

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Выпуск № 2

*к 75-летию Победы
в Великой Отечественной войне*

Кострома
2020

УДК 882(471.317)
ББК 84(2Рос-4Кос)
К 725

Издание альманаха подготовлено Костромской областной писательской организацией Общероссийской общественной организации «Союз писателей России»
в рамках Всероссийского образовательного проекта
«Использование регионального компонента на уроках
русской словесности»

Кострома : литературный альманах. Выпуск № 2 / гл. ред. Н. Мусинова. – Кострома : Областная писательская организация Общероссийской общественной организации «Союз писателей России», 2020. – 208 с.

В альманахе представлены художественные произведения костромских писателей и поэтов о Великой Отечественной войне.

Нет ни одной семьи в нашей стране, в чью судьбу безжалостно не ворвалась война. Многие авторы знают войну не понаслышке: кто-то воевал, кто-то помогал старшим «ковать» Победу в тылу, кто-то выживал в блокадном Ленинграде, кто-то участвовал в восстановлении народного хозяйства в послевоенные годы. Молодые поэты и писатели знают о войне, о великих сражениях, о беспрецедентном массовом героизме нашего народа со слов своих дедов и прадедов, но и они предельно искренне и пронзительно размышляют об этом, предостерегая от новых кровавых войн. Как сказал один из молодых авторов (будущий офицер): «Пока в сердцах каждого нового поколения россиян живёт память о своих героях – жива Россия!».

Содержание альманаха соответствует целям Всероссийского образовательного проекта по использованию регионального компонента на уроках русского языка и литературы в школах и вузах по специальности «литературное творчество», по направлениям подготовки «филология» и «регионоведение России».

Представляет интерес для широкого круга читателей.

УДК 882(471.317)
ББК 84(2Рос-4Кос)

© Костромская областная писательская организация Общероссийской общественной организации «Союз писателей России», 2020
© Мусинова Н.Е., гл. ред., 2020
© Коллектив авторов, 2020

ПИСАТЕЛИ-КОСТРОМИЧИ НА ВОЙНЕ И О ВОЙНЕ

Великая Отечественная война стала центральным событием истории двадцатого века. Более того, и в двадцать первом веке отзвук залпов и пулемётных очередей той войны сохраняется в памяти нашего народа. О войне написаны великие стихотворения и выдающаяся проза – романы, повести, рассказы. Все знают бессмертную «Катюшу» Михаила Исаковского и «Жди меня» Константина Симонова. Классикой стали романы Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда» и Бориса Васильева «А зори здесь тихие» и «В списках не значился», знаменитое повествование Владимира Богомолова «В августе сорок четвёртого» и уникальная документальная книга Сергея Смирнова «Брестская крепость». Разговор о литературе, посвящённой войне, будет неполон без обращения к «окопной прозе» Юрия Бондарева и Григория Бакланова, историко-публицистической прозе Ивана Стаднюка и Александра Чаковского, поэзии «про солдата» Александра Твардовского и фронтовой публицистике Ильи Эренбурга. Известные всей России стихи и проза написаны людьми, прошедшими суровыми дорогами войны. Суммарный тираж их книг составляет миллионы экземпляров. И это только очень малая часть замечательных литературных произведений, посвящённых Великой Отечественной.

Свой серьёзный и значительный вклад в литературную летопись Победы внесли костромские писатели старшего поколения, свидетели и участники «сороковых роковых».

Прежде всего надо отметить романную трилогию Владимира Корнилова (1923–2002) «Семигорье» – «Годины» – «Идеалист». Второй роман цикла охватывает военные годы. Писатель, скрывшийся под псевдонимом «Алексей Полянин», включил военный опыт в напряжённое духовное противостояние добра и зла, главную тему своего творчества. Подвигам молодежи посвящена небольшая повесть «Искра», её автор опубликовал отдельной книгой в 1995 году, к пятидесятилетию Победы.

Костромичи старшего поколения хорошо помнят Евгения Старшинова (1915–1977). Офицер-миномётчик, он закончил войну в Праге. Выход его романа «Левый фланг» стал заметным событием литературной жизни Костромы семидесятых. В конце жизни Е.Ф. Старшинов подготовил к печати рукопись стихов и дневниковых записей Юрия Баранова (1922–1942). Этот мальчик уже в семнадцать лет обещал вырасти в большого поэта. Дар предвиденья, неразделённая любовь, чувство слова в сложной комбинации формировали его стихи, которые все остались в рукописях. Юрий Баранов погиб под Новгородом в июне 1942 года. Ему было двадцать лет. В 1988 году вышла книга Юрия Баранова «Голубой разлив». Она хранится во многих домашних библиотеках костромичей. Её перечитывают, над её страницами грустят, это подлинная, настоящая литература.

Война покорёжила судьбы многих людей. Учитель Владимир Кондрашов (1914–1985), человек самой мирной, человеколюбивой профессии, на фронте попал в плен. Перенёс тяжёлые испытания, пытки,

КОСТРОМА

издевательства, холод и голод. Выжил, вернулся домой. Работал в Костроме в Институте усовершенствования учителей, стал автором нескольких пособий по литературе и русскому языку. В начале шестидесятых вышла его документальная повесть «Человек № 21001». Под этим номером значился в немецком лагере учитель Кондратьев. В повести автор откровенно, без прикрас, рассказал о своём горестном опыте и показал, что даже в нечеловеческих условиях концентрационного лагеря люди продолжали бороться, создавая группы сопротивления. Книга пользовалась известностью в шестидесятые годы.

По книге Юрия Грибова (1925–2018) «Сильнее смерти» можно проводить семинары для начинающих писателей, настолько ярко и талантливо она написала. Её герой, Алексей Четвергов, после ранения и бегства из плена сражается в партизанском отряде. Автор спокойно, без аффектации, рассказывает о буднях партизан, очень естественно вплетает любовную линию. Книга имеет счастливый конец, что немаловажно для читателя, верящего в надежду на лучшее в этой жизни. Повесть «Сильнее смерти» оказалось для автора замечательным творческим стартом. После семи лет работы журналистом в областной газете «Северная правда», Юрий Грибов уехал в Москву, где сделал блестящую карьеру советского писателя.

Лет десять назад при произнесении имени «Виталий Пашин» (1926–2014) многие костромичи, особенно старшего поколения, сразу радостно улыбались. Жизнерадостный писатель-фронтовик щедро делился хорошим настроением, оптимизмом, умением видеть в жизни её светлые стороны. Техник-механик по спецоборудованию самолётов на фронте, Виталий Пашин после войны закончил факультет журналистики МГУ, работал собственным корреспондентом ТАСС в Чите, Перми и Костроме. Писал сатирические и юмористические рассказы, в том числе о фронтовой жизни. Самой показательной в этом плане стала книга с заголовком из известной песни «Ходи веселей, Кострома».

Среди костромичей – поэтов фронтового поколения следует отметить Александра Часовникова (1912–1979), автора патриотической поэмы «Юрий Смирнов». Поэт сжатыми, словно сдерживающими крик отчаяния, строфами рассказывает о мученическом подвиге Юрия Смирнова, молодого пехотинца из Макарьева. С точки зрения содержания поэма построена изобретательно. Юрий Смирнов, человек середины двадцатого века, ведёт воображаемый диалог с Иваном Сусаниным и, переступая через смерть, в подвиге обретает бессмертие, как и его духовный предок. Возникает переключка семнадцатого и двадцатого веков; понятие «исторические корни» в поэзии Александра Часовникова находит зримый, конкретный и образный смысл.

Шарынец Николай Востров (1925–2018) воевал на Ленинградском фронте, боевой путь закончил на Балтике, на острове Эзель. Многие годы работал столяром и писал стихи. Первая книга вышла в 1967 году. Перевалив за девяносто, стал членом Союза писателей. В стихах Н. Вострова есть острое чувство жизни; эти стихи могла написать только

благородная и, что может прозвучать несколько неожиданно, истинно христианская душа.

С Костромой была тесно связана юность и молодые годы драматурга Виктора Розова (1913–2004). Здесь он окончил школу, увлёкся театром. После тяжёлого ранения на фронте В. Розов жил в Костроме у отца, на улице Кооперации. Спустя много лет он рассказал, что первую свою пьесу «Вечно живые» написал «от нечего делать», потому что работать после ранения не мог. Этой пьесой в 1956 году открылся московский театр «Современник». В 1957 году художественный фильм, созданный по мотивам этой пьесы (сценарий написан В. Розовым), был удостоен главного приза Каннского кинофестиваля – Золотой пальмовой ветви.

Великая Отечественная война вошла в жизнь каждой семьи, каждого человека фронтового поколения. Костромичи внесли свой значительный вклад в дело достижения Победы. Литераторы, талантливые люди костромской земли, воплотили свой военный опыт в значительные произведения. Дело писателей следующих поколений заключается в том, чтобы сохранить лучшее из наследия предшественников, и, воспользовавшись их художественными открытиями, создать свои романы, повести, рассказы, стихи и поэмы, что будут содержать в себе суть русской души и костромского характера.

Корнилов Павел Борисович
главный библиотекарь читальных залов
Костромской областной универсальной
научной библиотеки

Станислав Михайлов родился в 1942 г. в д. Носково Красносельского района Костромской области в семье учителей. Окончил историко-филологический факультет Костромского педагогического института. Преподавал в Костроме, Магадане, Чукотке, Донбассе. Автор пяти поэтических сборников. В 1995 году вернулся в Парфеньево. Работал в Парфеньевской школе учителем литературы, корреспондентом газеты «Парфеньевский вестник». Член Союза писателей России с 1998 года. Особое место в творчестве С. Михайлова занимает тема Парфеньева. Своеобразной визитной карточкой села стали поэтические сборники «Разжалованный город» (2005г.) и «Вехи жизни» (2008 г.). В Парфеньевской центральной библиотеке им. С. Максимова изданы поэмы «Парфянская баллада», «Восхождение». Более тридцати стихотворений поэта положены на музыку самодельными композиторами и звучат на всех крупных мероприятиях района. Член ЛИТО «Надежда» (Парфеньево).

Победно реет знамя,
Небес синее шёлк,

Бороздили небо бомбы и снаряды
Злобно поднимая землю на дыбы,

Сверкая орденами,
Идет бессмертный полк

И бежал парнишка по дорогам ада
От родного дома, от своей судьбы.

Все, как один, герои.
У мира на виду

До костей разбиты босые ножонки,
Истекает кровью детская душа.

Они единым строем
Проходят раз в году

Скорбно смотрят трубы деревень сожжённых,
Оставляя раны в сердце мальчиша.

Идут отцы и деды.
Им выпал тяжкий крест.

Рядом с ним такие ж, как и он, ребята –
Всех беда согнала с отчего крыльца.

Шагают в День Победы
Сошедшие с небес.

Серые рассветы, чёрные закаты
Да горячий воздух с россыпью свинца.

Прошедшие сквозь пламя
И павшие в бою,

Устремляясь в небо снегириной стаей,
Тянется за тучи рой кровавых слёз,

Они сегодня с нами
Идут в одном строю.

Над огнем и смертью брызгами взлетая,
Чтобы обратиться в мириады звёзд.

*Всем, родившимся в годы
Великой Отечественной*

Дитя войны, рождён в её разгаре,
Хотя вдали от взрывов и огня,
Я помню, как страна, изнемогая,
От них старалась оградить меня.

Я помню женщин, впрягшихся в построшки,
И за орала вставших стариков,
Навеки в память врезались котомки
На спинах уходящих мужиков.

Орали песни глупые вороны,
Встречая окровавленный рассвет,
А над домами крылья похоронок
Кружились, скорбный оставляя след.

Сейчас страницы памяти листая,
Я доберусь до той, в конце концов,
Где мы взвивались воробьиной стаей
С ватагою таких же огольцов.

Носились мы, чирикая беспечно,
Среди людского горя веселясь.
А по ночам нас окропляла вечность
Святой слезою материнских глаз.

Во имя нас в атаку шли солдаты,
Ложились в землю братья и отцы,
Чтобы смогли в далёком сорок пятом
Весну Победы принести скворцы.

Чтоб жили мы счастливо и спокойно,
Встречая день и отходя ко сну,
Чтоб никогда не обрывали войны
Людской судьбы мажорную струну.

Надел ветеран гимнастёрку,
Что стала навеки судьбой,
У правнуков просит махорки –
Он снова готовится в бой.

Осталась война за плечами,
Пути, что пришлось проторить,
Но всё ему снилось ночами.
Что он не успел покурить.

Сегодня привиделись снова
Пронизанный стужей окоп,
И друга прощальное слово,
И смерть, устремлённая в лоб.

Опять беспощадная драка,
А сколько их было – атак!
Но в этой последней, однако,
Ему без затяжки – никак.

Взвивается соколом зорким,
Он снова на подвиг горазд.
Так дайте солдату махорки –
Она ему силы придаст.

СОВЕТСКИЙ РЯДОВОЙ

Когда земля захлёбывалась кровью,
Когда горели камень и металл,
Тогда с надеждой, верой и любовью
Солдат советский,
распрямившись, встал.

Он был простым
и даже неприметным,
Он не обидел в жизни никого.
И, замерев, следила вся планета
За беспримерным подвигом его.

КИРЗОВЫЙ САПОГ

На войну придя когда-то,
Кирзовый сапог
Стал спасеньем для солдата,
А точнее – для ног.

По дорогам и по тропам,
В полдень и в ночи
Лихо меряли Европу
Наши кирзачи.

Ни снега ему, ни хляби
Были нипочём,
Никогда людей не грабил,
Хоть и шёл с мечом.

Одолел песок и глину,
Всё сумел и смог.
И прошёлся по Берлину
Кирзовый сапог.

От июня и до мая
Шёл он под огнём,
Но нечасто вспоминаем
Мы теперь о нём.

И, уходя в заоблачные дали,
Он возвышался,
смертью смерть поправ,
Чтоб никогда потомки не страдали,
И в этом он навеки будет прав.

Весь ад войны, все муки он изведаль,
Не сбросил груз
с отяжелевших плеч –
Всё для того, чтобы звезду Победы
Весенним утром над землей зажечь.

Ольга Запольских – Государственный стипендиат 2018 года в номинации «Выдающийся деятель культуры и искусства России», член Союза литераторов РФ, член Союза писателей России, академик Академии русской народной поэзии XXI века, лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси – 2018», дипломант Берлинского литературного института им. А.П. Чехова «За мастерское владение поэтическим словом»; лауреат международного конкурса «Золотая строфа – 2011», автор семи поэтических книг и многочисленных публикаций, в том числе в альманахах: «Словесность», «Губернский Дом», «Кострома литературная», «Яснополянские зори»; в хрестоматиях: «Писатели XXI века», «Антология русской народной поэзии XXI века», в журнале «Молодая Гвардия» и др.

РУССКОЕ ОРУЖИЕ

Бои под Смоленском в том самом начале...
Мы то отступали, потом наступали...
И «юнкеры» бомбы по городу стлали.
Бои под Смоленском в том самом начале...

Измученный взвод выходил помаленьку
И вот оказался в одной деревеньке.
Там мёдом встречали. А значит, что ульев
На пасеке старой бои не коснулись.

Но вот через час уже вражья пехота
Открыла на красноармейцев охоту.
Остаток солдат и почти что без сил
За пасеку в лес, за кусты отступил.

И близко уже различали солдаты
Немецкие резкие «абгемахты»,
Но смелый боец растревожил все улья,
Где пчёлы, казалось, на время уснули.

Он знал их природу и это учёл.
И вскоре над полем из поднятых пчёл
Гигантского роя кружился вертеп
И жалил пехоту врага, как хотел.
И смерть отступила, – была в трёх шагах...
Так русские пчёлы сразили врага.

КЛИМ

Мы чтим историю страны:
Была бронемашина –
Легенда первых лет войны –
Наш танк «Клим Ворошилов».

Бои тяжёлые идут
В военном сорок первом...
А тут, на пашне, – мягкий грунт.
Для танка это скверно.

И вот заглох КВ-1
На горе экипажу.
Огромный бронеисполин,
Он даже «спящий» страшен!

Немецкий танковый отряд
Стрелял из всех орудий.
Но устоял бронегигант,
А в танке – наши люди.

Спросили фрицы: «Was ist das?!»
И прикрепили тросы.
Да кто такой трофеей отдаст! –
Решили «барбароссы».

Два «панцераффе» встали в ряд
И в упряжи кряхтели, –
Тянули три версты подряд
Советского «злодея».

Но, крякнув вдруг разок-другой,
Проснулся «Клим» и, как герой,
В пример всем гулливерам,
Назад! К своим! К передовой
Попёр два танка за собой
Уже своим манером.

ИВАН СЕРЕДА

Раз красноармеец Иван Середа
Отправился в лес спозаранку.
Винтовка его не заряжена, да.
Топор да дровишек вязанка.

Для каши на завтрак готовы дрова.
Вот кухня дымит полевая.
Он кашей на кухне победу ковал.
Ну, как же без каши – солдатский привал!
Овсяная, пробивная.

Но только взметнулась с куста пустельга –
И с грохотом, лязгнув металлом,
Огромное дуло на танке врага
Вкатило. Его не хватало!

Как носом, водило на запах дымка
(и вермахт с утра, знать, голодный).
А русский Иван за кустами смекал
Смекалкой своею природной.

Как мыши на сыр, поползли кто вперёд,
Забыв об опасности, фрицы.
А Ванька из леса... да как заорёт!
Один! С топором! Не боится!

Он им: «Хэндэ хох!» – Те запрыгнули в танк.
Но Ваня ведь – крепкий орешек!
Он прыгнул на башню с винтовкой «ва-банк».
Пойди, разберись, кто тут грешен.

Опомнились фрицы. Стучит пулемёт:
В атаку, наверное, рота пойдёт...
А Ваня командами вторит
И крепко сжимает топорик.

Вот обухом дуло изогнуто вниз.
И в ужасе фрицы Ивану сдались.

Владимир Проскуряков родился в 1952 г. в Костроме. В разное время окончил музыкальное училище, юридический институт, Академию МВД СССР. С 1997 года проживает в г. Волгореченске. Поэт, прозаик. Издал три сборника стихов и прозы, имеет публикации в ряде региональных и местных изданий – в журналах «Великоросс», «Молодая гвардия», «Русский писатель» (СПб), «Арина» (Н. Новгород), «Сура» (Пенза). Член Союза писателей России.

ПОМНИТЬ ВСЁ...

1

Июньские ночи, воскресный восход,
Моторов раскат из-за сонного Буга...
С крестами на крыльях армада плывёт –
И мечется, ищет невинный народ
К спасению путь из смертельного круга.
В горящих селеньях – немецкая речь,
Чужое железо пылит по дорогам.
Россия, возьми свой карающий меч,
Сынов твоих много успело полечь
С винтовкой в руках у родного порога!
Тревожно гремел над страной Левитан,
Слезами кормильца семья провожала,
И вверх, словно знамя, подняв свой наган,
Шёл первым на танки седой капитан...
Жестокой войны непростое начало.

2

Как приговор, суров приказ:
«Вперед, на высоту!» –
И он глотнул в последний раз
из фляжки на ходу.
Он по «ничейной» шёл вперёд,
блестя своим штыком,
Шёл на немецкий пулемёт
солдатом - штрафником.
Убит он будет или цел –
не повернуть назад,
В прицелы на него глядел
«родной» заградотряд.
Но поле смерти до конца
пройти хватило сил,
Его медалью из свинца
Господь не наградил.

Всех помянул штрафник, кого
сегодня пережил,
Лишь через восемь дней его
осколок уложил.
Погиб помеченный войной
неведомый солдат...
Ни в чём теперь перед страной
он не был виноват.

3

Ждет деревня почтальона,
да и как не ждать,
Хоть бы весточку – всё легче
горе горевать,
Хоть коротенькую строчку –
знать, что он живой,
Что хранит сынка молитва
матери родной.
Долгожданный треугольник,
Господи, пошли!
Кто идёт там по дороге,
с сумкою, вдали?
Ох, девчонка-почтальонка
что-то прячет взор,
Неужели похоронку
принесёт во двор?
В затаившейся деревне
слышен жуткий вой...
Сколько, Господи, кормильцев
не придёт домой!
Знать, вдовою больше стало,
прибыло сирот,
Ты добавил их немало,
сорок третий год!

4

Завтра – бой, но до рассвета
 парню не до сна.
 Как метёт вишнёвым цветом
 здешняя весна,
 Как ласкает эти хаты
 тёплый майский день!
 Дома ждёт давно солдата
 пышная сирень.
 Сотни вёрст под сапогами
 за последний год.
 Мирно спит за облаками
 синий небосвод.
 Вдруг с него звезда упала,
 вспыхнул яркий свет...
 Зря кукушка нагадала
 парню много лет!

5

Разбитый купол с красным флагом...
 Поёт солдатская душа,
 И у подножия рейхстага
 Расстрелян диск из ППШ.
 Он на стене ножом коряво
 Себя увековечить смог,
 Во имя подвига и славы
 Хлебнув «наркомовской» глоток
 За тех, кто тоже шёл к Победе,
 Но, не дойдя, навеки лёг,

Кого несправедно отметил
 Лихой войны жестокий рок.
 Он на ступени сел устало,
 Пилотку сдвинув набекрень...
 А над Берлином солнце встало,
 И начинался мирный день.

6

В руке гвоздика как свеча,
 Из дома вышел он...
 Пиджак с сыновнего плеча,
 Медалей перезвон,
 И марши празднично гремят,
 Взмывая в небеса.
 К мемориалу шёл солдат –
 Усталые глаза,
 Белее снега седина,
 Нетвёрдый, мелкий шаг...
 Ты не забыла ли, страна,
 О тех, кто брал рейхстаг?
 Сегодня он пришёл один,
 Последний из селян,
 Кто возвратился, победив,
 К израненным полям...
 Как символ пережитых лет,
 На серый камень лёг
 Во славу всех, кого уж нет,
 Рубиновый цветок.

*Моему отцу-фронтовику,
 Рано ушедшему из жизни...*

Прости меня, отец, я опоздал...
 Теперь, через бездонные полвека,
 Я о тебе бы внукам рассказал,
 Но фото пожелтевшего овал –
 Мгновение из жизни человека...
 Ты о войне со мной не говорил,
 Да я и не расспрашивал, конечно –
 Тогда, в послевоенные года,

Немало было в наших городах
Фронтовиков здоровых и увечных.
Я помню наш ближайший гастроном,
Безногого солдата на тележке,
Прихваченной для верности ремнём,
Он мелочь у прохожих клянчил днём,
А вечерами, с пьяною усмешкой,
«Приговорив» чекушку из горла,
Срывал с груди расхристанной медали,
Честил публично «долбанную власть»...
Ну, как тут бедолаге не пропасть –
Я слышал, «пятерик» ему впаяли!
Из наших коммуналок мужики
В воскресный вечер, сгрудившись в беседке,
Стучали в домино, потом несли
Заначенные мятые рубли
За самогон отчаянной соседке –
И ни едина слова о войне,
О подвигах, о доблести и долге,
Лишь раз в году – торжественный пиджак,
Звенел цветным металлом каждый шаг –
И снова в шкаф, на плечики, надолго...

Эх, если б знать, что нам не суждено
Поговорить по-взрослому, серьёзно –
И мне неведом твой великий путь,
И мне не довелось с тобой шагнуть
Через года вослед судьбине грозной.
Я Кёнигсберг с тобой не штурмовал,
Курляндского котла не видел ада,
Меня не привозили в медсанбат...
Война, я точно знаю – не парад,
И мне не суждены твои награды.
Сегодня ты, отец, опять в строю –
Бессмертный полк...

Уж ты, поди, услышал!

Там все твои – с кем ты делил войну,
Кто смертью защитил свою страну,
Там все, о ком мы помним, знаем, пишем.
Я правнукам твоим вручил портрет,
Там ты – мальчишка, но серьёзный, строгий...
Доставьте, парни, деда в славный полк!
Из вас, я верю, тоже выйдет толк
На жизненной ухабистой дороге.

Вера Клевич родилась в 1954 г. в Галичском районе Костромской области. Образование высшее. Работала корреспондентом, заведомом и заместителем редактора в Красносельской районной газете и собственным корреспондентом в областных газетах «Северная правда» и «Костромской край». Член Союза журналистов РФ. Стихи публиковались в районных и областных газетах, в коллективных альманахах и сборниках, в журнале «Светоч». В 1996 году вышел сборник стихов «Признание». Лауреат премии им. Ю.Разгуляева в конкурсе поэзии в городе Буе в 2019 году. Руководитель ЛИТО «Чайка» (г. Галич).

БАЛЛАДА ОБ ИСЧЕЗНУВШЕЙ ФОТОГРАФИИ

*Памяти Героя Советского Союза
Дмитрия Ушкова*

Робко ступаю по насту ногой,
Мирному небу лицо подставляя.
Лишь хруст шагов нарушает покой,
Правда, уже никому не мешая –
Вымерло всё в той деревне давно,
Старых домов лишь остались скелеты...
Но прокрутив память вспять, как кино,
Вижу сегодня вчерашнее это:

Вдоль Пантелеева с сумкой большой
Ходит приветливый русский мальчишка
В ватнике сереньком, с чистой душой –
Носит газеты, открытки, письмишки.
С каждым Митяй поздороваться рад,
Но недоволен он лёгкой работой:
Очень в Москву иль хотя б в Ленинград,
Как мужики все, податься охота...

Мать овдовела, в семействе нужда:
Четверо отпрысков – надо «крутиться»...
Вот и уехал мальчишка тогда,
Став маляром первоклассным в столице.
Но, поработав два года подряд
Мирным строителем – так уж случилось –
Дмитрий ушёл защищать Ленинград...
Всё в одночасье в тот год изменилось...

В двадцать он слыл ветераном в полку –
Лучший стрелок! Автомат иль винтовка –
Храбрый ефрейтор всегда начеку,
Из пулемёта стрелял тоже ловко.
Вот он уже в своей роте комсорг,
В партию принят пока кандидатом...
Вряд ли война вызывала восторг –
Не до романтики было солдатам...

Трижды был ранен отважный боец,
Но возвращался в строй снова и снова.
В пульсе страны – миллионов сердец –
Бился упрямо пульс Мити Ушкова.
Был за сапера не раз, и не два,
Резал «колючку» на вражьих преградах...
Славно «варила» его голова,
Вовсе не думал тогда о наградах...

Сорок второй... Июнь... Небо в дыму ...
Враг бьёт прицельно, жестоко, упорно,
Прочно занявши высоту одну,
Он не пропустит... И это – бесспорно!
Но впереди – комсорг Дмитрий Ушков.
Он командирский приказ выполняет:
Нужен проход между всех завитков
Прочной колючки, что в кровь раздирает.

Лязгают ножницы – Дмитрий стрижёт,
Пули свистят злобно слева и справа...
С кровью, но сделан для роты проход
К той высоте, как в реке переправа.
Взять высоту меж карельских камней –
Значит, прорвать оборону фашиста!
Значит, стать духом намного сильней –
Долг и бойца, и почти коммуниста.

Снова в атаку бойцы поднялись,
Но вдруг огонь пулемётный из дзота.
Вновь приказ краткий и жёсткий: «Ложись!» –
И затихает пехотная рота...
Только комсорг смело к дзоту ползёт,
В крепкой руке – боевая граната ...
Главное, чтобы молчал пулемёт,
Чтобы прорваться к высоте солдатам!

Мощный бросок – пулемёт чуть примолк,
Но ненадолго... Второй нет гранаты...
Помня святой перед Родиной долг,
Дмитрий встаёт во весь рост с автоматом.
Резкий бросок – амбразура врага
Телом закрыта бойца Ушакова...
Жизнь! Ты, конечно, была дорога –
Не повториться тебе уже снова...

Враг отступил и высотка взята...
Семьдесят семь лет с тех пор миновало...
Стало Ушковым село неспроста
Там, где сражался наш Дмитрий, бывало.
Названы именем этим давно
Улицы в Галиче и в Ленинграде.
Жаль, что посмертно, как в грустном кино,
Воин представлен к высокой награде...

Робко по насту шагаю туда,
Где его дом был, с глубокой тоскою
Лишь оттого, что случилась беда
С мемориальной неброской доскою:
Фото исчезло... От снимка – лишь след...
Кто-то сорвал: человек или ветер?..
Этого парня – Героя портрет
Знать должен каждый на нашей планете!

Александр Бурлаков – поэт, лауреат международных конкурсов. Стихотворения публиковались в региональных и столичных литературных журналах. Живёт в г. Шарье Костромской области. Член Союза писателей России.

А в сорок первом – ордена
Страна ковала мерой малой...
И от своих щедрот война
Сплеча – без устали и сна –
Бросала в землю «семена»
И... наспех в ямах зарывала,

И отправляла на убой
Полки, дивизии и роты –
Из боя в бой, из боя в бой –
Судьба... что тёткою рябой,
Стояла к ним вполоборота.

Три дня для взводного – предел!
Неделя – ротного не стало...
А строй редел, а строй редел,
И – коли Бог не доглядел –
Комбата в месяц убивало.

Да – наступали, одолев
Великой кровью... наступали.
И «треугольники» с колен –
Потом, в каком-нибудь селе,
Родные по сто раз читали.

И снова – в землю... с головой –
Всем фронтом, серой массой, скопом.
Живи, солдат, пока живой,
Приказ покуда вестовой
Несёт, пригнувшись, по окопам.

А после... После – что гадать?!
Вставала, штык примкнув, пехота,
И было жизни у солдат –
Во веки вечные, всегда –
Атака...

Только и всего-то!

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Уже и у внуков виски поседели,
А дети их – прадедов старше, пожалуй...
Мы песни «на память»

военные пели,
Как будто бы время нас «то» окружало.

И снова вставали повзводно, поротно
Шеренги невидимых нам батальонов...
А правда лежала

в трясине болотной
Истлевшей бумажкой на дне медальона.

А правда хрипела стволами орудий,
Мешая живое в котлах и охватах
И – падали, падали, падали люди!
И каждый был смертью,
как тёткой, сосватан.

И снова по миру бродила с котомкой
Бездонной костлявая эта старуха.
И жизнь обрывала –
потомкам, потомкам –
С безумным оскалом от уха до уха...

Казалось, не будет конца и предела
Ни боли, ни крови, ни гневу, ни страху...
И каждый был занят
бессмысленным делом –
Класть голову... чью-то, свою ли – на плаху.

И каждому было положено – всяко...
С такой-то войной
человеку ль судиться?!

И время для выживших даже – иссякло,
Состарило тех, что успели родиться.

Да только, глядите – повзводно, поротно –
Сквозь память
идёт, как по каменной тверди,
Из прошлого века к небесным воротам
Тот полк, что
Победой себя обессмертил!

Екатерина Каргопольцева родилась в 1982 г. в с. Верхнеспаское Пыщугского района Костромской области. Окончила филологический факультет КГУ им. Н.А. Некрасова. В 2009 году участвовала в создании литературного объединения «Голос». Живёт и работает в Костроме. Стихи публиковались в региональных, всероссийских и международных литературных изданиях. Член Союза писателей России.

ЗОЕ КОСМОДЕМЬЯНСКОЙ

Было ли? Было! И не было сном...
Знаю, за трусость в бою
Ты не простила б, и чувствую в том
Крепкую волю твою.

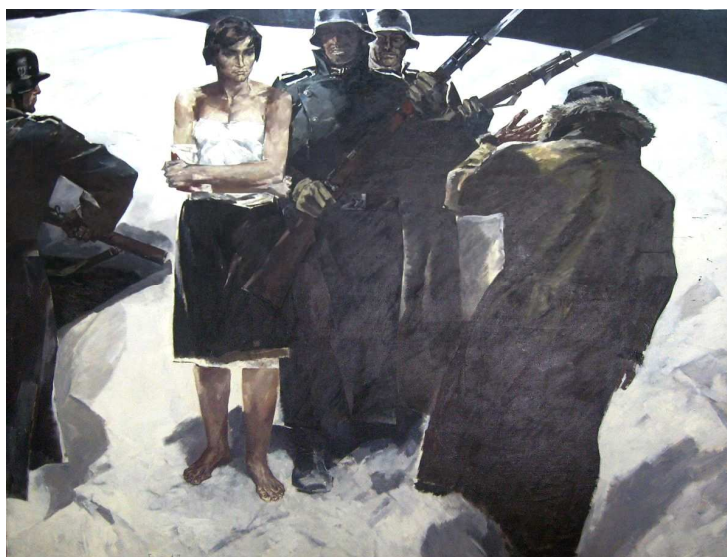
Смерти действительно, девочка, нет!
Видишь – мы рядом стоим;
В каменной строгости твой силуэт
Кажется всё же живым,

Ровная поступь, как прежде, легка.
Помня, что нам по пути,
Хочется, тронув тебя за рукав,
Рядом с тобою идти.

Но между нами, как пропасть, легла,
В вечности славя твой лик,
Непреходящая тяжкая мгла
С чётностью алых гвоздик.

ФОРПОСТ

Цветущий город. Город-сад...
В клубах черёмух и сирени
Уходит каменный солдат
В былое зарево сражений.
Он от надсады в горле тих
И, зная павших поимённо,
Бессменно в ночь уводит их
Краснознамённую колонной
Туда, где всё ещё война...
И долго здесь ночами людям
Как будто слышно – тишина
Грохочет залпами орудий.
Но в чередё идущих лет
Как есть – открыто – каждый житель
Во имя тех, кого уж нет, –
Её скорбеющий хранитель.
И потому, когда заря
Молчит о том, что миновало,
Все окна в городе горят
В сто тысяч свеч – кроваво-алым!

ИДУЩЕМУ С МЕЧОМ

*Без вести навшим
в Великой Отечественной
войне посвящается*

Помню всё...Переходы, бои, рубежи –
От реки до реки, от межи до межи...

Я, как эхо, летящее в гулких лесах...
Я – не призрак, я – твой зародившийся страх!

Я – земля зарастающих братских могил,
Я – вода, что ты в озере только что пил.

Я, как ты, тоже был! Я, как ты, тоже жил!
Но от пули упал... Не дошёл, не доплыл...

Там, где умер от раны с таким же, как я,
Через годы стояли мои сыновья.

И тремя непокорными парами глаз
Я смотрел и задолго предчувствовал вас...

И я знал, что бессмертен, покуда живёт
В сыновьях и во внуках продлившийся род!

И пускай мы безвременно в землю легли,
Но от этой солёной и горькой земли

Всходы ранней весенней зелёной травы
Крепки в стебле и прочны, как гладь тетивы.

Не ходи! Не пройдёшь. Никогда не пройти...
Будет алой дорога на этом пути.

Я – земля, я – вода, я – стихия огня!
Я – вернувшийся ветер вчерашнего дня,

Суховой, ураган... И тебя от меня
Не укроет ни щит, ни стальная броня!

Николай Муренин родился в с. Макарово Саратовской области, жил в Эссентуках, Саратове, Красном-на-Волге, Москве, с 1981 года – в Костроме. Был редактором ряда периодических изданий (сейчас – главный редактор историко-краеведческого журнала «Губернский дом»), ведущим телепрограммы «Жизнь замечательной Костромы». Стихи печатались в журналах «Юность», «Волга», «Дон», «Русская провинция», «Русский путь», альманахах и коллективных сборниках, выходящих в Москве, Саратове, Ярославле, Костроме. Автор двух сборников стихов и двух сборников рассказов, восьми книг по истории Костромского края. Член Союза писателей России.

СОЛДАТ

Когда совсем не оставалось сил,
И смерть была у самого порога,
Шептал одно он: «Господи, спаси...»,
Хотя до этого не верил в Бога,
И дал зарок: превозмогу беду –
Домой к жене и матери приеду
И вместе с ними в Божий храм пойду,
Где закажу молебен за Победу.
Остался жив. Закончились бои.
Солдат в село родное воротился,
А церковь там порушили. Свои!
А он в ней, чудом спасшийся, крестился!
Теперь же склад увидел там боец –
Награда за заслуги боевые...
Стоял и горько плакал, как малец,
Со дня войны, наверное, впервые.

Бабушка приёмник покупала,
Спрашивала всех, мол, что и как:
Сколько стоит – много или мало,
Где найти ей станцию «Маяк».

Было шумно в сельском магазине,
И шутил отчаянный народ:
«Значит, братцы, Бога нет в помине,
Коли бабка технику берёт...».

А старушка молвила чуть тише,
Даже не обидевшись на них:
«Может, о сынке ещё услышу
В передаче розыска родных».

Был седой он, но ещё не старый,
С костылём, с медалью на груди.
Приезжал старьевщик на бестарке
И кричал: «Готовь стране подарки!» –
И мальчишки мчались впереди.

Принимал он тряпки и жестянки,
Наши немудрёные дары,
А взамен давал крючки из банки,
Из корзины – вкусные баранки,
Из мешка – свистульки и шары.

Нас частенько взрослые ругали
(Мы ведь всё тащили, что могли),
Только одного они не знали,
Что стране мы этим помогали,
Что её с ним вместе берегли.

Наталья Мусинова родилась и живет в Костроме. Органично сочетает литературную, научную и педагогическую деятельность. Член Союза писателей России, доктор культурологии, доцент Военной академии. Литературные произведения печатались в журналах: «Юность», «Молодая гвардия», «Русский путь на рубеже веков», «Площадь Первоучителей», «Heimat» (Германия), «Кострома литературная», «Энтелехия», «Губернский Дом», «Костромской собеседник». Автор шести художественных книг: «Страна ветров» (стихи), «Аллегория счастья» (проза), «Футуристические настурции» (стихи в прозе), «Дверь с серебряным колокольчиком» (повесть для детей), «Перфоманс чувства» (стихи и пьесы), «Дедовы часы» (проза).

ИМЕНА ВОЙНЫ

Прокатилась волною война
По девичьей весенней красе.
И теперь та войною больна
Навсегда, безнадежно, как все
Миллионы таких же больных
С искалеченной гроздью обид –
Ветераны Больших Мировых
И Локальных Кровавых. Навзрыд
Я тревожную песню пою
Вам, узнавшим, в чём истины суть,
Вам, постигшим все смыслы в бою,
Вам, молящим «Меня не забудь!».
Отовсюду слышны голоса,
Разрывая оковы времён.
И протяжно поют небеса,
Разливая созвучья имён.

ЛЕТОПИСЬ ВОЙНЫ

Когда уйдёт последний ветеран,
Не прекратится летопись войны,
Ведь слишком много,
слишком много ран,
Ещё болят на теле у страны.
Ещё саднит багровая земля,
В местах сражений слышен тихий стон.
Ещё горит, ещё горит заря
Для тех, о ком –
лишь поминальный звон.
Забывать нельзя ничто и никогда.
Всегда открыта летопись войны.
И каждый день – другие имена,
И каждый день – избыточность вины.

ПАРЕНЬ ИЗ ТВЕРИ

Колокольчик в поле тихо умирал,
От щемящей боли плакал и стонал,
Уходя навеки вглубь сырой земли,
Падая на веки парня из Твери.
Тот красив и молод, но в бою убит,
Пулями исколот, взрывами изрыт.
Все его забыли, и ушли в леса.
На щеке у парня запеклась слеза.

Он, как колокольчик посреди земли,
Тихий, незаметный парень из Твери...

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

На поле сраженья не стройте дома!
Здесь шепчутся тени.

Здесь плачет сама
Земля, утопая в солдатской крови.
От мая до мая здесь мрачные дни.

И лишь в час Победы
всё сменится вдруг.
Земля расцветает – и радость вокруг!
И, кажется, будто бы кто-то поёт
Ликующим утром и рвётся в полёт...

На поле сраженья не стройте дома!
Здесь странное время.
Здесь – вечная тьма.
И лишь в час Победы –
восторг и картечь
Из тысяч орудий несбывшихся встреч.

ПРАЗДНИЧНЫЙ МАРШ

В окно моё летит салют.
Ура! Победа!
И пушки бьют, и пушки бьют
Во имя деда!
Во имя каждого, кто пал
На поле битвы!
Солдат, сержант и генерал,
Прими молитву!
Прими молитву даже тот,
Кого не знаю,
Ведь с 45-го в России –
Время мая!
Весна – в сердцах,
Весна – в глазах,
Весна – повсюду!
Ты знай, потерянный в боях –
Я помнить буду!

Ирина Подюкова окончила мантуровскую среднюю школу № 5, затем – филологический факультет Пермского государственного педагогического института. Работала корреспондентом в газетах г. Перми, преподавателем Пермского пединститута. В конце 80-х жила и работала в г. Гюстров в Германии, преподавала русский язык старшеклассникам немецких школ. Стихи писала с детства, но был огромный перерыв, пока росли дети. Лет 12 назад стихи пришли снова, начала публиковаться в Интернете. В 2010 г. вышел сборник «Наверх, по лунному лучу», в 2011 г. стала лауреатом краевого конкурса среди педагогов, затем были публикации в пермском журнале «Вещь», в литературных сборниках, издаваемых в Москве, Киеве, в журнале «Главная тема». Живет в г. Мантурово и преподаёт словесность в средней школе № 5. Вместе со старшей дочерью является составителем словаря местных слов и выражений «Шире, боле, дале».

МУЗЫКАНТ ИЗ ГЕТТО

извечная готовность к катастрофе...
в кругу блестящих скрипок и альтов
бесстрастно замкнут иудейский профиль,
как наглухо задернутый альков.

под вычурностью сводов потолочных,
причастна звукам, прочему – чужда
незащищенность впалостей височных
и взгляда отрешённая нужда.

... там в жарких розах жертвенник брусчатки
под сотней тел, изломанной лозы,
и ужас прочно выбит на сетчатке
алмазом непролившейся слезы.

что заперто внутри, с изнанки века –
в наружном взгляде не отражено;
а девочка... та девочка, Ревекка,
была б кому-то верною женой...

всё это – там. Здесь музыка. Бельканто.
как внемлет звукам многоликий зал!..
...живут отдельно – руки музыканта
и – внутрь себя глядящие глаза.

*Елене Антоновне, милому моему
научному руководителю, фронтовичке.
Светлой её памяти*

опять весна! листвы башибузуки
толпятся в голубом и золотом;
победный май настраивает звуки
на верный тон.

как жизнь права в своей слепой отваге;
привычную ноге тропу торю, –
я к Вам иду – сквозь медь, цветы и флаги,
как к алтарю.

сам день – чтоб петь, и плакать и молиться,
тая в груди избыток тишины;
и лица... лица... – чудится, все лица
из той весны; –

из той, уже немислимо далёкой,
как ключья снежных сброшенных пелён,
там Ваших кос сквозной летящий локон
был опалён.

там польские и чешские берёзки
в бинтах и в шрамах от заживших ран,
там ветер продувает перекрёстки
бескровных стран...

...с проспекта, где кумач на синем – жарко! –
сверну во двор, – тут сумрак и уют,
под старенькую каменную арку,
и постою...

под окнами газон... земля согрета...
расхристанный шиповник – смугл и бос.
справляясь с сердцем, наклонюсь к букету
любимых роз.

пролётов – два, и – первая квартира,
(что нынче остро вызывает боль)
на Ваше: – Шурик? отвечаю: – Ира!
почти пароль.

то не было ни данью, ни обрядом,
а счастьем, не отмеченным нигде,
возможность находиться с Вами рядом
весь длинный день.

хрусталь – для роз, а нам вполне спартански –
из старых чашек крепкого чайку,
и после, на сладчайшем из славянских,
«Крыныченьку».

война... судьба... и Вы – почти легенда,
и – друг, и – ум, что внутрь меня проник.
и милый дом, – жильё интеллигента,
гнездовье книг.

а помните? – пришла, главу просрочив,
вот здесь, за этим письменным столом, –
«Каренина», диплом, двенадцать ночи.
...как всё цвело!

раскладываем карточек осьмушки
и есть хотим, как мухи на Страстной;
но: «Сумрачен был Лермонтов, а Пушкин –
как день весной!..

Счёл гения державный попечитель
шутком, слугой! – споткнулся на шуте!»
...наш вечный спор... Любимый мой Учитель,
я – Ваша тень.

в том мире, что спасли вы, снова много
смертей и зла, в нём гибнут и крадут.
но будет май, и к Вашему порогу
я вновь приду.

Ваш Харьков в чёрно-красное окрашен,
испачкав гарью цвет родных знамён.
Бог спас, что Вы не дожили до наших,
до злых времён.

довольно и немного разговора,
чтоб скулы жгло, чтоб стыд и гнев не гас;
вина горька. Очнётся мир не скоро.
простите нас!..

Виталий Смирнов родился в 1946 году в маленькой деревеньке в Ивановской области. Окончил Владимирский политехнический институт, работал инженером-конструктором на Владимирском тракторном заводе. С 1978 г. по 2013 г. работал ведущим конструктором на Костромской ГРЭС. Живет в г. Волгореченске. В 2008 году издал сборник стихов «Разногодье».

СТРАНИЧКИ ДНЕВНИКА

Моему отцу посвящается...

1

Отец мой в первый день войны
Завёл себе дневник.
Свою судьбу с судьбой страны
Он связывать привык.
Держу я бережно в руках
Потрёпанный блокнот,
Ведь в нём, в его скупых строках
История живёт!

2

Наш край довольно далеко
От западных границ,
Сюда ни бомбой, ни штыком
Не дотянулся фриц.
Но вместо пули злая весть
Влетала в каждый дом,
И сколько бед за ней – не счесть
Историкам потом.
Повестку нарочный принёс
Без пафосных речей,
И влился в море горьких слёз
Ещё один ручей.
Успев немного запасти
Для русской печки дров,
Отец, сказав: «Прощай-прости!»,
Родной покинул кров.

3

Опушка леса под Москвой.
Ночные облака.

Отец мой принял первый бой
В составе арtpолка.
Который час зенитки бьют,
Вгоняя небо в дрожь.
Разрыв снаряда на салют
Нисколько не похож,
Да и понятие «салют»
Не введено пока...
По самолётам пушки бьют
Сквозь тьму и облака.
Чтоб до столицы не довёз
Фашист смертельный груз,
Грохочут пушки громче гроз
И громче гласа муз.

4

Потом лежал на запад путь
Зенитного полка.
По-полной довелось хлебнуть
Солдатского пайка.
Смоленск и Невель. Всё окрест
Порушено врагом.
Не уцелел средь здешних мест
Ни мост, ни сад, ни дом.
Над пепелищем – дым и чад,
Над полем воздух чист,
Но всюду мёртвые лежат:
Тут – наш, а там – фашист.
О, Господи! Какую дань
С людей война берёт,
Когда переступает грань
Обманутый народ!
Фашизм и бесноватый вождь
С теорией господ.
Разруха. Смерть. Свинцовый дождь.
Второй военный год.

5

Окоп вблизи передовой.
До немцев полверсты.
Опять кипит смертельный бой,
Трава горит, кусты.

Натужно «юнкеры» гудят,
Над ними – «мессершмитт».
От бомб и пуль здесь сущий ад,
Земля – и та горит!
Пикируя, фашистский ас
От перегрузок взмок.
Зенитчик, нервно щуря глаз,
Сжимается в комок.
Ну, кто кого? Не слышно фраз,
Снаряды воздух рвут...
Зенитчик жив на этот раз,
А лётчику – капут.
Два «юнкера» летят едва,
А третий – в землю вбит!
Горят кусты, горит трава,
Земля – и та горит.

6

Немецкий командир взбешён,
Что бьют его «орлов».
Открыть приказывает он
Пальбу из всех стволов –
И на землянку, где расчёт
Зенитки отдыхал,
Сплошных разрывов вал идёт,
Огня и стали шквал.
Изрыты поле и овраг,
Весь перепахан луг,
Воронки свежие чадят,
И гарь, и дым вокруг.
Друзья откапывать идут
С поникшей головой,
Не веря, что в таком аду
Остался кто живой.
Багры, лопаты у ребят,
Чтоб разобрать завал...
Но, чудо! Ни один снаряд
В землянку не попал.
Пускай землёй засыпан вход,
Пускай расшатан свод,
Ведь главное – что жив расчёт
И снова в бой пойдёт!

7

Войне пошёл четвёртый год,
Победа не близка.
Всё так же смерть солдат берёт
К себе, в свои войска.
Но жив отец и даже цел,
К боям почти привык.
Всё так же ловит он в прицел
Фашистский штурмовик,
Всё так же ухают в ответ
Разрывы бомб и мин,
И кажется, что в мире нет
Уже других картин.

8

Прибалтика. Чужой народ,
Иной менталитет.
Но для полка, что бой ведёт,
Больших различий нет.
Здесь тоже «юнгерсы» кружат,
Гремит военный гром,
Зенитки небо сторожат
И свой аэродром.
Латвийский хутор. Месяц март,
Война идёт к концу.
В один из дней не выпал фарт,
Не повезло отцу.
Удар! Скатившимся бревном
Отца сбивает с ног...
Санчасть и госпиталь. Потом
Войне выходит срок.
Победа! Как ликует люд,
Теперь смертям конец!
Смотрел на праздничный салют
Из койки мой отец.
Почти два месяца хлопот
Доставил он врачам,
Терпел, надеялся и вот –
Он снова ходит сам.
Из госпиталя наш герой
В родной вернулся полк.
Здесь грозы лишь гремят порой,
А грохот взрывов смолк.

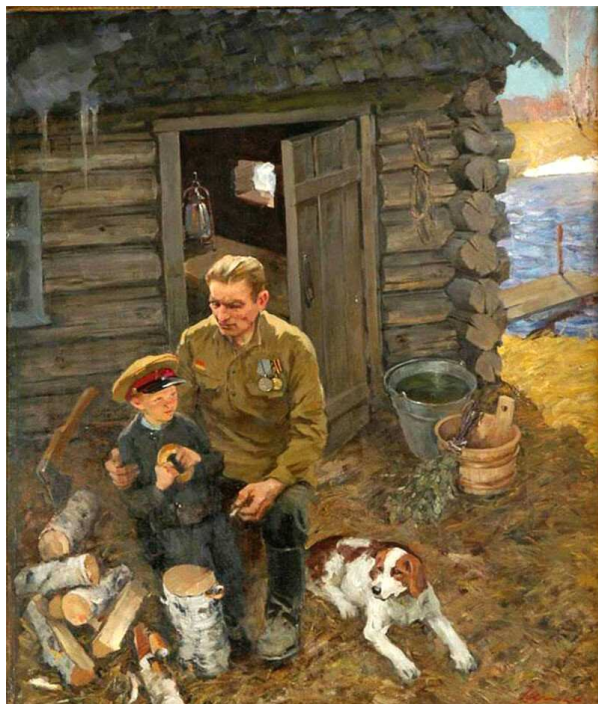
Здесь в мирном небе облака
Да стаи вольных птиц.
Мечта светла, душа легка,
И радость без границ!

9

В полку подписан был приказ
Ноль восемь с буквой «эн»,
В котором сжато, без прикрас
Представлен ряд имён,
Кто заслужил медаль трудом
И мужеством в бою.
Отец увидит в списке том
Фамилию свою.

10

Когда вернулся фронтовик
Под сень родных берёз,
Медаль и книжечку-дневник
С войны домой привёз.
Держу я бережно в руках
Потрёпанный блокнот,
Ведь в нём, в его скупых строках
История живёт!

Евгения Зарубина – поэт, учитель русского языка и литературы (п. Полдневица Поназыревского района Костромской области). Публиковалась в районных, областных и всероссийских изданиях. В 2013 году вышел поэтический сборник «Наверно, было б хорошо опять родиться...».

ЛЕНИНГРАД

Просветлённые временем лица
С фотографий увядших глядят.

И кому-то сейчас ещё снится
В сорок пятом убитый солдат.

Кто он был? Командир, рядовой ли?
Кем он был? Да ну мало ли кем!

Он для нас остается героем,
Пол-Европы поднявшим с колен.

Пусть о нём не написаны книжки,
Фотографии эти твердят:

Был на свете безусый мальчишка –
В сорок пятом убитый солдат.

Скрипнет дверь – и опять встрепенется
Одинокая старая мать.

Может быть, он однажды вернётся?
Будет вечно она его ждать.

На неё с фотографии старой
Он глядит, улыбаясь светлей...

Рядовые и комиссары
Рядом спят среди белых полей.

Улицы, закованные в лёд.
До костей промёрзшие дома.
Время свой остановило ход.
В Ленинграде голод и зима.
Остывает пепел на снегу.
От пожарищ чёрный едкий дым.
Мёртвым в полотняном их гробу
Вряд ли холоднее, чем живым.
Белый саван – всё белым-бело.
И под небом, низким и седым,
Ангел смерти чёрное крыло
Распростёр над городом моим.
И молитва, как забытый стих,
Вдруг придёт, но Бога больше нет...
Странен вид проспектов городских:
Там на лицах мёртвых и живых
Одинаково не тает снег.

Возле леса, где холм иван-чаем горит,
Рыли землю, штыками вгрызаясь в песок.
И не думал совсем я, что буду убит,
И что пуля шальная – сквозь каску в висок...

Были пыльные вёрсты, и пушек раскат,
И далёкой зарницы неожиданный сполох,
И безумные шквалы внезапных атак,
И от дыма я слеп, и от грохота глох.

Сколько гибло ребят в дни слепого огня!
Сколько хлопцев безусых война забрала!
Сотни вражеских пуль не задели меня,
Но война лишь одну для меня сберегла.

Был получен приказ: удержать высоту,
И врагов не пустить вглубь родимой земли.
И мы рыли окопы в пыли и в поту,
Чтобы немцы к столице, к Москве не прошли.

Солнце землю палило июльской жарой,
В знойном мареве дальние плыли холмы.
Этот край был ещё не затронут войной,
И казалось нам здесь, что совсем нет войны.

Мы не ждали беды. Да и кто её ждет?
Чёрной тенью скользя по пожухлой траве,
Из-за леса на нас налетел самолёт,
Поливая огнём, прижимая к земле.

Надо мной он пронесся, как чёрный орёл,
И крестами на крыльях мне солнце закрыл...
Сколько разных дорог я тогда не прошёл,
Сколько песен не спел, сколько дней не дожил!

Пронеслась и забылась былая война.
Затянулись глубокие раны земли.
И опять в жаркий день в том краю тишина,
В дымном мареве тают деревья вдали.

Нет там мраморных плит, вечно нет огня,
Лишь по-прежнему высь иван-чаем горит
На том самом холме, где не стало меня,
На холме возле леса, где я был убит...

Вячеслав Дробышев – автор двух поэтических сборников («Река времени» и «Вектор времени»). Стихотворения многократно публиковались в районной газете, были размещены в коллективных сборниках, выходивших в Калуге, Костроме и Буге, литературном альманахе «Кострома» и журнале «Кострома литературная». На его стихи композитор Алексей Петрович Ваничев написал несколько песен, которые хорошо известны в Буге. Руководитель ЛИТО «Бугские голоса».

Расскажи мне, отец, про войну,
Это нужно и внуку, и сыну,
Как ушёл из села, защищая страну,
Как был ранен в лихую годину.
Расскажи мне про памятный бой,
Ничего-ничего не скрывая –
Как друзей хоронил под фанерной звездой,
Как седела трава молодая.
Расскажи, как медаль получил
За бои в ленинградских болотах,
Как на Волховском фронте три танка подбил
И повёл за собою пехоту.
Расскажи о войне до конца,
Как шагали к Победе сквозь пламя,
Расскажи, я пойму...
Только нету отца,
Лишь остались награда и память.

СОН

Мне сегодня приснилась война:
В дымном небе пылали зарницы,
Постаревший отец у окна
Надевает шинель, чтоб проститься.
Мать хлопчет у печи с утра,
Пироги собирает в дорогу.
Ясно вижу, как будто вчера,
Старших братьев в избе у порога.
Годы, годы текут, как вода.
Дети выросли, внуки успели.
Сколько б лет ни прошло, но со мною всегда
Горький запах отцовской шинели.

КНИГА ПАМЯТИ

Под шелест листвы и победных знамён,
Под гром юбилейных оркестров
Я книгу листаю с рядами имён –
Печальнее нету реестров.
На каждой странице – разрывы гранат,
За каждую строчкою – слёзы.
И словно встают батальоны солдат,
Погибших за наши берёзы.
Здесь списки на тех, кто скончался от ран,
Не вышел из смертного круга.
И слёзы украдкой смахнёт ветеран,
Увидев фамилию друга.
А сколько пропавших без вести солдат,
Неведомо, где их могилы.
Но каждый из них – чей-то сын или брат,
Да просто единственный милый.
Война их брала на излом и изгиб.
И нету конца этим спискам.
Мы жизнью обязаны тем, кто погиб,
Кого берегутobeliski.

УХОДИЛИ НА ВОЙНУ...

В день, когда пришла война
В тихое Залесье,
Оборвалась тишина,
Задохнулась песня.

Стон и плач на всю страну
От тоски-кручины –
Уходили на войну
Лучшие мужчины.

От несметанных стогов,
За лесок еловый,
Провожали мужиков
Будущие вдовы.

Похоронки на солдат
Горе приносили.
Пал в бою за Ленинград
Мамин брат Василий.

Переводчиком погиб
Николай Зачёсов –

Раскрывались «языки»
От его вопросов.

Тяжко ранен был отец
В волховских болотах.
На побывку, наконец,
Отпустил комроты.

Помню чёрный пистолет
С рукояткой стёртой,
Синий шёлковый кисет
С крепкою махоркой.

Половина мужиков
С фронта не вернулась.
Сколько вдов и стариков
Горем захлебнулось...

Вновь напомнила весна
Горький вкус победы.
Только б вынесла страна
Нынешние беды!

Алина Кузнецова родилась в 1975 г. в г. Ашхабад Туркменской ССР. Окончила Ашхабадский механико-технологический техникум. Занималась альпинизмом, парашютным спортом. В 2003 году переехала в Россию. В 2012 году окончила КГУ им. Н.А. Некрасова по специальности «преподаватель русского языка и литературы». Работает учителем в школе. Учится в аспирантуре по специальности «отечественная филология». Стихи публиковалась в костромских и московских изданиях. В 2008 году вышла первая книга «Леопардовые сны», в 2015 году – книга «Кошкин город». Публикации: «Кострома литературная», «Костромской собеседник», «Губернский дом», «Литературная Россия», «Литературная газета», «Слова. Слова. Слова» (г. Чикаго, США). Член Союза писателей России.

Из цикла «Отблески»

1

Я устала барашков считать на зелёном лугу,
я на тёмную лампузираю с мечтою о сне.
Тяжкораненным зверем диван привалился к стене.
Артиллерия сына на полке застыла в углу.
Полководец уснул – завтра снова вести батальон,
только мне всё неймётся – в боку начинает колоть...
Все химеры войны обрели свою сущность и плоть
и на Т-90 внезапно ворвались в мой сон.
На площадных туманах клубясь, закаляясь огнём,
проникает с экрана в мой мозг суггестивное зло,
набирается гнева и похоти, ярости слов,
будит рокотом танков за мирным окном,
что идут на ученья размеренно в ряд.
Чёткий строй их не дарит спокойствия мне:
агнец, лев или волк – все равны на войне –
просто мальчишки чьи-то под дулом стоят.
...Что там, в будущем, сын? Только стрелки во мгле,
циферблат обегая, о главном молчат.
Я сегодня устала считать этих глупых ягнят!
Обагрённые кровью, они приникают к земле...

2

Не часто, как раньше, а вот – по весне
мне бабушка снится теперь.
И нынче: мой дед, что пропал на войне
стучится в закрытую дверь...

За ним – сотни вёрст без еды и тепла,
он пятые сутки без сна,
но та, что полжизни его прождала,
уже не стоит у окна...

И век незнакомый – нахальный, больной –
двадцатый закончен, а с ним
затихли разрывы второй мировой;
уж третью рисуют нам СМИ.

Вернулся, да поздно... Прохладный гранит
хранит её имя... Но грусть
прервётся догадкой, что вдруг осенит:
а пусть лучше... я им приснюсь!

Нелепый потомок, вершитель судеб, –
пласт времени маслом намажу на хлеб,
сминая пространства путей и дорог...
И выбежит женщина вдруг на порог,
и снимет солдат свой походный рюкзак,
и встретятся двое... Да пусть будет так!

3

Приходи, приходи, воскресай,
мой пропавший без вести солдат.
Вот какой уж неистовый май
о твоей мне победе трубят
эти песни, обрывки фраз,
эти блики с победных знамён
возвращают в который раз
в незабытый тот давний сон.
В нём – весны кавказской эскиз.
На перроне – толпы людей,
к ним мифический мчится «ИС»^{*}
во всю тягу сцепных осей.

^{*} *Примечание:* ИС – паровоз «Иосиф Сталин»

Там цветов, улыбок – не счесть,
там одно у всех на устах,
моей бабушке – двадцать шесть,
и стоит она вся в слезах.
Да, я знаю, в том нет вины...
всё ж глобальная есть вина.
Не прибывшего с той войны
буду ждать, как всю жизнь она.
Перед прошлым держать ответ,
странный долг мой... Который год
через пламя и пыль побед
мой несбывшийся дед идёт.

Елена Виноградова родилась в 1970 г. в Галиче. С 1990 года работает художником-оформителем в межпоселенческой библиотеке им. М. Горького и специалистом по развитию и возрождению народных ремесел. В 2016 году стала лауреатом премии им. Ю. Разгуляева в конкурсе поэзии в городе Буче. Стихи печатались в газете «Галичские известия», коллективном сборнике «Калейдоскоп», журнале «Светоч». Член ЛИТО «Чайка» (г. Галич).

У ветерана тело – карта.
На ней отчетливо видны,
Пути, что пройдены солдатом, –
Часть географии войны.
Шрам на щеке бугром неровным –
Здесь первый пункт нанёс солдат,
Полив родную землю кровью
В боях за город Сталинград.
На шее шрам – скользнула пуля,
Когда под Курскою дугой
Не отступили, не свернули,
Россию заслонив собой.
Там обошлось – бывало хуже.
Не только на передовой –
Под Ленинградом был контужен,
Но подлечили. Снова в строй.
Всё тело шрамы-пункты метят –
Топографический разброс.
Все точки, двигаясь к Победе,
Он, как сумел, на карту внёс!
Вот на бедре багровый росчерк.
Двина – немецкий автомат,
Живот крест-накрест располосан,
Конечный пункт – Берлин был взят!
Тот крест-отметина последний!
Потом провал... И нате вам –
В бреду метался всю победу,
Но выжил, слава докторам!
Весь путь солдатский дан наглядно –
На теле пунктов-шрамов ряд.
Они побольше, чем награды,
О ветеране говорят!
И пусть недолго до заката,
Но ведь сейчас он с нами, здесь,
Читайте, люди, эту карту,
Сейчас, пока возможность есть!

Евгения Ревакова – член Союза российских писателей. Пишет стихи, басни, поэтические сказки с музыкальными авторскими вставками. Имеет пять сборников: «Как не любить тебя, земля», «Я сердцем с вами говорю», «Бесценно в жизни каждое мгновение», «Негасимый свет», «За чередой бегущих строк». Её произведения опубликованы в шестнадцати российских изданиях, а также в журнале «Литературная Кострома», в сборниках «Нерехта – песня моя», «Под мирным небом Нерехты моей», в газетах «Нерехтская Лира», «Городок», «Нерехтская правда». Печаталась в альманахах Российского Императорского Дома «Наследие». Член ЛИТО «Лира» (г. Нерехта).

ПРОШЛОЙ ЮНОСТИ БАЛ ВЫПУСКНОЙ

Этот вальс, весь из тонкого ситца,
Белым облаком плыл над рекой.
До сих пор не устанет кружиться
Прошлой юности бал выпускной.

Самый близкий, родной и далёкий,
До рассвета ликующий вальс,
И записок короткие строки,
И сиянье восторженных глаз...

Звёзд мерцания шлейф осторожный,
Лунный всплеск, отходящий ко сну,
Репродуктора голос тревожный,
И рассвет, объявивший войну.

Город полнится вестью неожиданной,
Всюду стонущий ропот людской,
А разлука, как гость нежеланный,
На пороге за каждой стеной...

Привокзальная площадь, смятенье,
На платформах военные в ряд.
В гуле тонут слова и в движенье:
«До свиданья, до встречи, солдат!»

Нет, постой, подожди хоть немножко! –
Безутешны от горя глаза,
Губы шепчут: «Прощай, мой Алёшка» –
Крупной каплей скатилась слеза...

– Ах, Наташенька, что ты, родная,
Слёз не надо, а ну, улыбнись!
Я вернусь, я тебе обещаю,
Только ты меня, слышишь, дождись!

– По вагонам! – Как эха раскаты
Над толпой, словно вихрь, пронеслись...
Так на фронт уезжали солдаты,
Так военные дни начались!

Андрей Кубарь родился и вырос на Средней Волге, в Самарской области. В Волгореченске проживает с 1986 года. Работает учителем в средней общеобразовательной школе № 2. Имеет два высших образования: экономическое и педагогическое. Член ЛИТО «Волна» (г. Волгореченск). Его стихи публиковались в газетах: «Волжский Комсомолец» (г. Самара), «Красный Октябрь» (г. Сызрань), «Энергетик», «Век» (г. Волгореченск), в сборнике «Волгореченск: любовь и судьба».

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Войны не видел я, ребята.
Я на фронтах не воевал

И пол-Европы, как когда-то,
Солдатом я не прошагал.

Достались мне другие годы,
Но так же я стоял в строю,

На страже мира и свободы
Я вахту нёс уже свою.

И каждый год с поклоном низким
Я в этот день сюда иду –

К Огню, к подножью Обелиска
Цветы весенние кладу.

Молчанья скорбного минута.
Лишь ветер кудри шевелит.

В глазах слезинка почему-то.
И тихо Реквием звучит.

Мы помним вас, отцы и деды!
И знаем мы, какой ценой

Завоевали вы Победу
Для нас. Для всей Земли Родной!

Алексей Ярославский родился в 1988 г. в д. Афонино Барановского с/п Буйского района Костромской области. Первое стихотворение написал в двенадцатилетнем возрасте. Оно было посвящено воспитателям СРЦ «Солнышко» (с. Ликурга) и сразу же напечатано в районной газете «Буйская правда». Позднее юный поэт становился лауреатом и призёром различных литературных конкурсов, в частности районного и областного конкурса «Дебют». На данный момент является членом Совета молодых литераторов СП России, активно участвует в межрегиональных и всероссийских учебных семинарах, его стихотворения публикуются в коллективных сборниках и альманахах. Лауреат поэтического конкурса в рамках Всероссийского Некрасовского фестиваля поэзии – 2019.

Здесь два фото-
портрета
висят на стене,
здесь два взгляда –
и чем-то похожих, родных.
Это всё, что я знаю
об этой войне,
это всё, что на память
от этой войны
мне осталось.
В родительском доме, увы,
всё омыто слезами весенних небес,
и разруха печальных сороковых,
где ещё живы все,
но Христос не воскрес.

И два взгляда –
живых,
отражающих мир
трудовых, сердобольных и детских времён –
тут и зорьки встречают над реками, и,
словно к свадьбе готовясь,
кудрявится клён;
и ещё не в цене
были дни тишины,
нам доставшейся дорого – только бы не
позабыть о бесчисленных жертвах войны,
о великой Победе
в великой войне.

ПОСЛЕДНИЕ МЫСЛИ

Где моё необжитое облако
Среди тех, что летят высоко?

Их под звуки немецкой гармоники
Самолёт разрезает легко.

Почернели проёмы оконные,
И рука под гранатой черна...

Принимайте, войска миллионные,
Вас же тоже убила война?

Там потише, под бликами звёздными?
Там стоит перевернутый крест?

Он же раньше был местом апостола,
А теперь – нет ужаснее мест.

Любовь Смирнова – член ЛИТО «Буйские голоса», обладатель премии им. Ю.К. Разгуляева в 2019 г. Произведения публиковались на страницах районной газеты, в поэтическом сборнике «Сердцу милая сторона», вышедшем в Костроме в 2016 г.

ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА

Был дед высок, хорош собой,
Цвели в нём молодость и сила.
К работе годен был любой,
Но жизнь война перекосила.
Писал в письме из дальних мест
Своей супруге – буювлянке,
Что прибыл в часть он, наконец,
Что холодно, живёт в землянке,
Что согреваются едва
Друзья у маленькой печурки.
И спрашивал: «А есть дрова?
Не мёрзнете ли вы с дочуркой?»
Писал: «Вернусь я, не тужи,
Вот Гитлеру наступит крышка.
Как дочь растёт, мне опиши...» –
И звал по отчеству малышку.
Поклон передавал родне,
Приветы посылал знакомым,
И всё мечтал о светлом дне,
Когда с Победой будет дома.
Но... обещанья не сдержал,
Не возвратился в край родимый.
Он дочку к сердцу не прижал,
Он не обнял жены любимой.
А на запрос пришёл ответ:
«Боец Смирнов с раненьем в ноги
Был переправлен в лазарет,
Но их бомбили по дороге.
Его среди пациентов нет,
Но нет его и в списках павших,
И потому потерян след,
Супруг ваш – без вести пропавший».
...Военных лет растаял дым.
Года идут привычным строем.
Всегда он будет молодым,
Российским воином, героем.

Татьяна Русова – член Союза писателей России, автор поэтических сборников «От зимы до зимы», «Татьянин день». Член ЛИТО «Светица» (г. Солигалич).

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Они вступили в схватку с лихолетьем,
Исполнив до конца священный долг...
И, словно вновь, за Родину в ответе,
Шагает по стране Бессмертный полк.

С портретов смотрят вечные солдаты,
Как журавли, слетевшие с небес,
Из тех стихов, что написал Гамзатов,
Пропел душою пламенной Бернес.

К той песне просто нечего добавить.
Вольёмся, молча, в День Победы в строй
И пронесём по жизни гордо память
О тех, кто мир сумел прикрыть собой,

О тех, кто удостоился бессмертья
Навеки, до скончания времён.
Вот бьют куранты. И на всей планете
Слышны лишь колыхания знамён

Да чёткие отчёты метронома
В молчании звенящей тишины.
Как всё-таки людская скорбь огромна,
И как бездонна боль от той войны!

Мы забывать историю не вправе.
Пусть играет духовой оркестр
Ту песню, что душою пел Бернес,
К которой просто нечего добавить.

ЗАРИ ПОСЛЕДНЕЙ ЗАРЕВО

*По мотивам повести Б. Васильева
«А зори здесь тихие»*

Алели зори на небе синем,
Топя в озёрах свои осколки...
Поведал миру Борис Васильев
О женской силе и чувстве долга.

Враг сапогами шаги печатал,
Топтал, что свято, с оскалом зверя.
Пришли в зенитный расчёт девчата,
Ранимым сердцем в победу веря.

Им всем казалось, что жизнь – навеки,
Был на ладонях след линий чётким.
Что сломит судьбы война, как ветки –
Ещё не знали тогда девчонки.

Вновь над страной пылали зори,
Как будто выплавил май из меди.
А пять зенитчиц в одном дозоре
Уже вступали в свой бой последний.

Любя Отчизну свою всецело,
Тайком в засаде сидеть досадно.
Но крался лесом упрямо к цели
Десант немецкий из диверсантов.

Вслух Соня Гурвич читала Блока
В тиши зловещей, в покое лживом,
Пока Россия просила Бога,
Чтоб те девчонки остались живы.

Не вняло небо мольбам в то утро,
Бездушной тучей война витала.
Вещал встревоженно репродуктор
Надрывным голосом Левитана.

Людмила Юрьева – поэт, член ЛИТО «Светица» (г. Солигалич). Родилась в Солигаличе. В 1989 г. окончила КГПИ им. Н.А. Некрасова (факультет биологии и химии). Ветеран педагогического труда, работает преподавателем филиала Чухломского лесопромышленного техникума им. Ф.В. Чижова. Первые публикации стихотворений появились в 2006 г. в газете «Солигаличские вести». В 2011 г. вышел авторский сборник стихов для детей «Сюрприз». Является соавтором трёх литературных сборников «Светицы» («Под родными звёздами», «Всё начинается с любви» и «Я этим городом живу»). В 2015 г. вышел второй авторский сборник стихотворений «Босиком по осколкам лета».

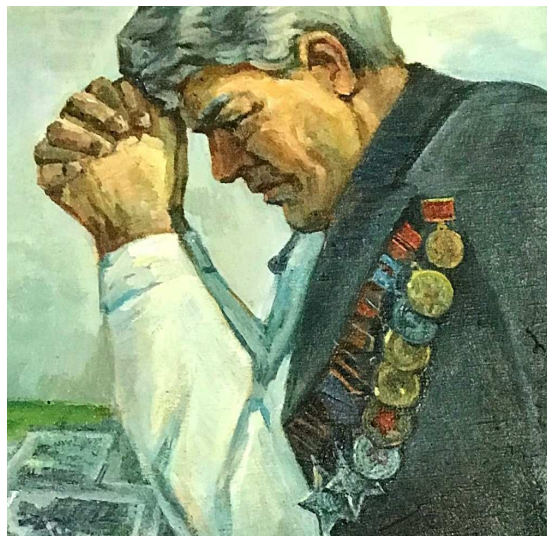
Я тебя не прощу, угольком догорело, истлело
 Беспокойное чувство, разорвано в клочья и прах.
 Я искала тебя поутру в крестовине прицела
 На холодной земле в тёмно-синих высоких цветах.
 Я подкралась, да так, что не пискнула серая птица,
 Под ногою не хлюпнула жидкая бурая грязь.
 Я прошла по тропе, с этим лесом успела сродниться,
 Ведь недаром, поверь, я в тунгусской тайге родилась.
 Как тебя я любила! Любви моей больше не надо.
 А стреляешь ты метко в людей, что построены в ряд.
 Я смотрела в прицел, и болело плечо от приклада,
 А к расстрелу готов был растерзанный боем штрафбат.
 В том строю – всё мальчишки, и смерть они видели рядом –
 Им грозила старуха своей суковатой клюкой.
 Ты – комдив боевой, повелитель расстрельных отрядов,
 Там, в раю, будешь точно небесной страды рядовой.
 Только красный околыш фуражки да белые крылья...
 Синих глаз твоих помню надменно-рассеянный взгляд.
 Я бежала по лесу, скуля и ревя от бессилья –
 Не нажать на курок! Ну, скажите, кто в том виноват?
 Я упала в траву, где блуждали зелёные росы,
 Плакать вместе со мной захотели они без стыда.
 Я тебя не прощу! С неба падали, таяли звёзды
 В одеяло тумана надолго, навек, навсегда*.

*Примечание: основано на реальных событиях периода Великой Отечественной войны. Первый Белорусский фронт, май 1943 г.

РАССКАЗ ВЕТЕРАНА

Спросил студент, что шёл на «пять»:
А что такое РОА* ?
Ведь за Отчизну постоять,
Наверно, это клёво?
Спросил он прямо, без прикрас,
И всё же как-то странно...
Я вспомнила тогда рассказ
Соседа-ветерана...
«Пошёл войне второй уж год –
Предстала новой гранью,
И погибал разбитый взвод
В болотах под Любанью
Бойцы устали, голодны,
В кольце, в том бранном деле,
И шли трясиною войны,
Всех лошадей доели.
Случались топкие места.
Там, у Мясного бора,
Варили щи из хомута,
Но ждали – помощь скоро.
В лихой године погибать
Не все приноровились.
Бил пулемёт опять, опять,
Политруки молились!
Где полегли вы, пацаны?
Там, на замёрзших кочках.

И где искать путей иных –
Уже не знали точно.
И тут советский генерал,
Сам богатырской стати,
В кружок бойцов живых
собрал
И заявил, что хватит!
Товарищи, вот белый флаг,
И там спасенье близко.
А что фашист? Он вам не враг.
Он против коммунистов...
Но не учёл тогда злодей,
Что был во властной силе,
Он продавал своих людей
И Родину – Россию.
Я был в годах ещё юнцом
И плен отбарабанил,
Но не хотел быть подлецом
В болотах под Любанью.
То – зло. И как не назови,
Хоть РОА, хоть не РОА.
Терпи в нужде, в беде, в крови
За честь родного крова!»
Поник студент мой головой,
И понял всё, как надо.
Он будет скоро рядовой
Российского отряда.

* *Примечание:* РОА – русская освободительная армия генерала А.А. Власова, активно сотрудничала с фашистами во время Великой Отечественной войны.

ЛИРИЧЕСКАЯ

Это ж надо так – как и не было...
 Солнце падало в травы зрелые.
 А за рощицей, за околицей
 Месяц топчется, беспокоится:
 Я не вовремя, ночка светлая?
 Парень-молодец, песня спета ли
 Под гармошечку, под трёхрядочку,
 Про походочку и поглядочку,
 Про хорошую, глазки-искорки?
 Попрошались ли? Помирились ли?

Плачет девица: так и не было,
 Не вернулся он, хоть и верила.
 Забрала война дань великую.
 В том моя вина – не окликнула.
 За деревню, за околицей
 О тебе звенят, беспокоятся
 Травы росные, нивы спелые.
 Небо звёздное, скатерть белая...
 Недосказано, недомолвлено,
 Не наказано, не исполнено.

...Ночкой ласковой, у окошечка
 Тихо плачется под гармошечку.

ПОБЕДНЫЙ МАРШ

Весна идёт, весна поёт:
 Удача с нами.
 Идёт солдат, идёт вперёд,
 Алеет знамя.
 И всё цветёт тут не впервой,
 И слава Богу.
 Мы на берлинской мостовой
 Поставим ногу.
 Идём сквозь дым: где рай, где ад –
 Не знаем, право.
 Солдат солдату – друг и брат,
 Героям слава!
 Горит рейхстаг – да будет так,
 А под ногами
 Лежит земля и нынче враг
 Повержен нами.

МАЛИНОВЫЙ ЗВОН

Аксельбанты, папахи, погоны.
 Отражает вокзала окно.
 Эшелоны, платформы, вагоны.
 И на запад, уж так суждено.
 Туча чёрная небо закрыла.
 Пыль дорог, грязь окопов и стон.
 Смерть-старуха косою косила
 Под церковный малиновый звон.
 Португееи, фуражки, шевроны.
 Был приказ, и ни шагу назад.
 И опять полустанки, перроны,
 Слезы жён, грохот, копать и чад.
 Снова кружится чёрная птица,
 И на запад идёт батальон.
 Вновь несётся войны колесница.
 И опять, он, малиновый звон.
 Автоматы, береты, жетоны,
 Марш-бросок и чеченский синдром.
 Снова слёзы, вокзалы, вагоны,
 Грохот танков и выстрелов гром.
 Ты довольно страдала, Россия!
 Много жизней, поставив на кон.
 Поднималась великая сила
 Под спокойный, малиновый звон.

Идём – винтовок частокол
 Передним краем
 А мы за Курск и за Орёл
 Здесь отшагаем.
 За наши трудные деньки,
 За похоронки,
 За пацанов, что шли в штыки
 По самой кромке.
 Отдав всю силу, широту,
 Всю, без остатка...
 Но ветка яблони в цвету
 На башне танка.
 Мы приближали свой рассвет.
 И быль и небыль.
 Да будет день, да будет свет
 Под ясным небом!

Анна Антонова родилась в 1941 г. в д. Михайлове. Отец – кадровый военный, погиб в годы Великой Отечественной войны. Окончила Юрьевецкую среднюю школу, в 1965 г. – филологический факультет КГПИ. В 1965 – 2011 гг. работала преподавателем русского языка и литературы в школах Макарьевского района. Её произведения стали печататься с 1965 г. в областных и центральных газетах, в журналах «Наш современник», «Нева» и др. Выпушены поэтические сборники: «Я – деревенская сердцем», «Прозрение». Живет в д. Нежитино Макарьевского района.

ПАМЯТИ ОТЦА

(отрывок из поэмы «Музыка времени»)

С околышем красным фуражка
Военной поры образца,
Плащ синий, походная фляжка –
Вот личные вещи отца.
Он был молодым офицером,
Любил беспокойство дорог,
Когда в роковом сорок первом
Война ворвалась на порог.
Да несколько снимков в военном,
Да с фронта одно письмецо...
А я родилась в сорок первом,
И я не встречалась с отцом.
Но время отчаянно мчится
Вперёд и вперёд – не унять.
И вот мне сегодня – за тридцать,
И хочется слово сказать.
О том, что легло мне на сердце,
О чём позабыть не могу:
О людях любимых, о детстве,
О тех, перед кем я в долгу.
Из школы отпустит учитель –
Бегом добежишь до крыльца
И слушаешь дом, не звучит ли
Приснившийся голос отца...

Нам часто такое мечталось
И виделось, как наяву,
Но мало отцов возвращалось,
И мы убегали в траву...

ОТЦОВА ГАРМОНЬ

В заброшенном домике на шифоньере
Пылится отцова гармонь...
И скоро к гармонике этой, я верю,
Протянет праправнук ладонь.
И всхлипнет гармошка, вздохнёт и заплачет,
И может быть, песню споёт...
А как же иначе, а как же иначе?
В гармошке той память живёт!
И пальчики будут по клавишам этим,
Бежать и бежать, и бежать.
Всем людям на свете, на целой планете
Гармошке есть что рассказать.
Как жили, любили, на фронт уходили,
Мечтали вернуться домой,
И как возвращались, когда победили,
Как звал их тот голос живой...
И в этом родительском доме, я верю,
Однажды вдруг всё оживёт:
Ведь на шифоньере, за старую дверью,
Гармошка праправнука ждёт.

Ирина Скородумова – член ЛИТО «Буйские голоса». Автор пяти поэтических книг. Ее произведения вошли в коллективные сборники, изданные в Буге, Костроме и Калуге («Это наша с тобой сторона», «Зов памяти», «Сердцу милая сторонка», «Соцветие»). Стихи были опубликованы в районной газете, литературном альманахе «Кострома», журнале «Кострома литературная». Член российского Союза писателей.

ВETERAN

Подсыхает земля, зеленеет трава,
И весна путь открыла надежде.
Поседела давно уж моя голова,
Но сегодня я молод, как прежде.
Снова рядом со мной фронтовые друзья,
Те, что в грозных боях честно пали,
Кто не дожил до светлого майского дня,
Дня великих торжеств и печали.
Вопрошают без слов, глядя прямо в глаза:
– Что, дружище, живётся несладко?
Набежит на ресницы скупая слеза,
Я смахну её быстро украдкой:
– Не моя в том поверьте, ребята, вина,
Но я вас ни на йоту не предал.
Я сегодня надену свои ордена,
Мы отпразднуем вместе Победу.
Мы сегодня, как прежде, в едином строю,
Дружбы, спаянной кровью, нет крепче.
Вы меня не покиньте, как в страшном бою,
В этот день с вами вместе мне легче!

К ОСВОБОЖДЕНИЮ СТАЛИНГРАДА

Был снег горячим, плавился металл,
И впору в землю вжаться и лежать.
Но каждый, кто стоял тут насмерть, знал,
Что город Сталина нельзя врагу отдать!
Бой шёл за каждый дом, за пядь земли,
Снарядов свист и грохот уши рвали –
Свершили, что могли и не могли.
Отдали жизнь, но город отстояли!
Записан подвиг кровью на снегу,
Была ещё Победа далека...
Но Сталинград сломал хребет врагу,
И слава его будет жить века!

22 ИЮНЯ

Было утро красивым,
Нёс июнь тишину.
Только громкие взрывы
Разбудили страну...

Отгремели раскаты
Той кровавой войны,
И сегодня солдаты
Видят светлые сны.

Зарастают травую
Шрамы огненных битв –
Молодою листвою
Сад вишнёвый шумит.

Вспомним день этот страшный –
Постоим, помолчим...
«Это нужно не павшим –
Это нужно живым!»

ОБЕЛИСКИ

С каждым годом грустнее
День Победы весной,
Потому что редееет
Бывших воинов строй.

А сейчас молодые
Знать про то не хотят –
Сколько в годы лихие
Не вернулось солдат.

Пусть ушла в век минувший
Мировая война –
Миллионам живущих
Память сердца дана.

Чтоб не смог повториться
Чёрно-огненный ад,
По военным границам
Обелиски стоят.

ЖЕНЩИНАМ СОРОКОВЫХ

Молоденькие девочки и вдовы
Тех огненных сороковых годов,
Чьи судьбы исковеркала сурово
Война, отняв мужей и женихов.

Остались нецелованными губы,
А у кого-то – дети на руках.
Всё пережили, крепко стиснув зубы,
Навеки память сохранив в сердцах!

И похоронки чёрною бедою
В дома врывались, разметав уют...
Всё это было, было не со мною,
Но ваши слёзы моё сердце жгут!

Пусть пролетают годы и столетья,
Но скромный женский подвиг не умрёт.
О, женщины крутого лихолетья!
Во мне их боль и их любовь живёт.

Людмила Серёгина родилась в 1948 г. в г. Буге. Окончила Костромской педагогический институт им. Н.А. Некрасова, естественный факультет. Печаталась в коллективном альманахе «Русь моя» и коллективном сборнике «Стихия природы». Член ЛИТО «Буйские голоса».

ПРИЛЕТЕЛА ПОХОРОНКА

Прилетела похоронка,
Но не к нашему крыльцу.
Обошла пока сторонкой,
Только счастья нет бойцу.
Мамин брат пропал на фронте.
Как пропал? Как гвоздь в стогу!
Молодым бойцом в пехоте
Был и грудь открыл врагу.
Южный фронт. Дрожали горы.
Видел брат в последний раз
«Мессершмитта» рваный короб,
Что горел, потом погас.
Только стихли взрывы к ночи,
Вроде, слышал: «Жив, милоч?»
Жить хотел мой дядька очень,
В этот раз не повезло.
Медальон с груди солдатской
Найден в лютовую войну.
Дядька мой – в могиле братской
У Ростова-на-Дону.

Татьяна Жильцова родилась и живёт в г. Шарье. В 1989 году окончила Ярославский университет. По профессии – психолог. Стихи любила всегда. В школьные годы увлекалась творчеством Маяковского, чуть позже полюбила стихи поэтов Серебряного века. Первое собственное стихотворение было написано в 9 лет, но более осознанно начала писать уже в зрелом возрасте. Размещает свои стихотворения на портале «Стихи.ру».

Пригрело солнце землю. Майские дожди
Следы парадов смыли.

Вытянулись стебли
Над «мать-и-мачехой» – невзрачные хвощи,
Едва заметные на фоне пятен смелых,

Средь полевых цветов явили кроткий нрав.
Такое с виду неказистое растение
Спасало в голод. И дитя войны, собрав
Котомку «пестиков», сражался за спасение.

Познал лишения и тяготы войны,
Трудом недетским он «ковал» свои победы.
И не забудет никогда, как ждал весны,
Когда взойдут из снега первые побеги.

Такие с виду неказистые хвощи!

Ирина Манина живёт в г. Шарье, работает корреспондентом в районной газете «Ветлужский край». С 2010 года является членом Союза журналистов России, пишет стихи и рассказы. Стихи публиковались в литературных альманахах и журналах: «Невский альманах» (г. Санкт-Петербург), «Литературный МИКС» (г. Санкт-Петербург), «Вокзал» (г. Санкт-Петербург), сборнике «Зеленая среда» (г. Санкт-Петербург), «Журнал Поэтов» (г. Москва), «Интеллигент. Москва», «Губернский дом», «Параграф», «Южная звезда» (г. Ставрополь), «Наше поколение» (Кишинев), «Дальний Восток» (г. Хабаровск), «Дарьял» (г. Владикавказ).

Клином сошлось всё на свете:
Люди, война, журавли.
Словно в далёком столетье –
Матушке – «Благослови!

Дважды, крестом укрывая,
Руку свою подними...».
Крепче щита не бывает
Поля обритой стерни.

Екатерина Щенникова – поэт из г. Шарьи. Родилась в 1981 г. на севере, в лесном поселке Мурманской области. В 1997 году семья переехала в п. Зебляки Шарьинского района Костромской области. В 2000 году окончила Шарьинский педагогический колледж. В 2006 году – КГУ им. Н.А. Некрасова, филологический факультет, отделение «журналистика». С 2006 по 2008 гг. работала в Шарье главным редактором городского телевидения. Писать стихи начала с 13 лет, а с 16 – печаталась в городских и областных СМИ (газеты «Ветлужский край» и «Молодежная линия», журнал «Губернский дом» и др.). Стихи были опубликованы в нескольких электронных изданиях и поэтических сборниках.

*Дедушке Пете
посвящается*

Уходя, говорили:
«Ты за нас поживи,
наш меньшей,
не спеши на войну!
Ты за нас поживи,
надышись синевой,
не спеши умирать,
не спеши...»
Он вслед братьев ушёл,
мать оставив одну
у лампы ночами стоять.
Он вслед братьев ушёл,
он ушёл на войну,
он ушёл на войну умирать.
И из братьев один,
и из братьев меньшей,
он вернулся,
вернулся домой,
вспоминая завет:
«Ты за нас поживи,
помолись,
надышись синевой...»

Людмила Ювенская родилась в д. Галкино Буйского района, где прошли её детство и юность, там живёт и сейчас. После окончания Буйского строительного техникума получила профессию бухгалтера. Последние годы работала в администрации Буйского района. Писать стихи начала примерно с 40 лет. В 2007 году вышел её поэтический сборник «Моей любви негромкие слова». Стихотворения были опубликованы в районной газете, коллективных поэтических сборниках.

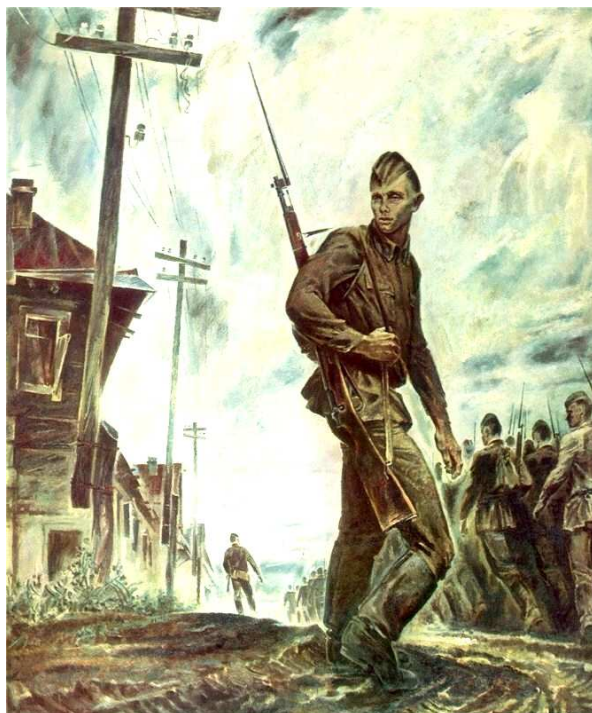
Неизвестный солдат,
Чей-то муж или брат,
Чей-то сын или внук,
Летчик иль политрук,
Офицер, рядовой,
Неизвестный герой.

Он Россию спасал
И за нас погибал
Чей-то сын или внук,
Рядовой, политрук,
Чей-то муж или брат
Неизвестный солдат.

Ах, Алёша, русский паренёк,
Моего отца родной братишка.
Скромный, стройный, будто тополёк,
И по-сельски простенькая стрижка.

Всё, казалось, было впереди:
Жизнь, работа и любовь, конечно,
Но оборвались судьбы листы –
Ты остался молодым навечно.

Мы его не знали: он убит.
Русский паренёк, отца братишка.
Под Полтавою в земле лежит,
Навсегда и воин, и мальчишка.

Евгений Морозов – член Союза писателей России, кандидат экономических наук, доцент, автор книг стихов «Добром чтоб вспоминали люди», «Коробейники» «У реки, у речки», «Черёмухов цвет», «Напутствие», «Мелодии души», «По волнам памяти», «Варакушка». Имеет публикации в газетах, журналах, коллективных поэтических сборниках. Ряд стихотворений автора костромскими композиторами переложено на музыку и звучит в качестве песен. Активный член костромского творческого объединения «Союз трёх муз». Живет и работает в Костроме.

РОССИЙСКИМ КУРСАНТАМ

*22 февраля в канун Дня защитника
Отечества прошла встреча поэтов
с курсантами ВА РХБЗ (г. Кострома)*

То на парадах аксельбанты,
Оркестр и соло на трубе,
Мундир красивый на курсантах.
А в будни – скромное ХБ.

Ну, и зачем, скажи, в ученье
Парадный новенький мундир?
В «парадке» рыть окоп – мученье,
Он вмиг износится до дыр.

Когда ж закончена работа –
Бойцы домашни и тихи...
Сидит в казарме третья рота,
С вниманьем слушает стихи

Про ветеранов, бой, Победу,
Разрывы в сполохах весны,
Седую бабушку и деда,
Что не вернулся с той войны.

Они по-взрослому серьёзны,
Печальны умные глаза,
Густые брови хмурят грозно,
А по щеке бежит слеза.

В погонах юные ребята
Те рифмы слушают, да так,
Как будто в зале не «школята»,
А мощный боевой кулак!

И поднимаются в атаку
Под взрывов яркие огни,
Идут с гранатой под траки.
Как будто в том бою они.

А в «оружейке» – автоматы,
В техпарке – крепкая броня...
И эти мальчишки-солдаты
Готовы защитить меня,

Тебя и всю страну родную,
Присяге воинской верны.
Не надо им судьбу иную!
Они – опора для страны.

Сегодня – юные курсанты,
А завтра – пустится в полёт,
Надев погоны лейтенантов,
Надёжный армии оплот.

В них дремлют ратные таланты.
И этим юноши сильны,
Стройны, красивы, элегантны –
Элита, будущность страны.

И верю я, под бой курантов,
Судьбы напишутся штрихи,
Когда российские курсанты
Так чудно слушают стихи!

БЕСЕДА С ДЕДОМ В КАНУН ДНЯ ПОБЕДЫ

*Памяти моего деда Морозова В.Я.
(последнее письмо – станция Мга
Ленинградской области, лето 1941 г.)*

На столике чарка, накрытая хлебом,
Весенние сумерки бродят в саду,
И, как наяву, я беседую с дедом,
Погибшим под Мгой в сорок первом году.

А дед в гимнастёрке помятой и рваной,
Пилотка с звездой с уклоном на бровь,
Повязка, стянувшая свежую рану,
И зло проступившая бурая кровь.

Он хмур, мрачноват, но по-своему светел,
И взгляд столь лучист, будто светит звезда,
Всего тридцать шесть только в мае отметил,
Да так и остался таким навсегда.

«Ну, здравствуй!» – «Привет!» – «По сто грамм ради встречи?»
«Я вижу, готовился – водка и хлеб,
И к чёрту сейчас эти длинные речи,
Налито – так пей!» – «Со свиданьем, дед!»

И странно всё как-то: хоть дед, но моложе!
А это войны той проклятая месть.
«Да полно, внучок, это промысел Божий!
Ведь ты на земле... и праправнуки есть?»

За то и погиб.... Ну, давай за победу!
Тогда я не знал, когда будет она...»
И вновь наливаю я полную деду,
И вновь выпиваем мы оба до дна.

«Послушай, внучок, ну, а что это с вами?
Мол, нас победил мне неведомый враг?
Что стало с Советским Союзом с годами?
И где кумачовый прославленный флаг?»

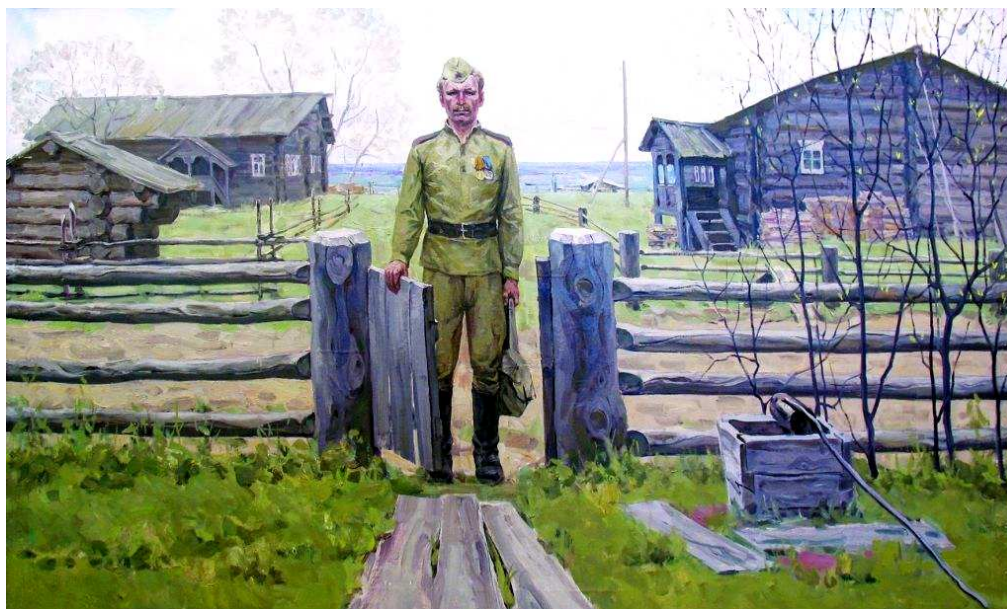
Не знаю, как правильней высказать деду,
Соль сыпать на раны я вовсе не спец...
«Давай-ка по-третьей за ВАШУ ПОБЕДУ!
Всех тех, кто приблизил войны той конец!»

И дед помолчал... Положил корку хлеба
И стал собираться, шинель надевать...
«Мне нужно успеть ровно в девять на небо,
У нас на поверку нельзя опоздать!»

Мы также в строю, не имея могилы,
Лежащих в воронках, траншеях без дна,
В болотах, лесах нашей Родины милой,
Где молохом чёрным катилась война.

А если солдатик не предан земле,
Салют не гремел, и не отдана честь,
Он новой державы не станет частицей.
Он вечно в строю. И война ещё есть...»

...На столике чарка, накрытая хлебом,
Весенние сумерки бродят в саду,
И снова, как в бой, провожаю я деда,
Погибшего в том, сорок первом году...

Виктор Веселов родился и живёт в Костроме. Член Союза писателей России с 2004 года. Доктор исторических наук. Автор восьми поэтических сборников и множества научных и публицистических статей.

ВДОВА

Послевоенная глубинка,
Ещё звучит в сердцах война.
Ещё покатится слезинка,
Слезой умоется страна.

Вдова... А ей всего за двадцать
И, вроде, в бабах не была,
Хоть обвенчалась в восемнадцать,
Две ночи с мужем провела.

Ушёл Семён, высокий, русский.
– Я ненадолго. Подожди.
Лёг навсегда у Старой Руссы,
Слова последние: «Прости...»

Глядит с портрета: «Что ж, Полина,
Знать, наша такова судьба.
Ни дочки нет у нас, ни сына,
И покосилась вон изба.

Ты мне теперь почти сестрица,
Кого полюбишь – выходи.
А если буду тебе сниться,
То ты за это не кори».

Поплачет вдовушка, поплачет:
Подушка стерпит всё, поймёт,
И ночь, как траурное платье,
Почти беззвучно упадёт.

Неужто будет так годами,
Одно и то ж – и ночь, и день:
Подушка, мытая слезами,
Стена да стылая постель.

«Ну что же ты, Семён, не спасся,
Не уберёг себя, родной?»
«Поплачь, Полинушка, поплачься,
Поговори ещё со мной...»

Василий Сиротин родился в 1951 г. в п. Пилорама, Кологривского района Костромской области. Окончил лесной техникум в г. Рыбинске Ярославской области, получив профессию «техник лесного хозяйства». Затем – служба в армии в суровых климатических условиях в г. Усть-Камчатске. Возвратившись на родину, более сорока лет проработал лесником в Кологривском лесхозе. В 2015 году с семьёй переехал в г. Галич.

ПАШЕ - 70 ЛЕТ

Шёл, потрепанный войною,
К середине прошлый век,
Той зимой – сорок восьмого –
Появился ты на свет.

Было трудно, бедно жили –
Небогат крестьянский быт.
И родители трудились,
Чтоб ты был одет и сыт.

Время шло, года летели –
Вот и школа позади,
И пошёл ты, парень смелый,
По военному пути.

От Читы и до Афгана –
Всё пришлось перенести.
Путь нелёгкий: от курсанта
До полковника пройти.

Всё сумел – не помогали,
Что хотел – всего достиг.
И на кителе медали –
Результат трудов твоих.

Годы прожил не напрасно.
У детей всё хорошо.
Вот ещё бы внучкам счастье
Яркой звездочкой вошло.

Владимир Дубахин живет в Костроме; образование – средне-техническое. Участник литературного объединения имени И.А. Дедкова. Поэтический сборник «Шаги моего времени» издан в 2018 году.

МОНОЛОГ СЫНА

*посвящение отцу – Дубахину И.Н. –
герою Великой Отечественной войны*

После дня приходит вечер,
Ждёт меня уже кровать,
Как люблю я с папой встречи
И вопросы задавать...

Кто поймёт мою тревогу:
Почему я должен спать?
Я устал совсем немного,
Спать же хуже, чем гулять!

Мне почти четыре года,
Может, хватит вытворять...
Почему вы взяли моду –
На ночь сказки повторять?

Я давно все книжки знаю,
Наизусть их изучил;
Всё легко запоминаю,
Не потратив капли сил.

Знаю, есть другие темы,
И пора поговорить!
Чтобы не было проблемы,
Лучше сразу обсудить.

Вот зачем, к примеру, ветер?
Скажешь, тучи разгонять?
Кто тогда, следя за этим,
Должен ветром управлять?

Кто на тучке кран откроет,
Чтобы дождик выливать?
Интересно, кто на небе,
Звёзды может зажигать?

Где у солнышка кроватка?
Почему луна не спит?
Птичка делает зарядку,
Если по небу летит?

Объясни же мне скорее,
Как летает самолёт,
И откуда в батарею
По трубе тепло идёт?

Почему бежит дорога
И растёт вокруг трава?
Почему вопросов много,
Просто кругом голова?

Что такое «понарошку»,
И откуда в лампе свет?
Почему твоей ладошки
Ничего милее нет?

Ты, папуля, утомился?
Может, сказку рассказать?
Вот и я наговорился
И, похоже, надо спать!»

Игорь Дубахин (1914 – 1992 гг.). Рабочий завода «Рабочий металлист», прошёл всю Великую Отечественную войну заряжающим «Катюши», а общий трудовой стаж – 60 лет. Сборник стихов «Связь времён» издан в 2017 году его сыном Дубахиным Владимиром Игоревичем.

СОЛДАТЫ

Он, став наводчиком «Катюши»,
Солдатом очень юным был,
О Сталинградской битве слушать
В минуты отдыха любил.

Он строен был, румян и тонок,
Вне строя песни напевал,
Сказал однажды, что девчонок
Ни разу не поцеловал.

В бою под Секешфехерваром,
Враг, пробиваясь в Будапешт,
Старался танковым ударом
Средь наших сил проделать брешь.

Вдруг на высоте самоходка –
Низиною прокрался враг.
Её удар прямой наводкой
Разнёс «Катюше» бензобак.

Был меток злой потомок гуннов,
Конец свой чувствовал пират.
На землю пал наводчик юный,
Погиб за Родину солдат.

Кто говорит: солдаты грубы?
Смотрели с горечью друзья,
Как нецелованные губы
Поцеловала мать – земля.

БОЙ ЗА РОДИНУ

Недавно здесь люди спокойно смотрели
В широкую мирную даль,
Но скоро под серой солдатской шинелью
Сердца затвердели, как сталь!

Как знамя, родная заря заалела,
И воздух как будто устал,
Повсюду земное изрытое тело
Терзал раскалённый металл.

Пугали зловещие шапки разрывов,
Выл мин отвратительный вой,
Лишь колос один, над растоптанной нивой,
Склонялся ржаной головой.

Шли «тигры», затем «фердинанды», «пантеры»,
За каждым – эсэсовцев ряд.
Чванливо шагали среди них офицеры,
Как будто идя на парад...

Но пушки родные сверкнули огнями,
Гвардейский пропел миномёт,
Солдатам пришлось в рукопашной штыками,
Добить убегающий сброд.

Над степью всю ещё пули свистели,
Но ветер прохладу принёс.
Мы, молча, о павших героях грустили,
С сухими глазами, без слёз.

(1959 г.)

Алексей Калинин (1947 – 2015 гг.) родился в с. Лебяжье Гатчинского района Ленинградской области. С 1950 г. проживал в с. Парфеньево Костромской области. В 1975 г. окончил Ивановский государственный университет, факультет правоведения. Работал в редакции газеты «Красное знамя», был председателем Парфеньевского народного суда, нотариусом. Стихи публиковались в коллективных сборниках ЛИТО «Надежда», в газетах «Северная правда» и «Парфеньевский вестник», звучали на «Радио России».

*Отцу, инвалиду Великой Отечественной
войны посвящается*

Пояса затянем, старина,
С каждым годом всё печальней даты.
Боевые, друг, наденем ордена,
Пусть все видят, что идут солдаты.
Выше голову, солдат, крепись,
Мы за всех сегодня «маршируем»,
За взлетевших журавлями ввысь
Вновь высоты взятые штурмуем.
Пусть, как раньше, не чеканный шаг,
Стали немощны, на сердце холод,
Но стеною встали мы за флаг
И на нём остался серп и молот.
Мы спасли Европу от чумы.
Глянь – кругом могилы наши братские,
У фашистов замыслы грязны,
Вопиют с небес души солдатские.
Видно, память у Европы коротка –
Коль сегодня извлекают их останки
Из земли, что кровью полита,
По которой мы ползли с тобой под танки.
Свято память о погибших бережём,
И заслуг других не умаляем.
Скоро в вечность навсегда уйдём,
А пока мы живы – заявляем:
«Вы напрасно суетитесь, господа,
Правда у истории одна.
Если у вас память коротка,
Фактами наполнена война».
Ордена наденьте, старина.
В бой, в последний бой, святое воинство.
Пусть давно закончилась война,
Постоим за память, честь, достоинство.

Михаил Шаров (1940 – 2019 гг.). Всю жизнь вел дневник, писал стихи, песни и музыку к ним. Песня «Кологрив» стала гимном города. Всю жизнь занимался с детьми. Сначала вел спортивные секции, а потом учил детей игре на гармонии и степу. Радовался успехам созданного им детского коллектива «Шоргунцы». Литературное наследие Михаила Сергеевича хранит его дочь – Наталья Шарова, творческий человек, замечательный художник.

ПАМЯТИ ДЕДОВ

Там, где утром седые туманы
Оторвут от воды полавки,
Поднимаются волн караваны
Над бескрайним простором реки.
Унжа! Спят златоглавые сёла,
Тихо дремлют деревни в тиши.
Сколько их по прибрежным угорам
Наши деды в трудах возвели!

О ШОРГУТОВЕ

По России деревень –
Не сочтёшь за целый день.
Впрочем... На такой расчёт
Нужен месяц, может – год.
Показали б эти списки –
Тысяч восемь сел Ильинских
Александровок и Горок,
Да Екимцевых по сорок.
Ну и др., и пр., и ... но
Шоргутово-то одно!
Бог в трудах своих изволил
Тем, кому он благоволил,
Для удобства дел подручных
Дать названья лично, штучно.
Шоргутово, без сомненья
Богом данная деревня.
Любит Бог, кто пьёт, кто прост,
Сорок лет – и на погост.
Нас нетрудно подсчитать –
Взрослых «деток» - тридцать пять,

А ведь было и под двести,
Летом с дачниками вместе.
Тридцать шесть коров и боле
Выходили утром в поле.
А во время сенокоса
Соберутся на покосе
И давай судить, рядить,
Где кому косить, сушить.
Пока в чём-то разберутся,
Мало не передерутся,
Кто бранится, кто в слезах –
Вся деревня на ушах...
Эй, куда же вы пропали?
Не вчера ли глотку драли,
Чуть не бились за покос...
Все убрались на погост!

В небе тучка проползла
Одинокая слеза
По щеке скатилась...
Жизнь-то... Как приснилася!

Николай Смирнов (1938 – 2017 гг.) родился в с. Ивановское Нейского района. Ребёнком вместе с семьёй переехал на Алтай, но к пятидесяти годам вернулся в Нею. За плечами – диплом механизатора и экономиста, большой и интересный жизненный путь со своими обретениями и потерями. Всё это со временем стало органично укладываться в стихотворные строки, которые автор исполнял на собственные мелодии. Выпустил пять сборников стихов.

ГОРЕЧЬ ПОТЕРЬ

Родина помнит бойцов фронтовых.
Мало их нынче осталось в живых,
Кто с автоматом в атаку ходил,
В битве кровавой врага победил.
Насмерть стояли Отчизны сыны
В грозные дни обороны Москвы.
Вечная слава настигла солдат
После приказа «Ни шагу назад!»
Курская битва, бои у Днепра.
Под Сталинградом крутая гора.
Ствол раскалял судьбоносный свинец.
Пуля-то дура – да штык молодец!
Шли в рукопашный, бежали бегом,
Били прикладом, кололи штыком.
Только немало и наших бойцов
Встречный огонь выбивал из рядов.
Писарь штабной похоронки писал,
Смахивал слёзы, очки поправлял,
Только представив, как бедная мать
Будет о гибели сына читать.
Горькое горе в далёком тылу
В сумке носил почтальон по селу.
Ждали его и боялись его –
Лучше бы он не носил ничего!
Мать, получив похоронку давно,
Ждёт, что сынок постучится в окно.
Холм на чужбине затянут травой –
Мама не верит, что сын – неживой...
Брат мой пришёл без ноги – инвалид...
Сердце за всех воевавших болит!
Май сорок пятого – он и теперь
Радость Победы и горечь потерь.

СВОЁ

Сшила мама сумку небольшую,
Отыскала старенький лоскут.
- Сбегай, сын, на улицу родную,
Может, люди корочку дадут!

Да, война нас крепко обижала:
Каждый день могли бы умереть.
Сбегаю, раз мамочка сказала,
Только что бы на ноги надеть?

Пять годков, а всё уж понимаю,
Из-под лавки лапти достаю,
Кое-как онучи намотаю
И к ногам оборкой притаю.

У соседей в горнице холодной
Бога не забуду помянуть...
Как же мне за корочкой голодной
Стыдно было руку протянуть!

Им самим ведь тоже кушать надо,
А у них и мыши не живут.
Я, бывало, в обмороки падал,
Зная, что последнее дают.

Как же я их нынче понимаю!
Всем тогда пришлось недоедать.

Но за грех большой они считали
Христа ради нищему не дать.

Пережили?.. Нет, не пережили!
Врать не стану. Нет на мне вины.
Двое братьев головы сложили
На фронтах убийственной войны.

Старший – накануне Курской битвы,
Коротка в июне тень берёз.
...Срезало осколком, словно бритвой,
Как траву в колхозе в сенокос...

В сентябре – ещё не стало брата,
У воды великого Днепра.
Говорили, кто пришёл обратно:
Шёл в атаку с криками «ура!»

Если всех двоюродных назвать бы –
Павших будет больше двадцати.
Не сыграют им весёлой свадьбы,
И могил солдатских не найти.

Вот стою в толпе, сутуля плечи.
На трибуне – пафос и подъём.
Слушая штампованные речи,
Вспоминаю тяжко о своём...

СЛЁЗЫ

Прошла война – пришли герои,
Победу празднуют вдвойне.
Победа – самое святое,
Что люди знают о войне.
Фанфары! Марши! Радость встречи!
И слёзы, слёзы по лицу...
Война – страданья человечьи:
Детишки плачут по отцу,

Жена – о муже, мать – о сыне,
Сестра – о брате дорогом.
Победа плачет вместе с ними
О каждом воине своём.
Живые в сердце думу нежат
И верят: павшие – в раю!
Для них Господь сегодня держит
В ладонях светлую зарю.

Николай Востров (1925 – 2018 гг.). Родился в Шарьинском районе Костромской области. Окончил Заболотскую семилетнюю школу. В январе 1943 года был призван в армию, воевал на Ленинградском фронте. Был ранен. Боевой путь закончил на островах в Балтийском море. Окончил Киевское Краснознамённое пехотное училище. Служил на Украине, Дальнем Востоке и Камчатке. Награжден медалью «За боевые заслуги», «За победу над Германией», орденом Отечественной войны II степени, юбилейными медалями. После демобилизации 29 лет работал в Якшангском леспромхозе Поназыревского района Костромской области. Член Союза писателей России. Стихи печатались в коллективных сборниках и журналах «Кострома», «Антология Костромской поэзии», «Губернский дом», «Кострома литературная», «Костромской собеседник». В разные годы изданы семь сборников стихов, последний – «Военная любовь».

БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ

Не приказы, не слухи, не вести.
 Не посыльный разбрызгивал грязь –
 Вот война, вот сама, вот над Брестом
 Выла бомбой, снарядом рвалась!
 Там – громил дрессированных свора.
 Здесь – отважная кучка бойцов...
 Только Брестская крепость не скоро
 На развалины пустит врагов!
 Знал ли Брест о заслуженной славе?
 Просто первый подставил плечо!
 Оборону умело возглавил
 Боевой капитан Богачёв.
 Бить точней, экономить патроны,
 Сердце гневное – в каждый удар!
 Настоящей душой обороны
 Был Фомин, полковой комиссар.
 Что там рана, какая там рана –
 Яро бросив команду «Вперёд!»,
 Лейтенант, комсомолец Наганов
 В контратаку со взводом идёт.
 Через годы, с оглядкой на дату
 Скажем мы: «Что за горькие дни...
 А какие мы были солдаты –
 Нет, особой породы они!»
 Да и в те горемычные годы
 Было ясно, и даже врагам –

Это люди особой породы,
 Это видно по первым боям.
 А на крепость идут эскадрильи,
 Эту крепость орудья долбят...
 Враг предпринял такие усилия –
 И не смог выбить русских солдат.
 Ждали немцы, появится белый
 Флаг – и гордая крепость у ног.
 Под таким ураганным обстрелом
 Кто бы биться отчаянно мог.
 Да не вышло! Хоть пусты подвалы,
 В дисках, ранцах давно пустота, –
 Только Брестская крепость не пала,
 Только крепость ещё не взята!
 Там, где немец вплотную теснится,
 Где от красок притушенный блеск –
 Пистолетный хлопок у бойницы
 Да гранаты накатистый треск.
 Таял, таял – ну вот и растаял
 Без того небольшой гарнизон.
 Тишина по руинам густая
 И тягучий навязчивый сон.
 Слава – спутница, слава – невеста...
 Все повенчаны, в прахе лежат.
 Дорогие защитники Бреста,
 Просветлённые лица солдат.

МЕДСЕСТРА

В наступательном сорок четвёртом году
На болотах под Нарвой я встретил беду.
Разорвался снаряд, правый бок обожгло,
Свет качнулся, поплыл, и сознание ушло.

Но вернулось... А кто наклонился ко мне?
Почему я лежу, как дитя, на спине?
Где же рота моя, с громоносным «ура»?
Наконец узнаю: медсестра, медсестра.

Значит ранен я... вот незадача... В бою,
Дорогая сестра, я тебя узнаю.
Хотя мы не знакомы – такая пора...
Губы шепчут одно: «Дорогая сестра».

Спеленала меня этим белым бинтом –
Вот и сумка твоя, сумка с красным крестом...
Я лежу, как дитя, мне так трудно дышать –
В медсанбате сумеют осколки достать.

Ой, спасибо, сестра, я теперь буду жить –
Помешала мне веки навеки смежить,
А ведь в этом бою за лесок, за село
Сколько братьев твоих и моих полегло!

Ой, спасибо, сестра – я живу много лет!
Много лет я живу, а тебя-то и нет...
Я не строчку пишу, я по горю бреду.
Ты убита, сестра, в сорок пятом году.

Твои дни так черны, твои сны так густы –
На чужой стороне похоронена ты.
И тебя разыскать, о сестра, нету сил...
И ни разу цветов я тебе не носил.

Всё вернулось!... А кто наклонился ко мне?
Почему я лежу, как дитя, на спине?
Годы, годы текут, как чернила с пера.
Только ты всё со мной, медсестра, медсестра.

(1967 г.)

ОКОП

В окопе быт переиначен.
Толстенны стены – крыши нет.
Моя военная удача
Тех, кровью обогрѐнных лет!

На сердце горечь оседает,
Ни ночи радостной, ни дня.
Полузамѐрзшая, седая,
Европа смотрит на меня.

И чѐрным оком из бойницы
Глядит усталый автомат.
Нельзя упасть, нельзя склониться.
Нельзя попятиться назад.

И вновь прикладом автомата
Плечо до крови сбито мне,
И надо выстоять, ребята,
Иначе плохо на войне.

Помолодела старь-Европа,
Война закончилась давно.
Во сне стреляю из окопа!
И гильзы падают на дно.

МАТЬ

Говорил мне сынок,
Перейдя за порог:
«За тебя ли одну
Я иду на войну?»
Долго писем не слал.
А потом написал:
«Не за всю ли страну
Я пошёл на войну?»
За вторым за письмом
Мне послышался гром:
«Буду в гуще огня,
Не красней за меня».
Тяжко гром прогремел –
Побелела, как мел.
Всѐ сгорело дотла!
Похоронка пришла.
В крик неверье само:
Будет третье письмо!
Будет третье иль нет?
Будет мрак или свет?
Он же в гуще огня!
За страну. За меня.
Он исчезнуть не мог!
Стал звездой сынок.

НЕЗНАКОМКА В ШИНЕЛИ

Всем маячила! С июня!
С воскресенья рокового!
Кто бы думал накануне
Оттолкнуться от такого?

Кто бы принял и поверил
Хоть за час перед рассветом?
Полулюди-полузвери
Известили нас об этом.

Первой пулей известили,
Первым танком, «хайлем» первым,
Птиц железных напустили,
Чтоб ударить нам по нервам.

Вот тогда-то, вот тогда-то,
На полоске приграничной,
Над израненным солдатом
Встал тот образ необычный.

Будто женщина в шинели...
Хоть расплывчато – неясен
Образ этот... пули пели...
Но чарующ и прекрасен.

И солдат тот взял и выжил!
Отступая, огрызался.
И врага узнал поближе –
Это опыт прибавлялся.

И сказал солдат: «Довольно!»
Дома камня нет на камне.
Пусть и жутко, пусть и больно –
Силу Родина дала мне.

Больше я не отступаю!»
Вдруг – шаги. Вот – отшумели.
Поглядел – в окопе, с краю,
Эта женщина в шинели.

Образ чётче, облик зримей.
И сказала – указала:

«Ты страну от скверны вымой.
До Берлина, запевала!»

Незнакомка удалилась,
Чуда привкус оставляя...
Сердце радостно забилося –
Не Победа ли, родная?

Тыл давал нам больше стали,
Он напрягся до предела.
Наши силы возрастали,
Песнь Победы загремела.

И как будто те же пули,
Те же мины и снаряды...
Мы на запад повернули!
Мы идём – Победа рядом!

Вспомнил бой у Перемышля –
Горечь тех минут теснится.
А теперь!.. Теперь мы вышли
К государственной границе!

Мы врага добьём – и в этом
Правда высшая, святая.
Сила русская с секретом –
В лихолетье возрастает.

И решающим ударом
Мы добились супостата.
Вот и вышло, что недаром
Незнакомка за солдатом.

Встал солдат у самой кромки,
У военной, у рейхстага,
Поглядел – а Незнакомка
Рядом-рядом, в полушаге.

Никуда от глаз не деться...
Он, оставшийся от взвода:
«Дай, родная, наглядеться –
Шли к тебе четыре года»!

Алексей Василенко – журналист, сценарист, писатель. Член Союза журналистов СССР и РФ с 1965 года, лауреат многих журналистских премий. В Костроме – с 1991 года. Был одним из создателей Костромской студии телевидения (ГТРК), главным редактором журнала «Кострома литературная». Писать активно начал только в Костроме, где вначале были написаны публицистические книги «Война со всех сторон», «Царская охота в Костроме», «Сквозь око времени», «Кострома в вихрях перемен», двухтомник «Прогулки по улицам Костромы». Впоследствии перешёл на историческую прозу. В Москве, в издательстве «Подвиг» вышли в свет шесть исторических романов, три повести. В журнале «Дружба народов» была опубликована повесть «Переменная облачность» о выдающемся кинорежиссёре С. Параджанове. Удостоен областной премии имени А.Ф. Писемского. Член Союза писателей России.

КОГДА МЫ БЫЛИ МОЛОДЫЕ

КИНОПОВЕСТЬ

С членами этой семьи мы разговаривали в маленькой квартирке, расположенной в самом обыкновенном спальном районе. Члены семьи – Серафима Николаевна и её муж Александр Фёдорович. С ними же рядышком – кот, полуслепший любимец, которому умные и добрые современные ребята из этого же подъезда выжгли сигаретой глаз и, видимо, получили от этого удовольствие.

Мы говорили о житье-бытье хозяев, обо всей их долгой жизни. Оба они – фронтовики, но обоим война прокатилась тяжёлым колесом. Симочка-Сима-Серафима, смешливая большеглазая девочка, жила до войны в Ленинграде.

– Нас с первых дней войны – девчонок-то – повели в Дом культуры районный. Стали мы заниматься на шестимесячных курсах медсестёр. Были мы на казарменном положении. А это значило, что учили нас без передышки, даже посмотреть по сторонам, как говорится, не было возможности. Вообще-то, хотя в памяти многое сохранилось, сама себя ловлю на том, что нет в голове связной, последовательной картины. Вспоминаются отдельные эпизоды. Хотя, может быть, из этих осколков и складывается мозаика?

26 августа сгорели Бабаевские склады. Поразило то, что сахар горел синим огнём.

Выдали карточки. У меня карточка учащегося – 125 граммов в день. Это хлеба. Больше ничего. Папе дали рабочую карточку. Мачехе моей – иждивенческую.

По тревогам мы выезжали с носилками туда, где были завалы от разорвавшейся бомбы или снаряда. Раскапывали людей, оказывали им первую помощь и отвозили в больницы своего Володарского района.

Отца в армию не взяли, он уже в возрасте был, назначили его в отряд МПВО – местной противовоздушной обороны. Вскоре он умер. Попросил мачеху, чтобы дала ему кипятку – запить аспирин. Она вместо воды дала столярного клея, который размачивала тоже в печке. А я как раз дома была – отпустили домой помыться. Папа, когда отпил, ещё сказал, что вода что-то солёная. А утром умер – всё там у него склеилось.

– Так ведь это похоже не убийство!

– Может быть. Скорее всего, это так, она от папы избавилась. Но кто в те дни проверял? Кому это было нужно? Поплакала я, зашили мы его в простыни, положили на санки, наняли дворника за продуктовые карточки – папину и мою, мачеха свою не дала, – отвезли на Волково кладбище и закопали в снег. В землю зарывать сил ни у кого не было.

Меня перевели в больницу на Щемиловку. Раньше там содержали психбольных. Теперь там были одни дистрофики. Может быть, это и были психбольные. Наверно, так и было. И наверно, на них какие-то продукты полагались. Но их не кормили ничем, и они умирали один за другим. Приходим утром, а там сразу несколько трупов. Мы их стаскивали в сарай. Мягкие места у трупов всегда были вырезаны...

Я сама, видите, какая. Ростом не удалась. А тогда веса во мне уже не осталось никакого, я уже не могла ходить, стала падать на ходу. Много раз ко мне лезли. Упадёшь – к тебе сразу кто-то подойдёт, начнёт обыскивать, искали хлебные карточки, которых у меня тогда уже не было. А то и просто подходили. Не сопротивлялась. Много ли мне надо? Обшарят, столкнут в снег и уйдут. Сил не было никаких, пила я в ту пору только солёную воду, превращаясь уже окончательно в дистрофика. Но ещё ходила кое-как, надо было ходить; остановиться – значит, сразу же умереть. А потом наступил момент, когда я едва добралась до дома. Вся опухла, ноги – брёвна стеклянные...

Мачеха буквально выгнала меня из дома. Дала мне котомку за плечи и спроводила. Адрес, куда я могла ещё пойти, был – две тётки мои. Я до тётки Мани всё-таки дошла, а она, оказывается, давно умерла. И сестра её тоже умерла. Больше мне идти было некуда.

И я решила побороться за свою жизнь. Пошла на Финляндский вокзал. В то время эвакуировались дети из ФЗУ. Фэзэушники садились в вагоны, и я решила втереться к ним, даже в вагон просочилась, но... Вывели меня из вагона, как «чужеродный элемент». А «элемент» уже с ума сходит от голода, от потери сил, слёзы текут, и предлагает «элемент» самое ценное, что было с собой, – платье. Предлагает проводнице в качестве платы за собственную жизнь. И она эту плату взяла!

Когда приехали к Ладожскому озеру, там всех нас пересадили в кузова машин грузовых, прикрыли одеялами, и мы поехали по льду. Потом стали рваться снаряды. Машина остановилась. Тут взрывы кругом, а водитель, не

поверите, не торопясь, похаживает вокруг, пинает ногами колёса да ещё нас успокаивает, мол, лежите спокойно, всё нормально будет, поедем до берега, где уже поезд стоит, погрузитесь и поедете в Вологду.

Так и получилось. Машина подошла прямо к вагонам товарным. Я залезла на нары. И уснула мгновенно. Как провалилась.

Очнулась от голоса. Звучал он странно, мне показалось, будто из-под земли. Рядом какая-то женщина или девочка говорила кому-то:

– Позови санитаря, а то она уж сколько времени не встаёт, поди уж умерла.

Я только попыталась сказать, что я живая, но опять провалилась в чёрную яму.

Очнулась я в больнице. Открыла глаза и увидела взгляд мальчика, который лежал на соседней койке. Он тоже заметил, что я очнулась, глаза обрадовались, он закричал:

– Проснулась! Проснулась она!

Стали меня кормить манной кашей. Она была специально жидкая, и её наливали в чайник для удобства. Я чуть у чайника носик не откусила, а сестра медицинская плачет и говорит:

– Ну, потерпи, потерпи, милая! Нельзя тебе сразу есть! Умрёшь, девочка!

Через несколько дней стали кормить ложкой. Сама стала есть только через месяц. К тому времени вскрылась кое-где Сухона-река. Меня отпустили, и я пошагала по санному пути.

Где-то догнали меня сани. Дед спросил, куда я иду. Сказала, что в Нюксенский район, к папе на родину. Он сказал, что навигация ещё не открылась по всей реке, а туда надо только пароходом. Придётся подождать, по рыхлому снегу и льду ходить и ездить опасно.

Привёз он меня к себе домой. Легла я на русскую печку и опять отключилась дня на три, а то и больше. Опять очнулась. На этот раз голая, в самой печи русской, на соломе. Женщина поливает тёплой водой, моет меня да приговаривает:

– Будешь ты у меня чистой, так и поправишься быстро.

И всё в памяти как картинки, как обрывки киноленты... Пошли пароходы, весна уже, а я и не видела её. Когда вывели на улицу, чтоб посадить на пароход, я даже задохнулась от весеннего воздуха.

...И вот деревня Озерки Нюксенского района Вологодской области. Наконец-то тихая пристань? Да нет... Взошла в дом дяди. Дальше сеней не пустили. Дядя в армии, этого можно было ожидать, но от тётки я не ждала такой встречи после того, как помогали мне совсем чужие люди. И поймите меня правильно – я ведь ничего не просила, не навязывалась. Более того – я же видела, что у тётки трое детей, один совсем маленький, в люльке качался, да ещё старуха-мать. Ребятишки бегают, просят картошки – поесть, а тут как снег на голову лишний рот, лишняя забота. Это я всё увидела и поняла, что мои надежды рухнули в одну минуту. Но хоть слово-то доброе!

КОСПРОМА

Хоть кипяточку дай! И детей обделила из-за меня – не стала на стол накрывать, вдруг картошки попрошу...

Вышла я и пошла по деревне – без цели, без адреса, без надежды. А вести-то по деревне – куда там телеграфу! Моментально все узнали, как встретили родственницу из блокадного Ленинграда. Не успела пройти несколько домов, как бригадирша выскочила на улицу, повела к себе, а на столе – чугуны картошки дымится! И детей не меньше, а сели за стол все вместе...

Недолго я там пробыла. Прикрепили меня к магазину за две версты за хлебом ходить. А есть хотелось непрерывно после голода, это как психическое заболевание. На неделю получу – за два дня съем. Что было бы дальше – не знаю, если бы не очередной набор – на войну. Там всё решалось по количеству человек, поэтому меня вставили в списки, а одну девку здоровую оставили дома. Врачи меня не хотели даже брать, говорили:

– Да она даже до фронта не доедет – вся опухшая, и ноги в экземе!

Надоело мне это всё, сказала:

– Считайте, что иду добровольно. А жить буду.

Зачислили меня в 24-ю армию, в один из санотделов. И поехали мы в самое тихое на тот момент на земле место – под Сталинград...

Тяжёлая, долгая пауза упала в комнату, где пахло лекарствами, висела на стене репродукция с иконы Богородицы, а на фотографии – они в том далёком послевоенном году. «Когда мы были молодые, когда мы были молодые и чушь прекрасную несли, фонтаны били голубые, и розы красные росли»... На кровати лежали удостоверения к наградам – орденам, медалям. Их много на двоих. Лежат вместе, и какая книжечка чья – не разберёшь. Да и зачем?

Я нарушаю тишину, чтобы переключить хозяев на другие, может быть, не такие тяжёлые воспоминания.

– Александр Фёдорович, а для вас война как начиналась?

– Как для любого командира Красной Армии. К началу войны я уже окончил училище, стал артиллеристом, служил. Война началась так, что о первых днях и вспоминать не хочется – отступление, окружение, плен...

– Вы и в плену были?

– Был. Два дня. Подо Ржевом нас прижали крепко, пришлось уходить мелкими группами. Ну, насчёт пушек мы меры приняли. Вляпались к немцам неожиданно: прямо натолкнулись нос к носу. Загнали нас в сарай, кого поймают – всех туда. Через день вывели и повели куда-то. В подходящем месте переглянулись мы с товарищами: рванём? Рванём!

Ну и рванули... Мне эти собаки и стрельба в спину до сих пор снятся. Почему-то особенно были страшны собаки. Не потому, что не управился бы с двумя-тремя, нет! Я тогда вполне мог передавить их, здоровенный был, но ведь порвут же, кровь вся уйдёт, пока справишься. Кабы они одни были, так вроде ничего, а за ними же солдаты немецкие, тут же ослабевшего скрутят...

В общем, уходили мы долго, до самой ночи глубокой. Нас трое было. Один выбился из сил, лёг под стожок: идите, я вас догоню. Успели до опушки дойти, смотрим: с другой стороны поляны немцы идут, собаки впереди, и наш... ну, не товарищ, а собрат по несчастью идёт к ним с поднятыми руками... С одной стороны – струсил вроде, а с другой – он нам жизнь спас, подарил нам пару минут. Собаки на него набросились...

Потом за нами гонка продолжалась. Нагоняют овчарки. И тут, наконец, повезло – озеро там было такое вытянутое, а на нём островок маленький, заросший осокой, камышом. Ничего не оставалось нам, как кинуться к этому островку. Мы переплыли, затаились. Собаки погавкали-погавкали на берегу, эти тоже вышли, пару очередей выпустили наобум, но в воду не пошли, повернули назад.

Выждали мы ещё немного и поплыли на другой берег. Не успели выйти, ещё вода стекала, ещё и оглядеться не успели, а уже слышим: «Стой! Кто такие?». Ну, наконец! Наши. «Из окружения», – отвечаем. «Выходи!».

Вышли. Потом повели нас в штаб. Он на берегу речки стоял. Оказалось, это Москва-река. Вот куда добрались! Мы-то к военному времени ещё не привыкли, порядков заведённых ещё не знали. Думали: придём к своим, а нам, мол, садись, браток, поешь чуток, выпей глоток... Документы выправят, на довольствие поставят, направят в часть. Наивные представления. Во-первых, дежурный сразу сказал: «Нет, я эти вопросы решать не могу, надо разбудить начальника». Приходит начальник штаба с ухмылочкой, в которой чувствуется брезгливость: «Эй, колхознички! Прибыли?». Я говорю: «Да, товарищ майор, прибыли. Только не дай вам бог в том колхозе побывать. Мы из окружения. Офицеры».

Ну, хорошо – ума у человека хватило:

– Извините, извините, есть хотите, наверно?

– Да уж, – говорю. – Около месяца не видели ни хлеба, ни сухарей. Ягодами питались, грибами и тем, что под руку попадёт...

– Ну-ну, у нас-то на кухне хоть что-нибудь да найдётся.

Покормить – покормили, но от порядка никто не отступил: военное время. Посадили обоих на дрезину, в сопровождении двух солдат с винтовками, и покатали мы прямо на Москву, как оказалось потом – на дачу Кагановича. Там был сборный пункт офицерского состава. А солдатский пункт отдельно был, в каком-то посёлке и тоже, кажется, на чьей-то даче.

Привели нас туда, записали фамилии. Комнату дали на четверых человек, маленькую такую. Там уже была солома на полу накидана. Поставили на довольствие, и мы целый месяц тут жили. И уже никакого довольствия не было в удовольствие.

А как жили? Каждый день вызывали к следователю. И умом понимаешь, что немец уже на Москву нацелился, что в этой ситуации иначе нельзя, бдительность нужна от диверсантов, разведчиков, просто дезертиров и предателей. Понимаешь, а всё же на душе противно становится, когда чувствуешь, что тебе не доверяют...

КОСПРОМА

Каждый раз вопросы были одни и те же: где родился, где крестился, с кем воевал? И самый главный вопрос с вариантами разными:

– Где оставили пушки?

Я это столько раз рассказывал, что мог бы один текст шпарить наизусть, но они выискивали неточности, противоречия, недоговорки...

А дело-то было так: мы уже совсем в безвыходном положении были, с пушками без снарядов далеко не уйдёшь, а оставить врагу никак не хотелось. Что делать? Можно, конечно, взорвать, но жалко, пушки новенькие. Решили разобрать. Разобрали быстро, промазали всё как следует, в брезенты завернули каждую. И закопали. Место выбрали приметное, чтобы потом можно было найти. Всё равно ведь, думали, через пару дней, через неделку вернёмся. Было это северо-западной Ржева. Вот об этом я и рассказывал следовательно целый месяц. День-другой пройдёт – и опять уточнения, опять вызывают...

Потом всё-таки проверили, и мы «чистыми» вернулись в строй.

Серафима Николаевна рядом с грузным Александром Фёдоровичем отдалённо напоминает Эдит Пиуф: те же большие, чуть навывкате глаза, маленькая, сухощавая, – она сидит рядом и поминутно заглядывает ему в глаза вопросительно, словно гадая: ты – как? В порядке? Если бы нужно было дать ей прозвище, я бы назвал её так же, как называли Эдит: воробушек... Глядя на неё, на её доставшееся в наследство после блокадной дистрофии хлипкое телосложение, я недоумевал: а как же война? Санитарка, медсестра, связистка – это ведь тяжелейшая работа на фронте. Это где-то в тылу, может быть, полегче, а там...

– Я вот много раз читала, когда писали о медсёстрах: она вынесла с поля боя столько-то человек. Даже, говорят, медаль есть такая международная в честь медсестры Флоренс Найтингейл, вынесшей с поля боя столько-то раненых. Сколько, не помню уж, но точно знаю, что есть много медсестёр, далеко превзошедших эту цифру и даже не подозревающих об этом. Дело в том, что у нас нет западной пунктуальности и практицизма. Там ведь как люди делают: вынесла с поля боя человека – и в книжечку палочку записываю, авось потом и пригодится. Да кто же их, бедных, считал?! До того ли было? Неправда это всё.

– А вы сами на линии огня работали?

– Много раз и по разным поводам. Но вначале-то, когда под Калач прибыли, мне дали сумку санитарную и в четвёртую роту приказали идти. А я ещё и не отошла от голода, хожу с трудом... В траншеях вода, у меня экзема на ногах, болячки кровоточат, прилипли к чулкам, которые были сшиты из обмоток. Всё это отмокло, кровь по ногам бежит... Да и где мне было раненых вытаскивать! Велели в медсанбате раненых раздевать, таскать, обрабатывать. Вот так изо дня в день. Потом зима. Кольцо под Сталинградом разбили. Помню – немцы пленные были все обмороженные, им всем помощь оказывали.

Потом бросили нас на Курскую дугу. Сначала ехали, дальше – пешим порядком. И опять там какая-то реорганизация, и попадаю я в роту связи

девятого полка 354-й стрелковой дивизии. Перед сражением была такая довольно длительная пауза – стягивались войска, доукомплектовывались, довооружались. И вот в этом антракте все полки своими силами организовывали концерты. Мне тоже предложили спеть. Я спела. Песня была, названия не помню, со словами: «а седая борода не пускает никуда». А ещё станцевала татарский танец, его я ещё в школе танцевала. Ну, восточных шаровар не было, пришлось в мужских кальсонах танцевать. Успех был обеспечен уже этим. Татар в полку немало было, все довольны были, всё повторяли: ай, баяй, ай, баяй! Уж и не знаю, что это значило на их языке. Понятно только, что не ругают.

Вот на этом концерте меня и усмотрел Александр Фёдорович. Был он комбатом 76-миллиметровых пушек. Сразу глаз положил. Ну, грубятина, боров здоровый, обхождения никакого. Он сразу к делу приступил – договорился обо всём, и через какое-то время меня откомандировали к нему, в обмен на его телефониста. Любовница ему понадобилась, видите ли!

...Ермаков смотрит исподлобья, смеётся:

– Не любовница, а жена. Я тебе сразу сказал.

– Ладно! Жена! Слышала я про походно-полевых жён. Меня-то ты даже и не спрашивал – хочу ли?

– А чего спрашивать? Или я не видел, как ты, будто ненароком, забегала на меня посмотреть ещё до всего этого!..

...Александр Фёдорович демонстративно-обиженно уходит на кухню.

– Ну, и что дальше было?

– Да что дальше? То, что должно было случиться. Всё по его плану. Сразу зачастили офицеры, его друзья, на меня смотреть. Землянка была обширная, на две «комнаты». В передней жил комбат с начальником артиллерии полка. А дальше, за плащ-палаткой, – мы с напарником-телефонистом. В первых же числах августа у меня день рождения, так друзья комбата разузнали об этом и загорелись отпраздновать. Соорудили стол не без участия старшины, который раздобыл самогону. А я ещё в жизни не пила ничего крепче квасу и лимонаду. Парни распалились, решили меня спойть. Лили самогон за воротник, в рот насильно... Короче, подпоили меня не то что до потери памяти, но всё плыло. Я ушла за плащ-палатку, а там, смотрю, уже ни телефона, ни телефониста. Слышу – друзья с комбатом прощаются. Ну, всё, думаю, попалась! Пришёл Ермаков, стал сразу меня валить, я вырвалась, побежала, не знаю куда. За мной мчался Ермаков и ещё одному солдату крикнул: «Лови её!». Спряталась я за кустом, но там ведь кругом песок, а на мне ботинки были американские, сороковой размер, со шпорами – следы-то сразу видны, а у них фонарик был. Привели меня в землянку, Ермаков уже плохо соображает, кричит: «Или ты со мной будешь, или я сдам тебя за дезертирство!»

Ага, вам смешно, а мне тогда не до смеха было. Он ведь знаете, какой был? Короче говоря, шум-то наружу вышел и наша пьяная «свадьба» закончилась тем, что комбата командир полка посадил под арест, а меня в другой полк отправили ночевать. Попала к какому-то фельдшеру-казаху,

КОСПРОМА

который, учуяв запах самогона, тут же начал приставать ко мне. Потом уж один санитар не выдержал – увёл меня в заброшенную землянку, оставил там. Была там вода, и по нарам бегали мыши. Но мне уже было не до мышей...

Утром меня назначили в третью роту, где хотя бы компания была: три девчонки, и я – четвёртая...

Потом было сражение на Курской дуге. Ведь всё, что я сейчас рассказывала, происходило за два-три дня до неё. Наша дивизия оказалась в бою позже соседей, они уже вступили в сражение справа и слева. Ну, описать это, наверно, никто не сможет, что там творилось. Орудия, самолёты, «катюши», танки – огонь страшный, земля смешалась. Грохот невероятный, и всё было черным-черно. Когда всё это отгремело, наша дивизия сорвалась с места и гнала немца километров пятьдесят...

Александр Фёдорович, не выдержав обиженного сидения на кухне, вернулся в комнату, снова сел рядом с женой, с единственным родным человеком на свете, с которым прожил более полувека. Несколько лет назад до нашей встречи был жив ещё родной брат. Жил он в Казахстане, работал. Его зверски зарезали весёлые и жизнерадостные ребята, потому что им показалось, что он не так на них посмотрел. Остался Ермаков один на свете. Детей у них не было. И не могло быть из-за перенесённой женой в подростковом переходном возрасте блокадной дистрофии...

– Что-то недолго вы пробыли под арестом! – сказал я, имея в виду кухню.

Но Ермаков понял по-своему:

– Да если наступление началось, какой там арест! И потом, это Серафима так говорит: наступление, «сорвались с места»... Так-то оно так, да не очень. Мы ведь долго пинались – кто кого потеснит. То они давят, то мы. Немцы дрались яростно, я никогда потом не видел такого натиска, такой воли к победе. И если бы они в тот момент были бы на своей земле, то ой не знаю, чем бы дело кончилось. Но трещинка у них всё же была, хотя рвались они вперёд по-страшному. Момент был – даже наши не выдержали, побежали. А если паника, то ничто не может людей задержать: ни офицеры, ни мифические заградотряды, о которых сейчас много говорят, и которых я не видел ни разу за всю войну...

Остались мы перед немецкими танками четверо. Я был командиром батареи, был ещё заместитель по политчасти Шарин, другого заместителя Полина убило за минуту до того, хороший был парень, жаль, – даже толком похоронить не успели, не могли. С нами у двух орудий остались ещё два отличных наводчика: Соловьёв и Полиров. Танков много, они уже близко. Ну, тут вопрос решается просто: или мы открываем огонь, отвлекая танки на себя, и почти наверняка погибаем, или убегает, причём, в этой ситуации тоже почти наверняка нас расстреляли бы на бегу немцы. Ну, а если так, то чего уж там – бежать? Стыдно как-то...

– И вот со стыда вы остались и открыли огонь?

– (Смеётся) Ага! Точно – со стыда! Этот момент даже захочу пересказать – не сумею. Момент – решение – действие, момент – решение – действие, момент – решение – действие...

И всё это за долю секунды! Справа, слева, дистанция такая-то, огонь! Сколько это длилось, – точно тоже не могу сказать. По внутреннему ощущению – несколько минут, а на деле – часа полтора-два, наверно. Подождли мы семь танков.

– Ничего себе – со стыда, со страху!

– Да, семь. Кто какой танк зажёт лично, не знаю, потому что орудия наши палили без перерыва, хорошо – запаса снарядов хватило. А вот чей снаряд куда попал... За один-то я точно поручусь, видел, как мы ему вlepили. А вот остальные...

Ещё бой не закончился, смотрим: командир полка тоже перебегает к нам. Командира нашего хорошо знали многие не только потому, что фамилия грузинская привлекала внимание – Джанджгава, но главное – храбрый был человек. Бежит к нам в окоп, кричит:

– Ты ранен, ранен?!

А я действительно был ранен в голову, кровью всё лицо залито было.

– Ничего, не сильно, – говорю. – Сейчас перевяжу, и всё будет в порядке!

Джанджгава осмотрел поле боя, покачал головой:

– Ну, наворотили! Ну, молодцы!

А тем временем уже пехота стала возвращаться в свои окопы, приводить их в порядок. Мои батарейцы сбежавшие тоже вернулись, глаза боятся поднять...

А на следующий день член Военного Совета приезжает. Уже забыл, кто был тогда... Привозит ордена. Мне вручил орден Красного Знамени, политруку – Красную Звезду, каждому из двух наводчиков – тоже Красное Знамя. Всё было точно так, как в фильме «Горячий снег», помните: генерал, которого Папанов играл, коробочки вручал и – «Всё, что могу»... «Всё, что могу»... Ну, у нас, правда, это не сразу после боя было...

Вот так я получил первый свой орден. А вообще-то война в сюжетах только запоминается. Серафима правильно говорит: как кадры из старого фильма...

– Да, говорила и говорю.... Всё кусками какими-то. Вот картинка, например.

Дошли мы до Вислы, форсировали её, взяли там плацдарм три километра. Его потом Вислинским называли. Ну, я что? Санинструктор. Я должна быть со всеми. А, да, я забыла: я только недавно из госпиталя вернулась. Два месяца валялась, ранение осколочное. Это мы реку Сож форсировали, там оно, железо это, и попало. И вот только мы – четверо девчонок – оказались опять вместе, тут же новая заваруха. На этом плацдарме, прямо впереди нас, окопалась штрафная рота, ШР. Но её никогда так не называли. Говорили «шурочка». И вот в одну «прекрасную» ночь немцы решили нас выбить с этого плацдарма. Огонь открыли – голову не

КОСПРОМА

поднимешь. Трассирующие пули, над головой ракеты осветительные, мы их фонарями или люстрами называли, – всё видно, как днём. Тут слышим – ползёт к нам солдат оттуда, из «шурочки». Кричит: «Девчата, за мной, скорей бежим, немцы вон идут!». Я как оглянулась – у меня отнялись ноги. Девчонки бегут, а я не могу. Тогда он меня подхватил и по траншее вниз, по ручью, а по мостику через ручей едет немецкий танк. Залегли мы прямо в грязь и после опять по этой низинке бежим, потому что знаем – в грязи осколков меньше, она их гасит. Добежали до первых наших окопов. Едва нас свои не расстреляли, но мы вовремя закричали – откуда бежим... Немцы нас тогда выбили всё-таки за Вислу.

Была передышка. Спала я под телегой в хоззвезде. И вдруг меня будит Ермаков, кавалер мой ненаглядный. Опять подвыпивший. Я его испугалась – и бежать. Он – за мной вокруг телеги. Цирк! Он кричит, что скоро под трибунал пойдёт, потому что пушку одну оставил у немцев, только замок унесли с собой... Кричит, что хотел только увидеть меня, что для этого он из дивизии, а это десятки километров, прошёл пешком, что выпил для храбрости... Еле его успокоили.

Опять брали плацдарм. Я хоть и была санинструктором, жалела деда нашего – телефониста. Частенько бегала за него на линию с трубкой. Как-то раз ночью лежу в воронке от снаряда, соединяю провода и слышу: где-то рядом говорят по-немецки. Они, оказывается, в соседней воронке сидят. Я выползла подальше, а потом бегом по проводу до землянки.

Доложила, что немцы там, – отмахнулись: ничего, мол... А зря. В ту ночь немцы, как потом оказалось, утащили у нас комбата первого взвода. Вызывали по-русски якобы к командиру. Фамилию, наверно подслушали. И вот – мелочь, а судьба у человека как сломалась. У каждого офицера был свой номер, запрещалось обращаться по телефону пофамильно. Но кто-то нарушил это правило. И немцы подключились к нашему проводу и звонят: такого-то начальство вызывает. Комбату бы вспомнить о правилах да насторожиться. Но нет, вышел он, пошёл по ходу сообщения. И взяли его немцы...

Ещё картинка в памяти. Должны были наши брать высоту... Меня тогда прикомандировали к миномётной батарее 120-миллиметровой. Поздно вечером на лошадях к основанию этой горы подвезли миномёты. Лошадей выпрягли, их угнали, а нам велели окопаться. И никто не подумал, что на этой высоте наверняка есть корректировщики-наблюдатели, что они, конечно, засекли движение... В общем, начали мы окапываться, я сапёрной своей лопаточкой успела махнуть всего-то два раза. И тут началось светопреставление. Опять немцы навесили «фонарей» и стали долбить нас из пушек и миномётов. И вот я в эту ямку, которую успела выковырять, засунула голову и стала молиться впервые в жизни. Молиться-то я не умею, получалось что-то вроде торговли: ты мне, Господи, сохрани жизнь, а я тебе за это пятьдесят свечей поставлю...

Обстрел кончился тоже резко. Видно, наши с боков-то накрыли их снарядами. Но всё равно, у нас урон был большой. Смотрю – кругом

убитые, раненые... На мне – ни царапины. Начала свою работу. Тут прибежал по кабелю телефонист и очень удивился, увидев меня невредимой. Понимаете, там не осталось никого, кто был жив и не ранен. Кроме меня. Вот и думай... торговля или не торговля...

Бывали и смешные случаи. После блокады и того Большого Голода я всё время не могла наесться. Уже, вроде, и некуда, а глаза всё равно хотят... Как только занимали деревню, я заходила в дома поискать съестного чего-нибудь... В общем-то рискованное занятие – одной ходить по брошенным домам. Там вполне могли прятаться немцы. Но голод не тётка. Зашла как-то в дом – пусто. Вижу – крышка люка в подпол. Открыла, сунула голову, и вдруг что-то белое там мелькнуло. Я с криком выскочила, тут из ребят наших подвернулся парнишка один – он из приютских был и одноглазый, прибился к нам и стал наводчиком при 76-миллиметровом орудии. Отчаянный был парень.

– Что кричишь?

– Да там белое что-то в подвале!

– А давай-ка, – говорит, – сюда это привидение в белом!

Взял гранату, и в дом. Осторожно открыл люк. Тишина.

Он поворачивается ко мне:

– Ну и где тут что?

– Да вот те бог, что-то белое там шевелилось!

Тут коза и заблеяла. Это она там ходила! Ну, он туда спустился да и надоил молока – для козы очень много, видно, давно не доенная была. Он доит, а она рукава его лижет – благодарит...

А в другой раз зашла в дом, только шаг сделала, как из подвала стали из автоматов поливать. На стрельбу солдаты подскочили, туда тройку гранат забросили. Один только эсэовец остался в живых. Белый, как мел, вылез с поднятыми руками. Ребята сгоряча хотели, чтоб я его расстреляла, но я не стала мараться.

Многое пришлось повидать, пережить. Когда демобилизовалась, побывала в инвалидном доме, потом из Семипалатинска приехала в Ленинград. Дома нашего не было. Я прописалась в общежитии для демобилизованных в своём Володарском районе. Стала работать на заводе, в цехе инструменты раздавала.

Как-то пошла на улицу своего детства, а на ней только один деревянный дом уцелел, где жила когда-то подружка-одноклассница. И она сама там оказалась! Так она обрадовалась! А тут её мать заходит. «Сима, – говорит, – я же сейчас письмоноской работаю, так вот попало мне одно письмо. На твой адрес, на твоё имя. Целый месяц ношу его».

Письмо было от моего несносного. Он умудрился даже адрес перепутать: назвал район Хрустальным, а улицу Володарской. Просит откликнуться.

– Обрадовались?

Серафима Николаевна глянула на мужа и притворно отмахнулась:

– Да кому он нужен-то?

КОСПРОМА

– Но всё же ответили?

– Да он после первого же моего письма всё за меня решил. Прислал денег и велел приезжать к нему в Джезказган. Поговорила с выжившей своей тёткой. Та посоветовала не обманывать, а ехать к нему.

Так вот и решилась моя судьба...

...Они не нажили особого добра. Зато жили десятки лет друг для друга, поддерживая в тяжёлые минуты. А их немало было. Инфаркты, операции, лечение... А ранений у них на двоих – шесть. А ещё на двоих одна большущая жизнь, такая большая, что Александр Фёдорович удивляется даже: надо же, при всех болячках в долгожители вышел!

Но жизнь всё же прошла. Как ракета в чёрной ночи – взлетела, осветила всё вокруг и, сгорая, тихо гаснет...

Василий Травкин родился в 1942 г. в д. Самыловка Судиславского района. Окончил Костромское техническое училище, сельхозинститут и очные курсы при литинституте имени М. Горького. Работал главным агрономом, председателем колхоза, преподавал в профтехучилище, был собкором газет «Костромской край» и «Северная правда». Автор тринадцати книг прозы. Повести, рассказы, очерки и статьи печатались в журналах: «Наш современник», «Новый мир», «Дружба народов», «Свободная мысль», «Костер» и др. Лауреат литературной премии им. И.А. Дедкова, губернаторской премии «Признание» и литературной премии им. А.Ф. Писемского. Член Союза писателей России.

РОСТОЧЕК ВОЕННОГО ПОСЕВА

(отрывки из повести)

Карандаши

Шел второй послевоенный год. В деревне наблюдалось приподнятое настроение. Лица людей светились. И даже вдовы, чьи мужья погибли на войне, повинуясь оживлённой обстановке, как-то отогрелись от угнетающих мыслей, их потускневшие от горя взгляды просияли, выражали общее дружелюбие.

Но материальная жизнь в семьях, то есть продуктовый достаток оставался прежним – угнетала полуголодная обстановка, а иногда, как в нашей семье, и просто настоящий голод.

Но мне-то, четырёхлетнему, что, я не понимал, что значила такая бедственная жизнь. Постоянная охота есть, желание что-то где-то отыскать, пригодное к употреблению, воспринимал как естественное состояние, как норму деревенского быта, и думал о зверьках, о птицах – они-то живут, их никто не кормит, но они полны сил, они быстры и вездесущи.

Лучший способ отвлечься от голодных подсасываний желудка – какое-нибудь занятие, игра со сверстниками в склянки, в «хороняшки», бегание по лужайкам в поисках чудесных по красоте цветов.

Но вот как-то в дом пришла неведомая мне гостья – дама в длинном платье, в лёгкой цветастой шляпке. Они долго разговаривали на кухне с мамой. К вечеру дама ушла, оставив в подарок какие-то вещички и в том числе коробку цветных карандашей. Потом я узнал, что дама – из Москвы, они с мамой снохи, то есть их мужья – родные братья, оба погибли на войне.

Карандашам я больше всего обрадовался. Хотелось скорее рисовать, что-то вычерчивать, но они не заточены, светятся облицовкой, словно волшебные, и оттого ещё более заманчивые. Я перебирал их, укладывал в коробке в разном порядке. Ко мне подошла Нина, одна из средних сестёр, самая старшая и упрямая по характеру. Она отобрала карандаши, сказав: «Тебе это не игрушка, они для нас, школьников», – и положила коробку в шкаф на полку.

КОСПРОМА

Я опечалился, но вида не подал и убежал на улицу.

На другой день, играя в разноцветные склянки у крыльца, я увидел проходящую мимо Лиду Тетёркину, двоюродную сестрёнку. Она была старше меня года на три, училась в школе, и я часто видел её босой даже идущую в школу – они, Тетёркины, жили беднее нас, хуже некуда.

– А у нас есть карандаши новые, целая коробка! – крикнул я Лиде.

Она остановилась в удивлении, помялась чуть и свернула ко мне.

– Карандаши? Цветные что ли?

– Цветные. Много, целая коробка! Я счас покажу! – и вприпрыжку побежал по лестнице.

Карандаши лежали на месте. Я выскочил, протянул Лиде коробку.

– Вот-а! – с восхищением смотрела Лида. – Всякие!..

Я видел, как загорелись её глаза, она замигала в радости, носик вздёрнулся.

– Дай порисовать.

– Бери! – воспылал я добротой. – Бери совсем. Я дарю тебе их!..

Лида улыбнулась, погладила меня по голове и убежала. Карандашей хватились через несколько дней. Да и то кто-то передал: у Тетёркиных откуда-то взялись цветные карандаши, Лидка изрисовала всю перегородку, даже на чёрной стенке печки изобразила кошку и козла.

Нина отыскала меня, играющего в кустах за изгородью, там я часто пропадал. Она решительно подошла ко мне, отодвинула от лица лопушистые ветви, и строго глядя мне в глаза, сказала:

– Ты зачем отдал карандаши Лидке? Тебе кто велел? Ну, обожди, придёшь домой – тебе будет! – и ушла так же быстро.

Я сидел ошарашенный, соображал: в самом деле, зачем отдал, не спросясь? Как теперь идти домой? Не наказания я опасался, не строгих упрёков и сердитого хора сестринских голосов – мне стыдно было, я всех подвёл, и только один вопрос в отчаянии я задавал себе:

– Что наделал! Что наделал!..

Я боялся идти домой. Всё медлил, думал, куда податься. А между тем уже смеркалось, по траве потянулся туман, стало холодно. Вспомнил про сенной сарай, куда уже сложили первое сено. Сарай стоял в отдалении от дома, за огородами. Я побежал туда. Дверей у сарая не было, и я разглядел стоящие кособоко ульи. Ещё недавно у нас имелась пасека, но пчелиные семьи все погибли в морозную зиму, а опустевшие домики снесли в сарай. Недолго думая, я прыгнул в улей, пригнул голову и затаил дыхание.

Темень сгущалась, сквозь воротный проём виднелось небо, стали зажигаться звёздочки. В сарае стояла тишина, но вдруг раздались по углам шорохи, возня, слышался тончайший писк, что-то треснуло и словно бы покатилося. Я задрожал, захныкал. Страх теснил грудь, горло пересохло. Вцепившись в стенки домика, я приподнялся и заревел во весь голос. Слезы катились по щекам едкими струйками, потекло с носа, я захлёбывался. И вдруг услышал:

– Кто тут? А? Кто ревет-то? Эй?..

И вот нависла надо мной пахнувшая навозом тётка. Стала меня ощупывать, дёргать за воротник.

– Васька, ты что ли? Он и есть. Да чего ты в улье-то сидишь? Чего не дома-то? И ревишь?

По голосу я узнал тётю Надю Забавину, деревенского бригадира. Я не отвечал. Всё ревел и ревел – не остановиться.

– Сиди тут. Я за мамой сбегая.

Тётя Надя ушла. Я стиснул рот, стараясь заглушить плач, но всхлипы прорывались, тельце моё сотрясала мелкая дрожь.

И вот слышу, идут.

– А я шла тут огуменником к дому. Господи, слышу плач, да такой истошный. Вот и пошла, смотрю, сидит в улье. Что это с ним?

– Да не знаю? Он такой у меня заполошный, встревоженный, родился вот невзначай...

– Да полно, полно, Ивановна, береги мальчишку...

– А чего, доведись до тебя – и ты бы сказала: ведь пятеро, куда уж... Нет, неймётся, шестого принесла.

Тётя Надя прошла мимо, а мама подошла ко мне, всё ещё всхлипывающему, подхватила под мышки, прижала к плоской груди, поцеловала.

Я тут же затих, обнял маму за шею.

– Чего уж ты такой-то, не бойся, – говорила она мне дорогой. – Надо домой бежать. Забрался бы на печку и сидел.

Видимо, она не знала про карандаши и про угрозы Нины – «тебе будет» – тоже. Я успокоился.

В доме царил мирная обстановка. Никто не обратил на меня внимания, лишь Нина подошла, похлопала, погладила меня по спине.

Озябший, я ещё дрожал, и мама, разомкнув обнявшие шею мои руки, поставила меня на печную стремянку, подтолкнула под тощий зад, и я очутился на тёплых кирпичках.

На второй или на третий день коробка карандашей появилась в доме. Я увидел её утром, соскочив с кровати, она выглядела уродливо – замызгана, смята, торцы лопнули, и картон расслоился, взъерошился. Я насилу выдвинул коробку. Мамочки, что тут было! Лежали обгрызенные, ошелушившиеся палочки, уж и не разберёшь – какого цвета. От некоторых карандашей остались обломки с мой мизинчик.

Меня не ругали. Брат Володька сумел заточить изуродованный набор, и я какое-то время рисовал причудливые фигуры на обратной стороне оборванных обоев.

Росточек «невзначай»

О том, что я родился «невзначай», а лучше бы и совсем не родился, я слышал и прежде. Сестра Валя в минуты голодные, когда в рот положить вовсе нечего, жалея меня, да и себя тоже, с грустной усмешкой мне говорила:

КОСТРОМА

– Васёк, и зачем ты родился? На какую беду-радость? – И добавляла, сглаживала моё недоумение:

– Да ты у нас, наверное, дурачок. Вот и голодный, а всё смеешься.

Я ничего не понимал – и зачем я родился, и почему мне всё смешно, – вертел бестолково головой и ещё пуще смеялся.

«Невзначай» мне прояснился много позднее, спустя десятилетия после смерти матери. И тайну эту открыла вторая сестра Зина. Уже перед смертью, разговаривая с Зиной и обсуждая мою болезнь – с восемнадцати лет у меня вдруг начала слабеть и сохнуть правая рука, – мать рассказала, как случился этот «невзначай».

Заканчивался третий месяц войны, но отца всё не призывали. Вернее, его призывали дважды, приходили повестки. И дважды он прощался, уходил с котомкой. Но оба раза на радость семьи возвращался – то ли возвращали по причине болезни – мать сказывала, он страдал «растяжением вен», – то ли щадили из-за многодетности – пятеро, старшей Вале всего тринадцать.

В октябре пришла третья повестка. И это уже – мать понимала – всё, домой не вернётся, увезут в армию.

Уходил он в воскресенье утром. Перецеловал всех – никто, несмотря на ранний час, не спал. Закинул на плечо тощую котомку, ещё раз окинул столпившееся семейство у порога прощальным взглядом и, склонив голову, открыл дверь. Мать, охая и плача, поспешила следом, пошла провожать.

Проводила только за деревню, до бань – семью не оставишь. От бань наносило дымом, духом распаренных берёзовых веников – они выстывали со вчерашнего вечера.

Остановились. И тут отец взял маму за руку и, ласково заглянув в глаза, потянул к ближайшей бане... вышли оба радостные. Отец, чуть смущаясь, сказал:

– Ну, Маша, всё. Иди домой.

Это их прощание через баню заметил кто-то из деревенских и впоследствии, сказывала Зина, над мамой подшучивали:

– Поскрёбышек-то твой не зря такой ушлый, в бане сработали.

В апреле 1942 года на отца пришла похоронка. Мать, развернув бумажку, упала в безумстве на пол, металась, билась, и только большой живот не давал ей перекатываться.

Беременность в военные годы не освобождала от колхозных работ, тем более от домашних. Мама работала, не покладая рук. И впоследствии, уже по окончании средней школы, когда у меня начала слабеть и сохнуть правая рука, мама горестно говорила:

– Ведь я до самых родов мешки тяжёлые таскала, косила, навоз на телегу грузила. Намяла я живот-то, тебя мяла, может, и повредила руку-то, вот и пошло, отразилось. Да не больно и осторожничала, не хотела рожать. Прости, нежеланный ты родился...

И хотя врачи мне говорили, когда, учась в Костроме, я обратился в больницу, что, возможно, рука стала сохнуть от укуса энцефалитного клеща, я и до сих пор думаю, что догадка мамы вернее.

Хотел потрогать небо

А родила-то мама меня прямо на покосе в поле. Неожиданно начались схватки. И хорошо тут рядом косила траву тётка Лиза Тетёркина, она соображала, умело принимала роды.

И вот, когда я уже учился и у меня обнаружили некоторые таланты – например, самоучкой научился играть на гармонии, звонко пел песни, читал вслух газеты и, главное, успешно одолевал арифметику, тётка Лиза говаривала:

– Почему ты такой сообразительный-то, всё ловишь на лету? А потому, что я тебя в рождении принимала и головку твою не мяла, не поправляла покрасивше, как некоторые делают, а оставила черепок-то какой есть, вот мозги-то и пошли в рост умные...

С малых лет меня поднимала с кровати и влекла куда-нибудь по деревне и дальше, дальше, любознательность. Босой, беспортошный бегу по улице, и всё мне интересно, ново, просто чудеса кругом. Однажды, задрал голову, я увидел небо с величаво плывущими облаками. И увидел, что небо покатое, за деревней, за холмистым полем сходится с землёй. И я побежал в надежде увидеть то место схождения и не только увидеть, но и потрогать небо рукой.

Кожу голых ступней покалывали пенёчки скошенной травы, ссохшиеся комочки земли, но мне это было уже привычно. Я бежал через поле, казалось, небо близко, вот сейчас за холмом я уткнусь в голубую стену. Но вбежав на холм, увидел, что упирается небо в землю дальше – за болотцем, за лесистым окаёмом.

Я опять побежал, хотя подошвы ступней уже щипало, горели огнём. Болотце зачавкало под ногами, прохлада приятно освежала. Дальше пошло мелколесье, а ещё дальше – настоящий лес. Я огляделся – кругом лес. Поднял голову – небо едва виднелось в сомкнутых вершинах сосен и елей. Куда идти-бежать – я уже не понимал. Плутал до потёмок. В изнеможении, расцарапанный в кровь, наконец, я вышел в поле и увидел деревню.

Меня уже искали сёстры по окружным кустам. Увидев их, я расплакался.

– Да где ты пропадал-то? – вгорячах кричала Тоня.

– Я небо искал. Я хотел его потрогать...

– Небо?! Да ты что у нас, глупый!

– Да, небо. Оно вон за тем лесом опустилось...

– Ладно, пойдём, – примирительно сказала Тоня, взяв меня за руку.

Много времени проводил я на окружающих деревню лужайках. Иногда с соседом-сверстником Толей Жидковым, но чаще всего в одиночестве. Поражало разнообразие цветов. Конечно, названий я не знал, но понимал, что они растут для людей, чтобы на них смотрели и радовались. Вот и я радовался красоте лужаек. Упаду на колени, ползаю, боясь помять чудные экземпляры. Особенно поражали фиолетовые и желтовато-белые колоски на длинной ножке. Какой нежный и тонкий они источали аромат! Я склонялся к этим колоскам и глубоко вдыхал их живительный запах. Учась в Караваеве на

КОСПРОМА

агрономическом факультете, я узнал ботаническое название этих цветов – фиалки. И теперь в мои пенсионные годы с сожалением наблюдаю, что фиалки вырождаются, их забивают невзрачные, но родливые травы.

Однажды я сообразил: а что если самые красивые цветы сорвать и сложить вместе, то выйдет замечательно (я ещё не знал слова «букет»). Поставить их в стеклянную банку с водой и на стол, всё в избе озарится от этой красоты. Собирал экземпляры с увлечением, много замечательных цветов росло вдоль ручья. Прибежал домой, прибрался в комнате, вытер тряпкой стол и поставил посередине благоухающую разноцветьем банку. Разлился по избе нежный запах цветущего луга. От этих сине-розово-белых цветов словно бы всё вокруг преобразилось. Наша бедная изба наполнилась простым, ни с чем не сравнимым, богатством.

Пришла мама с сенокоса, оторопела, встала в дверях, сказала:

– Это что? Ты букет нарвал? Вась, ты?

Я стоял смущённый, кивнул.

– Какой ты у меня молодец! – Подошла, поцеловала в темечко.

Потом одна за одной пришли сёстры и тоже галдели в восторге:

– Ты смотри, какой ушлый!

– Какие подобрал. Вон фиалки, купальница...

– Да и незабудки. А вот эти-то, какая прелесть, я и не знаю их...

– А запах-то, запах!

На этот раз в нашем доме, сварливом, оглашаемом обычно криком, перепалкой, до самой ночи установилась мирная жизнь. Смотрели друг на друга улыбочиво, как-то ласково, не повышали голоса. И я, малыш, понимал – цветы растут не зря, не просто так они расцветают, они воздействуют на ум человека, успокаивают, одаривают счастьем, любовью.

С той поры я частенько менял в банке букеты, приносил новые по составу, отыскивал на луговых просторах, в низинах, на опушке леса удивительно яркие и в тоже время скромные цветочки.

Павел Романец (Виктор Акатов) – писатель, художник-график, иллюстратор, краевед, председатель Общественного совета по популяризации творческого наследия Е.В. Честнякова, член Военно-исторического и Русского географического обществ, академик Международной академии информатизации при ООН, профессор, заслуженный экономист России. Автор трех сборников стихов, двух книг рассказов, первого в мире романа о Чернобыле и чернобыльцах «Точка невозврата. Записки ликвидатора», за который стал лауреатом двух общероссийских литературных премий: «Чернобыльская звезда» и имени отца Павла Флоренского, лауреат Международного конкурса рассказов им. А.И. Куприна. Награжден Золотой, Серебряной и «За заслуги» медалями Творческого союза художников России.

ДЕРЕВЬЯ ПАМЯТИ

В той стороне, вздыбленной крутыми оврагами и холмами, провеянной холодными северными ветрами и затерявшейся в бескрайней тайге, как ни удивительно, но в деревнях были сады. У многих. Да и как же без сада. Не южный сад, а всё же сад. Свой сад. Во многих деревнях, улицы были обсажены тополями, липами, березами, во дворах яблони, вишни, черёмуха. Сады – особая гордость сельчан. Весной деревья, как на выданье, – словно в фате, в белых шапках распустившихся соцветий. В конце августа ветки гнутся, и весь сентябрь падают с них яблоки.

Сажали деревья особенно при рождении детей. У каждого было своё дерево. А потом вырастали сыновья и дочери и сажали свои деревья. И ещё сажали, когда уходили из родительского дома, на память. Так и звали эти деревья: Колина яблоня, Катина рябина, Стёпина сосенка или Берёзка Витина.

– Ничего, – бодро говаривали сельчане, – не хуже других живём.

А как жили, всем было видно. И прежде всего по садам. У одних летом домов за тополями и садом почти не видно, зато зимой красуются избы фасадами в кружевной резьбе. Но были дворы, в которых деревья сохли, болели паршой, не приносили плодов. Вымерзали, а сухие и дуплистые, малопродуктивные не убирались. Видимо, и убирать уже было некому.

Бывали и пионеры садоводства. Привозили черенки яблонь, вишни, сливы, кустов различных. Сады расширялись, разнообразились. Соседи удивлялись, а года через три-четыре и сами с удовольствием включались в садовое дело.

Да и учиться было у кого, с кого пример брать. Недалеко стояла усадьба помещика. Хозяин был добрый, ещё до реформы отпустил крестьян. А кто с ним был, те добровольно остались – хозяин не притеснял.

Большую часть территории усадьбы занимал плодовый сад с ягодником вперемежку. Белый налив, ранет, антоновка, вишни, груши, сливы. В междурядьях: крыжовник, красная и чёрная смородина, малина, актинидии.

КОСЦЕРОМА

Формировали кроны, проводили обрезку, омолаживая и осветляя деревья, когда надо – опрыскивали, сгребали опадавшие листья, растительные остатки, сжигали или отвозили в компостную яму. В общем, ухаживали за садом. Рядом был и господский пруд на сильных ключах. Детишки крестьянские бегали в барский сад, играли в прятки, и никто не прогонял. Только вот лазить по деревьям было строго запрещено, под угрозой закрытия сада. Дети это ценили. Взрослые тоже ходили в сад, особенно в престольные праздники, в день именин барина.

Но после революции нашелся большевистский предводитель, сжёг усадьбу, сад на дрова вырубил. Жители долго переживали. Им казалось, будто с этим садом было срублено что-то живое, родное, бесконечно для каждого дорогое. Селяне раньше не думали, что именно этот сад, впервые ими виденный, так дорог каждому. Он всегда первый вставал в памяти перед глазами, когда вспоминали детство. Сад был вроде символа, который объединял всё прошлое. Вспоминали детские игры, как их, уже повзрослевших, приглашали в барский сад собирать урожай. Пели песни, перекликались. И хотя труд крестьян был очень тяжёл, но в саду им работалось легко, на душе было светло от соприкосновения с такой красотой. К тому же барин разрешал часть урожая себе брать да по два рубля доплачивал. Умный был барин, и ему сторицей окупалось. Как в заповедях: «Давайте, и дастся вам»*.

Тут и речка таёжная под боком журчит, играет на перекатах, каждый камень виден. Вода редкой чистоты. На своем пути разбавляется родниками. Столетние деревья прямо с обрывов пьют корнями светлейшую воду. Берега поросли зарослями шиповника, смородины, запах такой, что голова кругом идёт.

Семьи в деревне, как водилось, были многодетные, дружные. Все успели породниться, незнамо в каком колене. Разрослись сады после отшумевших грозных событий начала двадцатого века, и уже к концу 1930-х годов красовались деревни новыми садами.

Что же такое таится в душе человека, не даёт ему жить без деревьев? Человеку без дерева нельзя, дерево – душа человека. Оно растёт, и от него идёт к человеку незримый ток, вливается в его душу красотой и нежностью, добротой и совестью. Человек, вырастающий рядом с деревом, всегда чувствительнее. Он нежнее сердцем и добрее помыслами.

Деревья сажали у каждого дома со смыслом, обихаживали деревца так, как иная мать и дитя своё не обихаживает. Удобряли, поливали, следили, чтобы не ломали веток. Часто можно было видеть родителей у своих деревцев. Особо солдаток в войну и после. И в праздник, и в день рождения. Вынесут табурет, накроют красивым полотенцем из приданого сундука, пирогов принесут, наполнят стопки: «Ну, что, ребятки, вы наши родные, мы снова вместе, поговорим?.. Мир вашему праху, и пусть земля будет вам пухом... Дай Бог вам царство небесное и жизнь вечную!». Выпивали,

* Евангелие от Луки, 6: 38

закусывали, молчали. А когда яблоки созревали, мерещилось им, что яблоки пахнут будто сыновьей плотью.

Со старостью всё более саднило чувство вины, что память временами угасала, что больше стали сетовать на свою старость, на болезни. Но обнимали деревья, благодарили их за то, что они давали силу. Но переживали, что деревца без них могут захиреть, кто сохранит их? Ухода не будет. Сгибнут.

А лучший сад в деревне был у бабы Нюры. С мужем Алёшей они заложили его, пестовали, ухаживали. Яблонь много было, рябины, вишни, а вдоль забора целая аллея. Высокие уж, но не одинаковые ростом, а как лесенкой, одно за одним пониже другого. Первую яблонь посадили, когда поженились, потом вторую, когда Алексей ушёл на первую мировую войну, и ещё одну, когда вернулся. Третью и последующие яблони – когда родились сыновья, рябину – за дочь.

Когда наваливалась боль, баба Нюра выходила в сад к деревьям, поговорить с ними, чтоб силу дали, когда заболела или что случилось с ней. Укреплялась духом. В деревне все знали о силе деревьев, потому они и сопровождали человека по жизни. Когда Алексей уходил на войну, посадили первое военное дерево, дуб, чтоб муж на войне был крепок, как это вечное дерево. Потом ещё четыре военных дерева, когда уходили на проклятую войну друг за другом сыновья и дочь. Всего девять дерёв.

Рядом с домом бабы Нюры соорудили небольшой мемориал в память о всех не вернувшихся с войны. Это было в 1966 году, на второй год после того, как по всей стране начали торжественно отмечать День Победы, чего до того не бывало, но с того дня стало всенародной традицией.

На стеле памятника были написаны фамилии погибших и пропавших без вести земляков-красноармейцев. Сошлись здесь фамилии по деревням в алфавитном порядке. В каждой деревне было всего-то от двух до пяти фамилий, а строчек на памятнике у иной деревни с полсотни. К тому времени тех деревень уже не было, потому мемориал поставили в последней сохранившейся в этой далёкой таёжной стороне, ещё тогда многолюдной. Как раз рядом с домом бабы Нюры.

С раннего утра на открытие мемориала собирались люди, неспешно подтягивались родственники, приехавшие отовсюду. Кланялись, бережно укладывали цветы, искали на стеле своих родных, прижимались щекой к холодному металлу, как к человеку. Минута молчания затянулась надолго. Скупые слова выступающих давались с трудом, всё ещё была свежа боль утрат. От слёз блестели глаза. Школьники в ярко-красных, почему-то казалось – как кровь, галстуках читали стихи, пели песни военных лет. Потом как-то всё затихло, опять долго молчали. В глубокой скорби стояли старые и нестарые, молодые и подростки. Малыши прижались к ногам матерей и бабушек. Сблизил этот памятник всех земляков. Свели их вместе в этот чистый майский день и память, и боль, и Победа. Стояли родственными группами, тихо переговаривались, а некоторые и знакомясь.

КОСПРОМА

После траурного митинга все разбрелись по деревне, пошли к своим садам, своим памятным деревьям.

Баба Нюра, опираясь на корявый сук, вышла из дома и нетвердой походкой направилась к деревцам. Переходя от одного к другому, тихо обнимала каждое, прижимаясь сухой, морщинистой кожей к холодным стволам. Неподвижно замерев, закрыв глаза, стояла у дерева мужа, у дерева сына, другого, третьего, дочери, передавая каждому биение своего слабого сердца, прислушиваясь, не отзовется ли оно стуком сердец своих незабвенных родных.

Нет не слышно. Каждое дерево она обнимала, стараясь отдать тепло своего сердца, шептала: «Тебе, Ванюша, матушкин поклон, ты уж держись там». Обняла другой стройный стан сына Дмитрия, сына Николая, дочери, потом, собрав последние силы, подошла, пошатываясь к третьему, младшенькому Ивану: «Ванечка, сыночек мой, ласковый мой, ты же обещал домой вернуться, писал, что войне скоро конец. Мы так ждали тебя..., где же твои косточки лежат, в каких краях, на какой земле головушку сложил?» Молчит Иваново дерево.

«Наверно, на том свете вам печально, – продолжала шептать баба Нюра, – что не продолжили род, не поставили деревца рядом с собой, сохраняя и продолжая наш род». Послышалось бабе Нюре, что шепчут вершины деревьев: «Не горюй, матушка, не убивайся». Будто говорят колышущиеся ветви: «Гляди, мы тут стоим, мы не совсем пропали и не исчезли бесследно. Стоим, видишь – вместе, и будем стоять..., теперь и у памятника».

Баба Нюра оглянулась вокруг, взгляделась в памятник, на котором были строчки и её мужа, и её ребят, прямо друг за другом, как в строю. Посмотрела на расходившихся после митинга односельчан, на беспечно бегающих детей, о чем-то разговаривающих между собой девушек и парней, подумала: «Наверно, будет, кому за деревьями ухаживать».

И обращаясь к деревьям, старая мать прошептала: «Спасибо вам, дорогие, кланяюсь в ножки Алешенька, ребятки-сыночки, доченька дорогая, что успокаиваете меня». С трудом обошла ещё раз весь сад. Подошла к дубу мужа, погладила на прощание своей сухой, жилистой, пергаментной ладошкой, прижалась щекой, обняла ствол и, отдавая мужу свои последние силы, замерла... Очнувшись, опять поглядела на памятник, людей, ребятшек и, ссутулившись под грузом воспоминаний, поплелась в избу, передохнуть, полежать. Ноги еле держали. И силы родных деревьев уже не хватило...

ПОБЕДИТЕЛИ

Иван уже знал, что домой пришло письмо от отца, он ранен, выздоравливает, скоро вернётся. Писал сосед Митька, однокашник, потерявший обе ноги до колен, и потому комиссованный домой вчистую ещё в 1942 году с медалью «За отвагу».

Жениться Митька до войны не успел, теперь, как мог, помогал Валентине, жене погибшего брата с двумя малыми пацанами. А как мог, помогать безногий? Варвара Тихоновна, председательница колхоза, взяла его к себе в контору писарем, заставила учить бухгалтерию. Счетовода не было, забрали на войну. В школе Митька по математике отличником был. «Ну, вот, давай, помогай! – как командир, распорядилась председательница.

Кто не знал грамоты, часто приходили к Митьке в контору или домой, чтоб написал письмо на фронт родственнику. Это у него хорошо получалось, по сочинениям в школе тоже пятёрки имел. Вот и сочинял. Бывало за ним приезжали с повозкой, несли на руках, сажали в телегу и к старикам каким-либо или к кому-то лежащему на дом отвозили там письмо написать. Как говорится, чтобы в присутствии.

Протезов и костылей поначалу у Митьки не было. Дед Степан, старый уже, когда-то известный в деревне столяр, из черёмухи вязовой, из которой полозья саней гнули, сделал самодельные костыли. Сказал, мол, так в первую мировую костыли справляли. Подобрал он под рост Митьки ствол толщиной в три пальца, распарил в баньке, в корыте, рассёк на две трети длины от более тонкого конца, там проволокой жестко закрепил, чтобы далее ствол не раздваивался, затем под длину руки Митьки выдолбил квадратные дырки с двух сторон, вставил в отверстия круглый копыл от саней-розвальней шириной с ладонь с квадратными концами, а сверху свёл раздвоенные концы и закрепил их круглым копылом покрупнее, обернул его рукавом от ватника, на нижний конец ствола набил кусок кожи, обернул полосой жести и зажал её шурупами. Вот и получились костыли.

Много потом дед Степан сделал таких костылей, приноровился так, что и протезы пробовал мастерить, получалось. Только без костылей на протезах было тяжело передвигаться. У кого нога отхвачена выше колена, тем делал деревянные площадки, обжимал их ватником, чтобы мягче было сидеть, а вместо колесиков на оси надевал подшипники. В руки давал прямоугольные опорные держалки с отверстием под ладонь, ими калека отталкивался, чтобы ехать, а чтоб развернуться, на них подтягивался вверх, что позволяло развернуть площадку. Но преодолеть препятствия было невозможно. Крикнет такой калека кому-нибудь: «Слышь, малый, подсоби!». И всегда находились охочие ребятки, взрослые, помочь перебраться калеке, подняться повыше, или просто брали под мышки и переносили через преграду или несли по ступенькам.

На этих площадках колёсных, да и на самодельных костылях далеко ли уйдёшь? Горько, ох как горько безногим было! А что делать, надо жить. Кто в семью вернулся, кого вдовая приютила, кто спился от боли, нет не физической – душевной, что не мужик он теперь, что не может быть хозяином, опорой семьи, добытчиком. В какой-то степени Митьке больше всех повезло. Может, потому, что был первым в деревне, вернувшимся без ног. Писал письма. Председательница Варвара Тихоновна из райцентра книг ему понавезла, вот самоучкой и выучился на счетовода, затем уже после

КОСЦЕРОМА

войны – заочно на бухгалтера, стал уважаемым человеком. Как же – Димитрий Лексеичем величали. Но это будет потом.

А пока идёт война. Как же Митька помогал семье брата? Ну, вот письмами промышлял, потом стал разбираться в конторских бумагах. Пошли трудодни. Пришла помощь братовой вдове и детишкам. Работал ведь много, не отлынивал. Выживали на трудодни. За год ему набрасывали до 200 трудодней, да как инвалиду и ещё счетоводу, помощнику председательница чуть добавляла. Вот и получалось по году три мешка зерна. На мешок и Валентине удавалось трудодней наработать. Всего до четырех мешков доходило. Не густо. Ведь надо было и муку смолоть, хлеб напечь не только из лебеды, и курам зимой подсыпать. Так вот и жили.

Конечно, за письма не только благодарили, но и давали, вернее сами домой приносили, и уважительно просили: «Возьми Валюша-душечка, за твоего Димитрия. Возьми, не посрами. Тако письмо красивое Митрий написал, чтобы муженек не сумлевался, что у нас всё хорошо, чтобы воевал, не боялся за нас. А мы уж тут как-нибудь до окончания войны дотянем. Лишь бы вернулся, хуч и без ног, без рук, только бы живой». Ну, и давали, что могли, кто муки, кто зерна, кто картошки, иногда кусочек сахара детишкам или чего ещё.

Но всего этого, и про Митьку, про его письма, про костыли и трудодни, ничего не знал Иван. Он радовался последнему письму от мамки, написанного рукой Митьки. Рад был, что отец жив, скоро вернётся домой, что как будет ему радоваться мамка. Вот и войне скоро конец. В этом радостном порыве 12 мая 1945 года он написал письмо домой. Писал очень подробно, война закончилась, теперь можно и детальнее писать. Наверно, не всё в письме почеркают. Письмо ведь Победителя. Он с гордостью описал участие и свои успехи в конце войны. Столько событий произошло! Обо всём хотелось сказать.

В начале апреля Иван, к тому времени уже старший лейтенант, был переведён вместе со своей разведгруппой в распоряжение разведотдела штаба 50-й гвардейской стрелковой Сталинской дважды Краснознамённой, орденов Суворова и Кутузова дивизии генерала Владычанского, которая входила в 3-й гвардейский Краснознамённый стрелковый корпус генерала Александрова 28-й армии генерала Лучинского в составе 2-го Белорусского фронта генерала армии Баграмяна. Иван с гордостью писал, что приходилось видеть многих генералов, а Владычанскому лично докладывал. Очень повезло тогда, удалось поймать офицера на уловку, отвлекли ночным громким разговором у бруствера на передовой вражеской позиции якобы двух немецких солдат, подошёл офицер приструнить солдат, ну его и сцапали, мгновенно и тихо, спеленали, притащили в штаб. А тут и Владычанский с офицерами как раз ждали его разведгруппу, первая группа пришла ни с чем. А у них язык – офицер! Сразу же всех наградили. Иван получил вторую медаль «За отвагу». Через два дня его представили к

«Ордену Славы» 2-ой степени. Третья степень у него уже была. Очень ценный язык оказался, всё, что нужно рассказал.

После освобождения Пруссии их 28-ю армию срочно перебросили из-под Кенигсберга в состав 1-го Украинского фронта маршала Конева с целью участия в штурме Берлина, чтобы замкнуть кольцо вокруг немецкой столицы с Севера и не дать немцам соединиться с англо-американскими войсками. 6-го мая Иван с товарищами посетили логово фашизма, рейхстаг, сетовали, что не удалось участвовать в его штурме, но зато расписались на этой цитадели фашизма. Краску заранее приготовили. Ребята нашли какую-то погнутую металлическую конструкцию, подняли Ивана, и он написал: «Берлину крышка!», а далее свою фамилию и товарищей.

Но радость была недолгой. Через два дня их 3-й корпус перебросили под Прагу, на подавление ещё сопротивлявшегося немецкого гарнизона и армии предателей Власова, пытавшихся сдаться американцам, которые находились всего в 50 километрах от Праги. 11-го мая с немцами и власовцами было покончено, кого перебили, кого пленили. Прага освобождена. На этой последней радости Иван закончил письмо, свернул его треугольником и побежал в штаб отдать письмо на отправку.

Однако, хоть война закончилась, но по территории Чехии ещё бродили недобитые группы немцев, порой и большие. Бои шли ещё несколько дней, до 16 мая, уничтожали отказывавшихся сдаться в плен. 13-го мая в таком бою на mine подорвался Иван Тимофеевич Белокуров, уже капитан.

После лечения, в июле 45-го вернулся Иван в родную деревню. Как кавалера трёх орденов Славы его привезли из райцентра на машине председателя исполкома, на руках перенесли в дом, аккуратно посадили на стул. Остолбеневшая мать с ужасом смотрела на безногое тело сына, рыдала, приговаривая: «Хуч живой, хуч живой, хуч живой...». Со стены смотрел на сына портрет отца, в траурной рамке. Не выжил, не вернулся.

ДЕТИ ПОБЕДЫ

Маленький мальчик с печальными глазами сидел у слегка заиндевелою окна и грустно смотрел вдаль. Стоял яркий морозный день. Солнце зайчиками отражалось от оконных стёкол, во дворе искрился снег, ребята играли с лохматой собачкой. Несколько вдали между домами виднелась центральная площадь этого небольшого уральского городка, куда они недавно переехали по новому месту военной службы отца. На площади уже стояла новогодняя ёлка, большая, пушистая, вся в разноцветных игрушках. Вокруг бегали мальчики и девочки, играли в догонялки, резвились. Малышу так хотелось быть вместе с ними, но... Но он был болен, простыл, и все новогодние дни предстояло сидеть дома.

Через некоторое время его внимание стал привлекать двухэтажный дом с колоннами посередине и широкой в несколько ступенек лестницей. «Какой-то странный дом?». Действительно, перед окнами этого дома, переминаясь с ноги на ногу, топтались мужчины, женщины, кому-то махали

КОСПРОМА

руками, радостно приплясывали, вроде бы что-то кричали, но мальчику не было слышно – что. Иногда на ступенях возникало суматошное движение: осторожно держа под руки, в дом заводили толстых тёт, при этом из здания выбегали люди в белых халатах, хлопотали вокруг очередной тётки. А иногда у ступенек собиралась толпа, и через некоторое время в сопровождении людей в белых халатах выходили радостные красивые женщины с большими белыми, розовыми или голубыми свёртками, все обнимались, целовались, что-то кричали, фотографировались, уезжали на машинах или уходили пешком, постепенно исчезая из поля зрения мальчика.

На кухне хлопотала мама. Оттуда распространялся по квартире волнующий аппетитный запах. Как всегда, мама напевала свою любимую песенку. Она так часто её пела, что со временем малыш на всю жизнь запомнил припев:

*Что тревожиться, что надеяться,
Что печалиться? Всё развеется.
Где теряются, там находятся,
Где знакомятся, там и сходятся.*

Напевая песню, подошла весёлая, улыбающаяся мама. В руках она держала тарелку, полную свежих крендельков. Румяные, посыпанные ванильной пудрой они так и просились, чтобы их съели.

– Ну-ка, сынок, попробуй. Только что спекла. Осторожно, они ещё горяченькие.

Мальчик двумя пальчиками взял кренделёк, откусил и восхищенно воскликнул:

– Ой, как вкусно! Такие ты раньше не делала.

– Соседка научила. Это уральские крендельки. На юге, где я родилась, у нас в основном пекли пирожки, да варили вареники, а здесь пекут крендельки, а ещё какие-то расстегаи, кулебяки. Обязательно научусь и буду ими тебя с папой потчевать.

– Мама-Вера, а почему ты всё время одну и ту же песню поёшь?

– О, это старинная песня. Её часто пели моя бабушка и моя мама, особенно перед Новым годом и Рождеством. Это – вещая песня. Она всегда сбывается. У меня сбылась и у тебя, сынок, сбудется. А что ты всё время выглядываешь в окно?

– Да какой-то непонятный дом. Вон видишь. Что это?

Мама сначала хотела ответить уклончиво, но, подумав, что всё равно рано или поздно узнает от ребят во дворе, да как-то не так. Потому ответила прямо, как есть:

– Это роддом.

– А что такое роддом?

– Ну... Здесь рождаются мальчики и девочки.

– Как? Они же родятся в капусте! Ну, или их приносят гуси-лебеди! Ты, что не знаешь, мам-Вера?!

– Ну..., ну..., – и, наконец, найдя подходящий ответ, мама сказала, – Это было раньше, сейчас другие времена. Теперь женщины, которые хотят иметь детей приходят в роддом и там у них рождаются мальчики или девочки.

– Да-а? – неуверенно переспросил мальчик.

– Да-да, малыш. Вон, смотри. Видишь, тётя стоит на крыльце, а на руках маленький мальчик, завернутый в одеяло, перевязанное голубой лентой.

– А откуда ты знаешь, что там мальчик?

– Если девочка, то или одеяло было бы розовым, или его перевязали бы розовой лентой. Так заведено.

– Мам-Вера, а сходи в роддом и роди мне сестренку.

– Ну, малыш, ты даёшь! Я уже старая, рожать могут только молодые женщины.

– Какая ты старая? Ты – не старая, ты молодая! Ты такая красивая! Мамочка, я так люблю тебя! Ну, сходи, роди мне сестренку! Сходи! Это же рядом!?

Малыш тогда ещё ничего не знал...

Вера со своим мужем Колей была знакома с самого детства. В станице их дома находились на одной улице. Дружили родители, и они тоже подружились, как брат и сестра. После семи классов Коля уехал в Астрахань учиться на автомеханика, а Вера – в Сталинград на курсы бухгалтеров. Потом они вернулись, а через некоторое время и свадьбу сыграли. Но вскоре их вызвали в райком и по разнарядке, как тогда говорили – по комсомольской путевке, от которой нельзя было отказаться, направили на важный оборонный завод под Краснодаром, там остро не хватало специалистов. И строго предупредили: «А с детьми пока повремените. Вот завод пустим в строй, тогда можно». Им дали комнатку в заводском бараке. По тем временам жизнь впереди представлялась прекрасной. Рядом большой город, задумали продолжить учебу. Хотя работали много, но по воскресеньям ходили на танцы, в кино, театры, особенно любили оперетту...

Их счастье прервала война. Коля сразу же добровольцем ушёл на фронт. До прихода немцев в 42-ом году они ещё переписывались, потом связь прервалась. Фронт наступал быстро. Завод полностью не успели эвакуировать, цеха заминировали, но взорвалось не всё. Вере и ещё двум женщинам поручили сжечь документацию, различные бумаги, которые уже не успевали отправить в тыл. Так она попала в оккупацию. Через какое-то время немцы стали забирать тех, кто работал на оборонзаводе. Начали с двухэтажных каменных домов, где жили инженерно-технические работники. Стало понятно, что, скоро придут и в их барак. Уже была зима. Вера стала пробираться в станицу к родителям...

КОСПРОМА

Обессиленную, едва не замерзшую, её подобрали добрые люди на окраине какого-то хутора. Выходили, спасли. Когда части Красной Армии вернулись, на тряской подводе отвезли Веру в родную станицу.

Николай и Вера ничего не знали друг о друге почти три года. Николай был тяжело ранен на Курской дуге, десять месяцев по госпиталям, потом опять воевал. Ещё после освобождения Варшавы из письма он узнал, что Веру привезли домой добрые люди. Так как после взятия Берлина его оставили служить заместителем штаба полка при командовании Советской оккупационной зоны в Германии, то вырваться домой на побывку смог не сразу, а когда отпустили, нашёл Веру исхудавшей, ослабленной, больной. Он увёз её с собой в Германию. Показывал лучшим нашим и немецким врачам, но окончательный вердикт был неутешителен: «Здоровье постепенно восстановится, но детей рожать больше никогда не сможет».

В послевоенные два-три года по мере возвращения солдат и офицеров из армии резко возросла рождаемость. Маленькие мальчики и девочки появлялись на свет как восхитительные плоды безмерной радости от долгожданных встреч, завершения мук расставаний и ожиданий, обретения любимых, и конечно, окончания войны. Эти малюсенькие комочки в народе стали олицетворением Победы. Их так и называли – «дети победы», в отличие от «детей войны», чьё детство пришлось на страшное военное лихолетье. Николай, как и другие, тоже мечтал о ребёнке, ребёнке победы, но главным для него всё же было здоровье Веры, которая действительно потихоньку поправлялась.

Однажды, Николаю пришло письмо от его друга Сергея, детдомовца, с которым они подружились ещё на краткосрочных курсах младших лейтенантов в июле 41-го. Почти в конце войны при переправе через Одер он подорвался на mine, лишился ноги, после госпиталя вернулся в Краснодар, как тогда говорили, с фронтовой женой, медсестричкой из их батальона, уже бывшей в положении.

Сначала они жили в разбитом доме. Работы не было. Поэтому поехали в деревню в Воронежскую область, где от умерших ещё до войны родителей жены должен был оставаться дом. Однако деревня в войну вся выгорела, вернулось только несколько семей. Кое-как построили лачугу, завели огород, кур, удалось достать козу, так вот и жили.

Предыдущие письма были довольно оптимистичные, мол, работаем, трудно, но живём, другим-то не довелось довоевать до мирной жизни, а мы живы, слава Богу. Но это письмо было коротким, тревожным. В письме Сергей, не объясняя причины, умолял срочно приехать, дескать, нужна помощь, а больше не у кого просить. Николай сказал командиру, что друг в беде, и тот, сам знавший цену потерь, без проволочек отпустил его.

Беда оказалась большой. Всего как три месяца умерла Валя, жена Сергея, она в войну два ранения получила, вытаскивая на себе раненых бойцов. Вот и оставила Сергея с трёхгодовалым малышом. Потом у Сергея

протез сломался, а на костылях много по хозяйству не наработаешь. Потому Сергей попросил Николая:

– Ты, Коля, за меня не беспокойся, выдюжу. А с мальцом не смогу. Нет у меня ни сил, ни сноровки двоих тянуть... Вот, видишь, и Валюша не смогла троих тащить... Надорвалась... Ты пацана отвези в детдом. В Воронеже есть такой. Я вырос в детдоме, ну и пацан сможет. Давай, Коля, подсобляй. А за меня не бойсь. Сбегай в сельсовет, приведи председателя, пусть засвидетельствует на бумаге, что отдаю сына в детдом, и доверенность на тебя выпишет, да пусть печать не забудет.

Так и сделали. Николай, что сумел, помог по дому, поправил крышу, ступеньки, оставил денег, взял малыша, и поехали они в Воронеж. Пока добирались на перекладных, Николаю стало жалко отдавать Сергеева сынка в детдом. Да к тому же звали его Виктор, победитель значит. И привёз Николай маленького Витюшу в Германию, где в Олимпишесдорфе они жили в одном из пустых флигелей. Вера была восхищена решением мужа. Обцеловала, обласкала Витю, как никогда и никого прежде. Радость была настолько велика, что и здоровье Веры стало поправляться быстрее.

Где-то через месяца полтора на безответное письмо Сергею пришёл ответ из его сельсовета о том, что он покончил с собой. Тут-то и открылся его страшный замысел...

По прошествии некоторого времени они усыновили Витюшу. Теперь, как и другие, Николай тоже имел дитя победы, как он говорил – продолжателя. В конце 50-го Николая перевели начальником штаба танкового полка в тот самый небольшой уральский городок.

Ничего этого Витя тогда не знал. Он продолжал изматывать и Веру, и Николая, чтобы они родили ему девочку, сестрёнку. Что происходило в душе этого маленького человечка, они не понимали. Чего-то ему не хватало, а чего? Детский врач, наблюдавший Витю, уже и не знал, что говорить: «Тяжёлый случай. Возможно, это результат стрессов от потери матери, расставания с отцом, перемены места, новая семья. Н-да, – сокрушался немецкий профессор. – А может он чувствует, что и отца нет в живых. Что? Не верите? Ой, в жизни не то ещё бывает. Ну, не знаю, может быть ещё что-то. Надо его отвлекать. Пробуйте! Перебирайте всякие варианты. Будьте в этом оригинальны, изобретательны. Иначе может быть срыв».

И пробовали. Куда только его не водили, гуляли по городу, выезжали в лес, на речку, знакомили с ребятами, ходили в кино, возили в областной центр в зоопарк, цирк, детский театр. Завалили всякими игрушками, разными кубиками, машинками, конструкторами. Николай, конечно, недостаточно бывал дома – служба, но Вера-то всё время занималась Витей. Ничего не помогало, малыш становился всё раздражительней. Было страшно за его будущее.

Однажды перед Новым годом Николай, отчаявшись купить сыну что-то необычное, когда и подарки-то должны быть особенными, поехал в областной центр в магазин для детей. Там его внимание привлекли

КОСПРОМА

необычные для того времени две огромных размеров куклы: бравого мальчика в военной форме красноармейца и белокурой девочки в нарядном бело-розовом платье. Это были не простые куклы. Если им голову наклонить, а потом быстро возвратить, то они говорили слова: мальчик произносил «Папа!», а девочка – «Мама!». Но ещё при этом они моргали глазами. Николай решил купить куклу красноармейца, но пока стоял в очереди «красноармейцы» закончились. Николай долго колебался, брать ли «девочку», но, вспомнив, как Витя просил родить сестричку, решился и привёз домой эту куклу. В Новогоднюю ночь, когда Витя заснул, Вера и Николай уложили под ёлку несколько подарков, а куклу положили рядом с ним в кровати. Как всегда Вера спела мамину песню.

Как ни странно, кукла Вите понравилась, дома он не расставался с ней, играл, разговаривал. И вообще эта игрушка в его жизни действительно стала особенной.

После окончания института Виктора направили на работу в старинный русский город, раскинувшийся по обоим берегам широкой реки Волги. Ему дали небольшую комнатку в коммуналке на верхнем этаже двухэтажного дома номер 25 по улице имени крупного драматурга. В полуподвальном первом этаже жила семья шофёра, работавшего на каком-то заводе. У них была девочка лет пяти, белокурая, пухленькая, ну как его любимая кукла. Голосок у неё был тоненький, нежный. Девочку звали Надя. Во дворе детей её возраста не было, потому она всегда игралась одна. Там они и познакомились, когда однажды в яркий весенний выходной день Виктор сидел на лавке под рябиной и читал книгу. Настя копошилась вокруг Виктора, предлагала ему какие-то фантики, черепушки, поломанные игрушки, разговаривала с ним. Он постепенно включился в её игру. Так они и подружились.

Отца Нади вечно не было дома, а мать весь день пропадала в прачечной, да ещё и подрабатывала швеёй. Когда Надя пошла в школу, Виктор помогал ей делать домашние задания, рассказывал сказки, разные истории, рассказал про свою судьбу, как появилась его кукла, как папа хотел купить такую же большую куклу бравого красноармейца, но ему досталась кукла девочки, которая стала его любимой игрушкой, ну, конечно, и то, что знал о войне со слов мамы-Веры и папы-Коли.

Частенько, проходя мимо конфетной фабрики, расположенной в одноэтажном угловом доме № 17 всего в квартале от них, Виктор стучался в маленькое окошко, говорил добрые приветливые слова работавшим там женщинам, и они продавали ему ещё горячие ириски, леденцы, разные подушечки, которыми он баловал Надюшу.

Через несколько лет Виктору удалось добиться перевода на работу в Новосибирский Академгородок. Перед отъездом Виктор подарил Наденьке свою куклу девочки, которая когда-то его спасла. Кукла уже не моргала глазами, не разговаривала, да и платьице обветшало, исчез румянец на щеках. Это был его талисман, память о родителях и о том уральском

городке. Конечно, расставаться с куклой не хотелось, но у Наденьки ведь и кукол-то почти не было. Она неподдельно радовалась подарку, скакала, танцевала с куклой, но потом горько плакала, когда все с благодарностью за Надю прощались с Виктором.

Минуло двенадцать лет... Виктору стали предлагать разную работу на повышение в других институтах, но не хотелось уезжать из Академгородка. Когда же предложили работу по новому очень интересному направлению и как раз вот в том самом городе на Волге, что-то необъяснимо вдруг щёлкнуло в голове, и он согласился, может быть и потому, что здесь было много знакомых, да и город оставил о себе хорошую память. Квартиру ему дали не очень далеко от той улицы, где он когда-то жил, в коммуналке. Виктор как-то зашёл туда, но Надина семья там уже не жила. Сказали, что им дали квартиру где-то за Волгой, но не знали ни где, ни их фамилию, которую он тоже, к сожалению, забыл. Несмотря на большую загрузку, он продолжал поиски Надиной семьи, однако, пока не удавалось. Судьба сама пришла ему навстречу.

Однажды, Виктору Николаевичу стало плохо: острая боль, рези внизу живота. Увезли на скорой помощи прямо из института. Гнойный аппендицит, срочная операция, тяжелая. Из операционной на каталке его, голенького, в трубках, под капельницей, накрытого одной простыней везли две молоденькие сестрички. Когда в палате Виктора переместили с каталки на кровать, одна подошедшая сестричка с возгласом «О, Боже!» кинулась на грудь Виктору Николаевичу, и, всхлипывая, запричитала: «Господи!.. Куда же вы пропали, дядя Витя!.. Я вас искала... Господи!..» Сестричку, успокаивая, с трудом оттащили от постели...

От наркоза Виктор отходил тяжело. Он несколько раз слышал, что ему говорили, проснитесь, но он опять куда-то пропадал. Перед глазами проплывали какие-то видения, мама, папа, кукла, Надино лицо, потом всё исчезало и опять повторялось. Он уже понимал, что операция прошла, что надо открыть глаза. Его упрашивал проснуться какой-то нежный, милый голос из далекого прошлого. Наконец Виктор открыл глаза и увидел лицо, очень похожее на личико девочки Нади с той давней улицы. Не может быть! Это сон. Глаза опять закрывались. Так продолжалось несколько раз, пока он, наконец, не пришёл в себя и не понял, что перед ним повзрослевшая, прекрасная своей девичьей свежестью чуть заплаканная та самая Надя из его юности.

Она только недавно окончила медучилище и работала в хирургическом отделении, которое и свело их вновь. Надя днём и ночью не отходила от выздоравливающего Виктора. После больницы они встречались, гуляли, ходили в кино, театр, а потом как-то дело дошло и до свадьбы. Мечтали о детях. Виктор просил Надю, чтобы было две девочки. А Надя хотела, чтобы было два мальчика. Ну, и решили, что будет у них не менее четырёх детей.

КОСПРОМА

К огромной радости Виктора первой родилась девочка. Назвали Леной. Николай приговаривал – вот, Елена Прекрасная. Когда подошёл Новый год, Виктор положил рядом с подушкой Лены подарок, недавно купленное красивое детское розовое платьице. Подошла Надя с большим свёртком из старых газет и вынула ту самую куклу, которую ей когда-то подарил Виктор.

– Наденька! Как ты сохранила эту древность?!

– Это не древность, любимый мой дядя Витенька, – шутливо сказала Надя, и потом совсем серьёзно, – Витюша! Это моя любовь. Я помнила все твои рассказы. Мне так хотелось, чтобы у меня тоже было хотя бы два папы. Когда ты уехал, в своих мыслях я тебя так и называла – папа-Витя.

– Спасибо, долгожданная!

– Я всё помню, – и запела:

*Что тревожиться, что надеяться,
Что печалиться? Всё развеется.
Где теряются, там находятя,
Где знакомятся, там и сходятся.*

– Видишь, всё сбылось...

Куклу тоже положили рядом с маленькой Леночкой. Это была почти та самая его кукла. Но совсем новая, с румяными щечками, крупными черными ресницами, огромными глазами, маникюром на маленьких пальчиках, в крохотных пинетках на ногах и в новом белоснежном платье с розовыми оборками. Виктор Николаевич был ошеломлён.

– Разве это та самая кукла? – усомнился он. – Наверно, ты просто купила такую же?

– Нет, Витюша. Это та самая. Мы с папой отдали её на реставрацию, и теперь она такая же, как купил её твой папа вместо куклы красноармейца. Я и это помню.

– Ой, ля-ля! Наденька, в это трудно поверить!

– Витя! А куколка теперь и говорит, и поёт. Папа надоумил, мы купили одну подходящую игрушку, вынули из неё электронный механизм, и папа аккуратно его встроил внутрь, и всё прикрыли платьем. Сзади есть кнопка, и при каждом нажатии кукла теперь говорит «Мама» или поёт песенку.

Виктор Николаевич умиленно смотрел на Надю, на лежащих рядом дочку и куклу. Это было счастье, о котором он давно уже перестал мечтать. Он выпрямился. Его взгляд перешёл на пожелтевший портрет своих первых родителей, Валентины и Сергея, которых почти и не помнил, потом – на висящий рядом портрет мамы-Веры и папы-Коли и тихо прошептал: «Спасибо, дорогие, что дали мне жизнь, спасли, воспитали. Теперь мой черед продолжать то, что вам помешала война».

Владимир Старателев (Смирнов) родился в 1938 г. в Ленинградской области. Окончил Ленинградский промышленно-музыкальный техникум, Ленинградское музучилище, Ярославский педагогический институт. В Кострому приехал в качестве молодого специалиста в 1969 году. Работал педагогом, журналистом, настройщиком музыкальных инструментов. Издал около десятка книг поэзии и прозы, множество музыкальных произведений. Член Союза писателей России, лауреат муниципальной премии им. Д.С. Лихачёва, литературной премии им. И.А. Дедкова.

АРТИСТКА ИЗ НАРОДА

Война кончилась, но ещё продолжала жить в умах и поступках. Большинство семей состояло из женщин и детей. В зимние вечера все любили собираться в большой комнате со стосвечовой лампочкой под потолком. Устраивалась складчина, кто что принесёт. Была и выпивка из разбавленного спирта. Какая-нибудь женщина с непривычки быстро пьянела и со счастливой обречённостью роняла голову на грудь, а руки – на обнажённые колени. Эти колени, на которых показывалось кружево белой сорочки (все тогда носили самодельные сорочки из парашютного шёлка), обычно шокировали более старших по возрасту; они выводили такую женщину из-за стола, и через минуту любовный порыв её растворялся в неистовом танце, а пол содрогался от дробы каблуков. Женщины порассудительней и крепче нервами хватили ребятишек и вальсировали с ними, как с воображаемыми партнёрами; такие женщины сохраняли весёлость и благопристойность до конца вечера, чтобы потом, дома, отплакаться в подушку.

Среди них я различаю фигуру Анны Васильевны Лаптевой. Со скуластым обветренным лицом, эта женщина сидела в уголке, время от времени отыскивая своих возившихся за печкой детишек, и лишь глаза, одухотворённые внутренним блеском, выдавали её. Она знала, что её час наступит, но не торопила его. Напившись чаю, наплясавшись, женщины намеренно задевали Анну, мол, что ж ты, Лаптева, помалкиваешь, давай вноси лепту в общий котёл. Анна сердилась бесцеремонности товарок, их грубым подковыркам, потому что желание сказать своё зрело без её участия. И вот минута наступала: шикали на детей, всё вокруг замирало, и Анна, нехотя, со страдальческим выражением начинала:

- Встретились на улице две глухие старушки, – брала она у кого-нибудь тёмный платок и горбилась.
- Здравствуй, Акулина Леонтьевна!
- Свет мой, Глафира Петровна!
- Как живёшь-можешь?
- Ничем не поможешь, ноет поясница.
- За что ж тебя в полицию, иль пачпорт потеряла?
- Тем и другим натирала, ничего не помогает.

КОСПРОМА

– Ну и пусть тебя ругают, а ты новый хлопочи.

– Пожалуй, лечи, я и так сколько денег пролечила.

– Ах, ты получила? Ну, слава богу, а то выслали б этапом.

– Что за доктора пошли, принимала и на дом: лекарства напишут на рупь-два, а мне, старухе, каждая копейка дорога, еле перебиваюсь.

– А я, матушка, в богадельню собираюсь, вот уже двадцать лет, как числюсь кандидаткой.

– Права ты, голубушка, погода гадкая, много людей хворает. В нашем дворе енфантерии умер генерал, говорят, долго хворал!

– Нет, матушка, он раньше не воровал, а вот как стал с товарищами водочку попивать, так и на воровство пустился.

– Неужто муж-покойничек приснился? Знать, помин души просит.

– Много ли сын-то носит? Пьяница, всё пропивает.

– Неужто и сын помирает?

– Вот только дочка меня утешает. Замуж вышла, женишка себе нашла.

– И я слышала, что конка елестрическая пошла, значит, дешевле будет проезд.

– Не думаю, что муж заест, она у меня с измолетства девушка честная.

– Да железная дорога подвесная, сверху как за границей, а Питер-то и не узнаешь!

– Ты, матушка, меня не понимаешь!

– Полно, Акулина, пойдём ко мне, попьем чайку с вареньем.

– Глафира ты, Глафира, – несчастное творенье!

Зачин был сделан. Аннушка под благодарные взгляды товарок садилась в свой угол. Пока она шла, многие заглядывали ей в рот; не могли понять, как можно голосом представлять разные характеры. Сценка то и дело прерывалась, потому что какая-нибудь из слушательниц надолго заходила в смехе; уж начинали смеяться, глядя на неё. В этот момент женщины отмякали, мир казался невесомым, а будущее, о котором они мечтали, обеспеченное, красивое, ждало их за дверью коммунальной квартиры, только распахни её.

Анне Васильевне в ту пору было не больше тридцати; её тонкая фигура скорее напоминала девичью. Лишь преждевременные морщины старили. Но и они разглаживались, когда она начинала лицедействовать. То басом, то дискантом заговорит, то пьяный или прокуренный голос представит. И с такой степенью похожести, что бабы в страхе отшатывались от неё, называя ведьмой.

– Кто сиг зял?

Бессмысленная, идиотская, несколько раз повторяющаяся фраза. Открытый рот, глаза-бельмы. Хватательные движения, попытка пройти прямо. Ну, конечно, столяр Кузин в сильнейшем подпитии. До принятия дозы – тихий мужичонка, строгающий рубанком у себя в сарае, а после принятия – навязчивый, хвастливый тип, желающий, чтоб все его слушали и восторгались. Но в таком виде он никому не нужен, и в первую очередь – семье. Та ни под каким предлогом не собирается его пускать. В конце

концов жена с детьми ночует у соседей, а он – дома, на обломках входной двери. Но вот кто-то подшутил, вынув из его кармана портсигар, и фраза, с которой дядя Паля ко всем обращается, означает:

– Кто портсигар взял?

Никто её не понимает, потому что он еле ворочает языком. Не понимая, смеются, а дядя Паля издёвки простить не может, и...начинается круговерть. Она напоминает испанскую корриду: дядя Паля бегает по посёлку за всеми, кто его дразнит. И таким он предстаёт перед собравшимися в игре Анны Лаптевой. Анна словно хочет сказать: тяжела наша доля, бабоньки, цвет нашего посёлка, наши мужья, полегли на войне, остались разве что их тени... Но лучше жить с памятью о хорошем, чем с тенью.

Однажды, заслышав, что его «показывают», дядя Паля не выдержал, пришёл. Аннушка разыграла его как по нотам. Кузин побагровел; он не знал, что такое возможно. Дождавшись Аннушку, он в темноте набросился на неё с кулаками. Но бабы учли такой вариант, и сами отмутузили его. «Ах, вы..., – ругался он, отступая к сараю, – гробы вам сварганю вместо табуреток». Однако странное дело: пить он стал не так, как раньше. А, чтоб не догадались, что игра на него подействовала, изобрёл теорию «последнего стакана». «Сколько раз тебе говорил: не пей последний стакан», – поучал он какого-нибудь собутыльника, возвышаясь над ним ровно на этот стакан.

Бесстрашие Аннушки меня пугало. Решиться показать самого директора завода Лютого! Бритоголовый человек в военном френче как-то заглянул на огонёк и тут же попал под увеличительное стекло. Главное качество его состояло в нагнетании страха на рабочих. Фамилии этого человека я не помню, Лютый – скорее прозвище. Но однажды был свидетелем его крика в проходной завода, где он стоял с карманными часами «Молния» в руках. «Матвеева – десять!» И опоздавшую на десять минут женщину, осудили на три года. Сама Аннушка не раз сдавала шестикилометровый кросс, когда просыпала смену. Пока у завода не было сил на собственное жильё, приходилось топать издалека, и женщины эту дорогу всё время проклинали.

Война, выбившая мужчин, не в силах была разрушить семьи. Пусть неполные, но они держались на женщинах. Но когда уходят женщины... У Матвеевой осталось двое детей, и дорога им была одна – в детдом. Комнату её тут же опечатали (потом её занял инженер из Ленинграда), а за детьми приехала машина. Не знаю, что случилось бы с ними, не случись это воскресным утром. Бабы, кто из любопытства, кто из сострадания, обступили «воронок», а, когда увидели выходящими мальчика с самодельным ружьём и девочку с одноногой куклой, закрыли их телогрейками. Дети исчезли, растворились, как ни старался человек в галифе найти их.

Девочку взяла Анна. На девичнике в присутствии Лютого она подзывает малышку и просит показать куклу. Девочка стесняется. Из её ответов можно понять, что кукла не совсем как бы... Но у Анны есть вторая ножка, сделанная столяром Кузиным, и происходит чудо: кукла теперь что

КОСПРОМА

надо! Лицо девочки светится тихой радостью. С такой куклой теперь можно ехать к маме.

– Где мама? – сажает Анна её к себе на колени.

– В командировке.

– Что она там делает?

– Спички.

– А ты что будешь делать?

– Спички. Куклу научу. Наделаем много, и маму отпустят.

– Не двинуть ли нам, бабы, на подмогу Матвейхе? – вопрошает Анна.

– Что молчите? Не сегодня-завтра всё равно кто-нибудь опоздает.

В полной тишине Лютый выходит. Анну окружают тревожные глаза. Что будет? Легко загреметь в такие времена. Но вот подала голос одна, вторая... Слов не разобрать, но смысл ясен: да что ж это такое? Мужиков потеряли, ладно, а сейчас, в мирное время, баб теряем? В своём-то царстве-государстве... В итоге маленькая победа: стали возить женщин на работу. Приезжал открытый грузовик с поперечными лавками, женщины заполняли его и катили на работу с песней.

Единственного мужчину, приходившего на девичник, я хорошо запомнил. Он не говорил, не танцевал, не притрагивался к чаю, а просто сидел и смотрел на Анну. Выдержке его можно было позавидовать, потому что женщины пускались на всякие хитрости в надежде, что он обратит на них внимание. Но он, кроме Анны, никого не замечал, он ждал ответа на давно поставленный вопрос. Давным-то давно, да, видать, Анна знала цену вопросу и не торопилась с ответом, хотя многие ей говорили: »Я б, не задумываясь...»

Что это был за вопрос, наверное, и так понятно, если бы он не вместил жизнь третьего человека, мужа Анны. Натура деятельная и нетерпеливая, Анна сама выбрала мужа. Бывают такие люди, что ждут: что женщины, что мужчины. Лёвушка слыл мягким и сердечным, а такие всегда ждут. Анна пришла к нему и сказала: «Ты мой», и Лёвушка с радостью согласился. От самого Лёвушки признания можно было ждать годами, Аннушка это сразу поняла. Каковы были притязания третьего человека, Деменкова, сидевшего сейчас среди женщин в тёмно-зелёной, из хорошей материи, гимнастёрке, я не знаю. В пору молодости, возможно, их и не было. Но они обнаружились в самое страшное время, в войну.

Когда завод эвакуировался в самарские степи, где нашли залежи серы (сера входит в состав пороха), одним словом, когда всё более-менее утряслось, этот самый Пётр Деменков вдруг стал замечать Анну. То на картофельном поле встанет с ней на боровок, то на конюшне вмешается в действия конюха, якобы не ту лошадь выдавшего Анне. В подсобном хозяйстве, на которое бросили Деменкова, стали работать женщины и подростки, и работа была чисто крестьянская. Аннушка с неё возвращалась поздно. Уже и Лёвушка выползет из «ямы» (так прозвали серный рудник) и детишек накормит, а она ещё только тащится с припрятанной в кармане морковкой.

Однажды женская бригада разбрелась по лесопосадке, собирая для военной медицины бересклет (сучковатый, крепко сидящий в земле кустарник), Деменков заметил, что Анна отстала от товарок, и шутливо обнял её сзади. По тому, как цепко держал он её, она поняла, что это не шутка. Попробовала высвободиться – не хватает силёнок, стала укорять – в ответ смешок. Испугавшись, Анна пустила в ход зубы...

Случаев приставания мужчин к женщинам в том ограниченном пространстве из трёх барачков, что окружали серный рудник, не было, и потому Анна никому не сказала о нём. Поступок Деменкова она объясняла так: здоровый мужчина, бывает. В семейной жизни Деменкову не повезло: больная жена, детей нет. Но она здесь причём? Деменков «обиделся». Работу всучит грязную и на отшибе где-нибудь. Своих попыток не оставил, но Анна предупредила, что пожалуется Лютову, если это будет продолжаться. Лёвушку она втягивать не хотела, берегла. Втянуть Лёвушку означало: собственными руками отправить его на фронт, потому что мелкие начальники, вроде Петрухи Деменкова, здесь, на руднике, решают всё.

Как ни старалась, не уберегла она Лёвушку. На мужчин, работавших в «яме», распространялась бронь, но вот стали призывать и их. И первым – Лёвушку. Анна подумала, его одного, и пошла на поклон к Деменкову, чуть ли не в ноги упала. С тем пошла, чтобы отстоять мужа.

– А, жареный петух, – Петро как сидел на взмыленной лошади, так и не слез с неё, – в одно место клюнул?

– Кормилец..., – только и смогла выговорить Анна.

– Раньше надо было.

– Ну какой он вояка, посуди. В армии не служил.

– Завтра в посадке решим, приходи.

Повернул коня и был таков.

Анна поймала шофёра трёхтонки, перевозившего серу с рудника на завод, и поехала к Лютому. Завод обосновался в десяти километрах от рудника. За год здесь вырос посёлок из каменных двухэтажных домов. Анну ошеломило электричество, от вида которого она отвыкла. Люди здесь, несмотря на войну, жили лучше, даже озеро себе сотворили, запрудив небольшой ручей. Завод работал в три смены, а директор, кажется, и не выходил из него. Когда охранник доложил ему о женщине из «ямы», он тут же велел её пропустить. Листал какие-то сводки и вроде бы не слушал, но смысл уловил. Перебил:

– С рудника всех придётся взять. Немец под Сталинградом.

– Всех мужиков?

Лютый кивнул.

– Возьмите лучше меня, а мужа...

– Займёшь его место, Лаптева, и бабам скажи: пусть готовятся на замену.

– А как же «подсобка»?

– С «подсобкой» позднее решим, а сейчас весь урожай – на фронт.

– Как весь? Сами-то что жрать будем?

КОСПРОМА

– Я предупреждал Деменкова: нарежь семейные участки. Ещё весной. Дал трактор на два дня. Передай ему, пусть нарежет.

– В сентябре? Участки?

Анна выскочила сама не своя. Лёвушку забирают на фронт, но это не всё: впереди голодная зима. Оказывается, нужно было своей землёй обзавестись и жить с неё, а не с общей. С общей – в общий котёл.

Всю зиму Аннушка проработала на руднике, где серу добывали ломом да кайлом. Фуфайка её и валенки пропитались жёлтой удушливой пылью. На манер Лёвушки она оставляла их в барачном коридоре. Рудничным женщинам время от времени подбрасывали хлеб, муку, ситец, а, чтобы выменять что-нибудь из них на картошку, приходилось идти в глухую деревню за десяток вёрст. Деревня сама бедствовала без керосина и электричества, но продуктами делилась. Картошку Анна привозила хорошую, хотя и необычную по цвету – красную.

В «яме» лучше было: не доставал ветер. Когда ломалась трёхтонка, женщины, сбившись в кружок, гадали, где их мужья? От двадцати человек хоть бы одна весточка. Но вот на рудник пригнали пленных немцев, и стали сбываться нехорошие предчувствия. Нашёлся очевидец, который плыл с поселковыми по Волге до Саратова, а что с ними после Саратова случилось, он не знал. Жёны продолжали ждать, хотя знали, что за Саратовом.

Ожидали по-разному. Кто надеялся на письменные запросы, кто вгонял себя в работу, омужичивался, а большинство жило с натянутой в душе струной, ослабить которую, кажется, ничто не могло. Анна неожиданно для себя, как только бригада вернулась под начало Деменкова, устроила спектакль в лесопосадке, во время нарезки семейных участков. Опять Деменков начал приставать, а она возьми да назначь ему свидание.

Женщины попрятались в кустах, наблюдая за тем, как петушится их начальник и какую рискованную игру ведёт Анна, заставляя отвечать на вопросы, которые разумному человеку не обойти.

– Погодь, Петро, погодь, – раздавался среди нежной зелени смешливый голосок Анны, – ты что: в самом деле любишь меня?

– Маюсь, Нюра, давно и бесповоротно. Сил нет.

– Но у тебя есть близкий человек, жена.

– Сама не живёт и мне не даёт.

– Зря ты это, Петро, зря. Что с ней?

– Будто не знаешь? – Лёгкие.

– Отвези в Куйбышев.

– Больницы забиты ранеными, не берут.

– А здесь какой смысл держать?

– Да об чём ты...

Послышался хруст валежника, дёрнулись листья высокорослого орешника, и опять стихло.

– Так не пойдёт, Петро. Если на жене ты поставил крест, то и на другой женщине рано или поздно – тоже.

– За этим и позвала?

– А почему бы и нет?

– Ах ты...

Несдобровать бы Анне, не приди ей на помощь подружки. Ох и шум они подняли! «Знаем мы любовь начальников, – гремело вслед сконфуженному Деменкову, – в одну влюбился, на другой женился!» Петро даже лошадь не смог отвязать, бросил. Женщины улюлюкали, провожая любителя острых ощущений до самого дома, а потом бездельничали весь день: пекли картошку на костре, украшали себя венками из подснежников, пели песни. Начало весны в заволжской лесостепи сродни чуду: жизнь в ней просыпается с неистовой силой. Что ни окинь взглядом, всё крупное, ядрёное: снег в оврагах, фиалки на буграх, набухшие почки яблонь, кряжистые дубы, завитушки облаков на лазоревом небе. Тут и расчувствоваться недолго. Мальчишки постарше, воспользовавшись тем, что матери «отключились», набрали камней и побежали лупить пленных немцев, но назад вернулись сконфуженные, так и не выпустив ни одного «снаряда». Немцы выглядели хуже русских: грязные, оборванные, голодные.

Деменков нашёл единственно правильный выход: ушёл на фронт. Всю войну о нём ничего не было слышно, а на «подсобке» его заменила Анна. Анна первым делом поставила на ноги жену Деменкова, Ефросинью. Пришла к ней и грубо, по-мужски сказала: «Хватит валяться, айда работать». Сухой климат понемногу сделал своё дело, и к концу войны она уже была вполне здоровым человеком. Но вот война кончилась, и все засобирались на родину, Ефросинья – тоже, а ей нельзя: питерские болота ей не подходят. Как ни отговаривали её, как ни нахваливали здешние помидоры, она предпочла родной воздух. Вернулись: ни кола, ни двора, завод прежде нужно подымать. Бывалые не выдерживали, а что про Ефросинью говорить? Проработала год – и не стало её.

Прежнего Деменкова напоминали разве что глаза. Вернулся он притихший, словно провинившийся, без наград и ранений. Попал в такие войска, которые своим спуску не давали. Бежишь, скажем, в атаку, а немец на тебя танком прёт, ты с испугу оборачиваешься, а там Деменков, вооружённый лучше тебя, с приказом «ни шагу назад». Вот и выбирай, немецкую или свою пулю получить. Товарищ Сталин придумал. Для скорейшей победы. Придумать – придумал, но не учёл: кому победителя спасать? Опять бабам? Анне? Петро так и не мог отойти от войны; душа его напоминала прогоревший дом: снаружи и крыша, и окна есть, а внутри пусто, ни лестниц, ни перекрытий. Анна бы спасла его, сильная женщина, что и говорить, но любовь к мужу, ожидание его пересиливали. Лёвушку она будет ждать всю жизнь. Придут на посёлок бумажки, написанные одной и той же рукой, в них такой-то и такой пропал без вести, но что они могли добавить к тому, что женщин знали?

Неожиданно приехала Матвеиха и забрала дочку. Для Анны это был удар, она привыкла к девочке, да и та уже называла её мамой. Не хотелось ей уезжать, по лицу было видно. Матвеиха порассказала, как насильничали охранники, как она прижила там ребёнка, но он умер. Я тоже привык к

КОСПРОМА

девочке и втайне мечтал жениться на ней, когда вырасту. У меня уже тогда засело в мозгу, что девочек надо спасать от охранников. Приедет охранник с винтовкой, а я встану впереди неё тоже с винтовкой. Пока охранник разворачивает свою, я свою уже развернул, потому что она у меня короче, со спиленным дулом. Вот и выйдет охраннику боком его приезд. Но девочке я так ничего и не сказал. Прощаясь, женщины заголосили, словно по покойнику...

Не забыть мне романтическую сцену, которую Анна исполняла не часто, хотя женщины всякий раз её просили. Но если приходил Деменков, исполнение было обеспечено. Эта сцена, наивная и чистая, ничего не прибавляла ни к войне, ни её последствиям, но почему-то была нужна этим забитым и замордованным людям. Я бы не стал её вспоминать, но она дорога мне, и проницательный человек поймёт, почему. В ней участвовали все, кто хотел. Пока выносили столы и переодевались, Анна Лаптева репетировала отдельные куски с участниками массовки. А с главным героем она проходила сцену целиком, посреди снующей детворы, и многие взрослые старались её не пропустить.

Когда всё было готово, зажигали свечи. Аннушка поднималась на возвышение, обозначавшее балкон дома, и с этого воображаемого балкона вглядывалась в темноту. В полумраке двигалась процессия: мещане, стражники, палач и бледный, закованный в кандалы, юноша, которого ведут на казнь.

– Чу..., – начинала Аннушка, – что слышу я? Его шаги иль ветра посвист?

Процессия замирала на какое-то время, чтобы дать героине прийти в себя.

– Как же так? – вопрошала она в темноту. – Меня уверили, что казнь отменена.

Анна тут же меняла голос на равнодушный, мужской:

– Проходим, барышня, проходим.

– И вот уже не сон, а явь: его ведут, и только на меня надежда!

Анна поднимала глаза к потолку, и в это время один из статистов приближал свечу к её лицу. В это лицо присутствующие буквально впивались. Сначала на нём появлялась растерянность: неподвижные глаза, полуоткрытый рот, машинально что-то ищущие руки. Потом страх: зрачки расширились, рот плотно сжимался, а руки захватывали складки одежды. И, наконец, – отчаяние: Аннушка склоняла голову, плечи начинали мелко вздрагивать, и слёзы, настоящие человеческие слёзы, падали на пол. Вместе с ними падала и Анна.

– Всё прахом! – била она ладонью по полу. – Мечты, надежды! Будь проклята власть денег!

Она поднималась, сжав кулаки, полная решимости, и в этот момент процессия возобновляла движение. Заслышав шаги, Анна протягивала руку к одному из двух покрывал, висевших перед нею. Между возлюбленными было условлено: белое покрывало означает жизнь, чёрное – смерть.

Анна готова завернуться в чёрное, но голос за сценой вещает:

– Проходим, барышня, проходим.

– Никогда! – отвечала Анна, срывая белое покрывало. – Пусть тело не спасу, но душу! душу!

Она выходила в белом, а возлюбленный, склонив голову, ждал своей участи. Теперь свечу приближали к его лицу, чтобы увидеть признаки радости. И она вспыхивала, как луч солнца в подземелье! Кандальный звон в виде поднятых рук возвещал о дарованной свободе. Юношу уводили, но глухой звук красноречивее слов свидетельствовал о его кончине. Аннушка этот звук принимала спиной: постепенно белое покрывало сползло с её плеч и заменялось чёрным. В чёрном она становилась как бы меньше, что могло означать, что силы её на исходе: она не выдержала испытания, устроенного самой себе.

Так кончалась сцена. Женщины подходили к Анне и сквозь слёзы целовали её. «Ну, Анна...», – говорили они. А некоторые добавляли: «Артистка да и только». Дети больше не возились. Им было жаль юношу. А наутро «артистка» надевала резиновые сапоги, ватник, повязывала шерстяной платок и в толпе других женщин шла зарабатывать на пропитание себе и детям.

Вместе с Анной Васильевной я, будучи мальчиком, несколько раз участвовал в романтической сцене. Сначала в массовке, потом стражником, и, наконец, мне доверили роль революционера. Обычно эту роль исполняла женщина, загримированная под мужчину, но то ли кандидатуры не нашлось, то ли увидели, что я подросток, словом, поставили меня, тем более, что роль бессловесная. Анна Васильевна прорепетировала её со мной, но по мере того, как шло действие, внутри моего героя рождалось сомнение: стоит ли отправлять его на казнь? Ведь он же революционер, а не ягнёнок, и может что-то предпринять. Ну, хотя бы, сбежать. Дерзко и по-мужски. Девушка, по сути, предаёт его в последнюю минуту.

Мысли подобного рода накапливались во мне и в решающий момент вылились в одно слово:

– Обманщица.

Надо было видеть, как встрепенулась Анна Лаптева! Ей просто недоставало партнёра, что бы сыграть в полную силу! Публика затаила дыхание. Она подошла ко мне совсем близко и, глядя в глаза, спросила:

– Боишься смерти?

Я испуганно кивнул.

– Есть вещи пострашнее.

– Страшнее смерти?

– Жизнь.

– Жизнь?

– Ну да. Ты разве не знал?

И мне, её сыну, ничего другого не оставалось, как только пройти с высоко поднятой головой.

Александр Хлябинов в Союз писателей России принят в 2002 году после участия в областном и Всероссийском литературных семинарах. Первые художественные и документальные зарисовки появились в ежемесячнике «Литературная Кострома» в середине девяностых и привлекли внимание читателей. Учитель сельской средней школы в Мантуровском районе, филолог по образованию, краевед, бывший корреспондент воинской газеты. Сочетает преподавательскую и творческую работу при всех трудностях провинциальной жизни. В 2019 году мантуровцы издали книгу его лингвистических рассказов. Живет в д. Усолье Мантуровского района. Руководитель ЛИТО «Студия» (г. Мантурово).

ГУМАНИТАРНАЯ ПОМОЩЬ

Поутру к пенсионеру Митричу забежала шустрая пятидесятидвухлетняя соседка Зинаида и сообщила новость. Новость состояла в том, что в район прибыла американская гуманитарная помощь: сгущёнка, тушёнка, крупы и разная другая еда. Сегодня к обеду груз будет в деревне. Зинаида растолковала также, кому положена помощь, и добавила: «Говорят, что продукты сопровождает ихний человек. Для контроля. Ворюг разных у нас в государстве больно много развелось».

– Мне вроде бы и ни к чему помощь эта, – отозвался Митрич. – С голодухи пока что не пухну. Пенсию приносят. Детки сами с усами – в городах прижились.

– Поступай, как знаешь, – развела руками Зинаида. Сегодня ты сыт, а завтра как бы побираться не пришлось. В стране-то незнамо что творится. Который год всё перестраиваемся да ускоряемся. Частушку-то слышал?

*Перестройка, перестройка, –
Нет ни мяса, ни муки.
Как бы с этой перестройкой
Не ослабли мужики.*

Митрич смущенно крякнул. Соседка продолжила:

– Свекровь моя гадала на картах. Вышло, что к войне дело идёт... Талоны вон опять же на соль и спички ввели...

Визит Зинаиды породил в душе старика беспокойство. Он хорошо знал, что такое война и голод. Митрич зачем-то достал из комода пачку фотокарточек, перетянутых резинкой, достал одну и опустил в карман плаща.

Он закрыл избу нехитрым замком и вышел на улицу. В разговоре с односельчанами выяснилось, что из-за распутицы технике с гуманитарным грузом до деревни не добраться. Желающим получить помощь придётся чапать до большака. А это, считай, два километра с гаком.

... Возле бредущего к месту раздачи продуктов тормознул мотоцикл с коляской, которым управлял колхозный ветеринар Саня Барышев. В

коляске восседала его кубатуристая тёща по прозвищу Нетунаха. На полпути транспортное средство основательно забурилось в грязь. Когда мотоцикл вызволили, Саня обратился к попутчику:

- Митрич, хочешь, расскажу анекдот про наши дороги?
- Давай, травы, – согласился пенсионер.
- Значит, приехал японец к нам в Союз. Увидел КАМАЗ. Спрашивает:
- Машина, да? И все колёса крутятся, поворачиваются?
- Конечно, и крутятся, и поворачиваются.
- А зачем их шесть штук?
- Чтобы проходимость была высокая.

Увидел гость БЕЛАЗ, спрашивает:

- Тоже машина? И тоже колеса крутятся, поворачиваются?
- Естественно!
- А чего они такие огромные?
- Да ведь объяснили уже: для лучшей проходимости.
- Во, русские! – удивился японец. – Что только не придумают, лишь бы дороги хорошие не делать!

Как-то невесело посмеялись, поехали дальше.

... Рядом с размалёванной в яркие цвета машиной густо толпился народ из окрестных деревень. Каждый норовил оказаться поближе к раздатнице гуманитарной помощи – рыжеволосой девахе с пышным бюстом. Слышалась перебранка. Взмыленный участковый призывал народ к порядку.

Митрич тоскливо подумал:

- На кой ляд я сюда припёрся? До темноты, не иначе, прокукуешь, пока эту самую помощь получишь...

Тут возле пенсионера остановилась вездесущая Зинаида. Её плечи оттягивал вещмешок – «сидор».

- Митрич, ты чего тут топчешься? Участников войны без очереди отоваривают...

На складном стульчике в кузове машины примостился курчавый мужик лет сорока, чего-то черкал в блокноте. Вероятно, это и был тот американец, о котором говорила Зинаида.

Пока рыжеволосая разыскивала фамилию старика в замусоленной тетради, он протянул иностранцу ту самую фотографию, что прихватил с собой. На ней Митрич, молодой, был изображен рядом с губастым парнем в американской военной форме.

- Это я, а это ваш Стивен Наут, – ткнул он пальцем в снимок – Эльба, I Украинский фронт... Сорок пятый год...

- Вы есть победитель, – осклабился иноземец.
 - Да, да, – согласился Митрич и произнёс заученную фразу:
 - Свернули хребет фашистскому зверю в его логове...
- За спиной пенсионера послышался напористый тенорок:
- Митрич, не задерживай людей...

Кто-то хохотнул:

КОСПРОМА

– Хитер старик, прямые экономические связи с Америкой налаживает...

Митрич получил продукты и двинулся восвояси.

На поваленной берёзе у обочины дороги перекуривал одногодок Митрича по прозвищу Бляха-муха. В стороне валялся отстёгнутый от ноги протез.

В сорок втором их призвали в армию. Месяц были в Гороховецких лагерях, и сразу на фронт. Сначала Центральный, потом Калининский... Ногу Бляха-муха потерял в Чехословакии...

– Пришли, растудыт его в кочерыжку, к светлому будущему, подачками забугорными кормимся, – сказал Бляха-муха. Он затянулся сигаркой и астматически закашлялся.

Пенсионеры с трудом приплетухались в свою деревню и, не сговариваясь, свернули к избе двоюродницы инвалида Смирновой Анны Макаровны.

– Макаровна, выставляй из голбца нашу русскую, забористую, а закусывать будем «вторым фронтом», – по-начальнически скомандовал Бляха-муха.

– Каким это таким «вторым фронтом?» – не поняла Макаровна.

– Американскую еду мы так в войну звали, – пояснил Митрич и вывалил на стол содержимое своей котомки.

Бляха-муха съязвил:

– Как воевать с фрицем, так у американцев не то понос, не то золотуха... А вот жратву они нам поставляли исправно...

...Домой старики возвращались навеселе:

– Споём, – предложил Бляха-муха.

Давай споём, – согласился Митрич и первый начал:

*На поле танки грохотали,
Солдаты шли в последний бой...*

Хорошо пели старики, душевно...

Александр Зайцев родился в 1972 г. в с. Парфеньево. Получил высшее образование в престижном вузе г. Санкт-Петербурга. Преподавал в Парфеньевской средней школе, работал в системе жилищно-коммунального хозяйства, в редакции районной газеты «Парфеньевский вестник». Пишет стихи, рассказы и очерки.

ПЕРВЫЙ БОЙ ЛЕЙТЕНАНТА КРЕЧЕТКОВА

– Царь! Царь!

Мужики, вы Царя не видели? – суетился сын полка Васятка на позициях батареи.

– Так, поди, как всегда – в блиндаже валяется, – предположил заряжающий Кузьмин и опёрся на лопату. Артиллеристы окапывали уже третье, последнее орудие своей батареи, да и октябрьская земля, пропитанная дождём, была уже тяжела.

– Та нема его там, я ж смотрел! – Васятка в нетерпении аж махнул рукой и побежал дальше. – Царь!

Вдруг прямо во время бега Васяткины ноги перестали доставать до земли, а крепкие руки, только что поднявшие пацана в воздух, развернули его лицом к подымавшему.

– Царь, ты где бродишь? Тебя к комбату!

Дождавшись, когда парнишка перестанет впустую толочь ногами воздух, небольшого роста солдат лет под сорок, крепко сбитый, отпустил Васятку на землю.

– Не, Васятка, к комбату мне ещё рано. Я ещё по Берлину стрельнуть хочу, а ты к комбату посылаешь.

– Да нет, Царь, к новому комбату. У нас новый комбат, вот! Лейтенантик, зелёный совсем. Сам видел.

– А ты, значит, у нас старый вояка?

– А то! Я ж три месяца с вами воюю!

– Ну, уговорил. Пошли.

Широко известный на полфронта среди пропахших пороховым дымом артиллеристов как Царь, а по документам – старший сержант Иван Царёв, командир четвёртого орудия противотанковой батареи, спустился в новую, только что отстроенную землянку. Откинув старую плащ-палатку, служившую дверью, вошёл внутрь. Лейтенант, действительно, был «зеленоват». Лет восемнадцать на вид, худ, уши лопухами. «Конечно, щёк нет, вот и кажется, что уши торчат поперёк головы...».

– Старший сержант Царёв по вашему приказанию прибыл! – Больше ничего интересного в зелёном лейтенанте не было, и Царёв осмотрелся. Да, сапёры своё дело знают. Высота землянки позволяла стоять в полный рост. Окошечко небольшое, но свету даёт достаточно. Даже перегородка, пусть и из жердей, есть, зато почти как в настоящем доме. А едва проступившие

КОСМРОМА

капельки смолы опахнули плотника по гражданской профессии хвойным духом.

– Где Вас носит, сержант! Я Вас уже пятнадцать минут жду. Есть же приказ: с батареи не отлучаться!

– Так, это... орудия ещё не окопали, и отхожего ровика нет... Пришлось отлучиться, – улыбнулся Царь, ущучить которого не удавалось даже командиру дивизиона. А тут зелень лопоухая. «Плохи наши дела. Пропадём с ним в первом же бою... Ох, пропадём».

– Ваше счастье, что в обороне стоим, а то бы и под трибунал попасть недолго, – нагоняя на себя суровости, сказал лейтенант. «Вот-вот. Хорошо ещё, что в оборону встали, может, подучится чему, если успеет».

– Ладно, сержант Царёв, не будем с самого начала собачиться. Я – лейтенант Кречетков, командир вашей батареи. – И показал рукой. – Присаживайтесь.

Царёв сел на стул из пустого снарядного ящика, поставленного «на попа».

– Нам с вами поставлена боевая задача. Смотрите, сержант, внимательно.

На столе, сооружённом из таких же ящиков, сложенных друг на друга, Кречетков расстелил карту. – Вот Малиновка. Вот Дворы. Это единственная дорога, по которой к нам попрут танки. Это вот единственный перелесок на всю округу. Я как командир батареи получил приказ и должен создать там противотанковый заслон под своим руководством. Для этого я выбрал ваше четвёртое орудие.

«Однако начальство решило посмотреть, прежде чем давать ему батарею, на что этот пацан годен. И меня к нему для присмотра поставили. Чтоб подправлял глупые приказы. Умно...»

– Ну, невелика проблема, товарищ лейтенант. Справимся и без Вас. Дело знакомое: как первый раз пальнём, так они весь перелесок вместе с нами с землёй и перемешают...

– Посмотрим.

– А чего смотреть-то, товарищ лейтенант? Дело-то, говорю, знакомое. Два ранения и оба в таких вот засадах.

– А я говорю, посмотрим, – лейтенант аж подался вперёд.

«А он ещё и дурак, похоже, раз такой упёртый».

Орудие стояло в чистом поле.

Отцепив передок, ездовой собрался уже уводить лошадей, но Царёв махнул ему рукой, чтобы не спешил.

– Товарищ лейтенант, а это что?

– Это, товарищ сержант, наша позиция для противотанкового заслона. – Лейтенант, не обращая внимания на Царёва, вертел головой по сторонам.

– Ездовой! Вам, что делать нечего? Быстро отсюда! Не демаскируйте! – И тот, оглянувшись на сержанта, хотел было задержаться, но получил подгоняй и стал уводить лошадей.

– Стоять! – Царёв было крикнул ездovому, но тот уже попавший лейтенанту «на коробок», предпочёл смыться. Царь, не раз командовавший, бывало, при старом комбате и всей батареей, резко повернулся к Кречеткову. – Ты что тут, поганец, удумал? Угробить нас хочешь! Почему не в перелеске позиция? Тут нам и выстрелить не дадут, раскатают, как Бог черепаху!

Лейтенант, подрастерявший в чистом поле свои командирские замашки, месил сапогами глину, переминаясь с ноги на ногу.

– Все ко мне! – вдруг зычно скомандовал он. – Бегом!

Ага, разбежишься тут по раскисшему полю. Но расчёт собрался около комбата живо.

– Тут сержант требует расположить орудие прямо в перелеске. Это глупо. Да, да, глупо. Враг хитёр и тоже прекрасно понимает, где его может ждать засада. Поэтому, когда пойдут танки, их стволы будут смотреть прямо на лесок и ждать вспышки нашего выстрела. Второй раз выстрелить нам не дадут. Мы выстрел – они десять. Они в танках – мы в шинелях. Надо прятаться в поле. Вот вам мой сказ.

– Это как тут прятаться? – Царёв, разводя руками, аж подпрыгнул, но выразил общее мнение расчёта.

– Я пока учился, много об этом думал. Главное, что нас и искать среди чистого поля никто не будет. Ведь ни кустика, ни былинки. Потом: копать окоп по самый ствол и без бруствера. Щиток с орудия снять. Тогда ствол будет лежать почти на земле, а сверху будет торчать только каска наводчика.

– Моя голова то бишь.

– Не голова, а каска. И не забудь её грязью перемазать, чтобы не блестела. Сверху бросим пару веток.

– Всё одно – после первого выстрела нас расшибут снарядами или гусеницами...

– А если окопаемся вот здесь, – лейтенант указал себе под ноги, – противник будет паяться в другую сторону, на перелесок. Пока-то до них дойдёт...

– Согласен, – подумав, ответил за всех Царёв.

Работа была тяжёлой. Выкопанную землю, чтобы не получилось холма, приходилось прямо в касках относить метров на пятьдесят и там разбрасывать. Работали всю ночь. Лишь поутру вкатили орудие. Уложили ящики со снарядами. Набросали сверху ветвей. Обустроились и только собрались отдохнуть, решая кому первому в дозор, как...

– Сержант! – лейтенант был настроен решительно. – В караул заступает заряжающий. Вы идёте со мной.

И тут же выскочил из окопа. Волей-неволей Царёву пришлось поспешить.

Шли по дороге в сторону противника. «Это он чего это удумал? – Начал уже было переживать Царёв. – У него наган на поясе, а у меня

КОСПРОМА

карабин у орудия. Нет, живым в плен не дамся!». Но лейтенант вдруг остановился и протянул бинокль.

– Бинокль немецкий, у них точно такие же. Ты танкист. Ты знаешь, чего искать. Найди нашу пушку!

Сержант, удивлённый таким оборотом, долго и придирчиво рассматривал поле, но ничего увидеть не смог.

– Не вижу! – почти радостно сообщил он комбату.

Тот молча пошёл обратно. Метрах в пятистах от позиции лейтенант остановился вновь. Царёв без напоминаний поднял бинокль.

– Не вижу!

То же повторилось и на трёхстах метрах. Только теперь, после довольного вопля, сержант смотрел на комбата как на волшебника.

Пушку удалось рассмотреть лишь со ста метров, и то только потому, что верзила – заряжающий вертел своей пустой головой в каске.

– Поняли, сержант, почему каски надо грязью мазать?

– Так точно! – Небывалое дело: сержант Царёв, в окопном мире просто Царь и Бог противотанковой батареи вытянулся во фронт перед лопухим лейтенантом. Без издёвки или подковырки. Он, сержант Царёв, теперь был уверен в исходе боя и передаст свою уверенность всему расчёту. Он для них пока Царь и Бог, ему верят. А кто для них этот лопухий лейтенант?

Под утро вторых суток со стороны противника послышался рёв моторов. Так надсадно гудеть могут только танки. Они несут на себе горы брони, и оттого гул из двигателей всегда натужен. «Дождались... начинается». Эта фраза у каждого солдата богата своими чувствами. Разные души не могут чувствовать одинаково. Уж тем более – смерть.

Едва стало светать, как Кречетков в бинокль рассмотрел чёрные точки.

– Восемь танков. Километров пять. Орудие к бою. Огонь без команды не открывать! Я повторяю: огонь без команды не открывать! – И снова припал к биноклю. – Девять... Десять... Одиннадцать.

Простояв в ряд, одиннадцать немецких танков через час тронулись вперёд, перестраиваясь в колонну. Примерно через пару километров из колонны выделились три танка и пошли вперёд, остальные, поотстав, двинулись следом.

– Разведка пошла, – заряжающий бросил окурочек под ноги. – Мы их, остальные нас. Отвоевались мы, Царь!

– У тебя, Гриша, перед каждым боем истерика. Ты, смотри, снаряд гильзой вперёд со страху не засунь!

– Ты же, Царь, знаешь – в бою я спокоен.

– Главное – без команды не стрелять. А там посмотрим, кто первый обделается, – без улыбки сказал лейтенант. К его словам все отнеслись, как к браваде, попытке поддержать себя перед первым боем. Это нужно каждому, а потому и не воспринял их никто всерьёз.

– Командир, пора стрелять. Что ждём? Двести метров! – Наводчик, порывался к орудию, сидя вместе со всем расчётом на корточках у ящиков со снарядами. – Нас щас на гусеницы наматают, лейтенант.

– Рано, – осадил тот.

Три первых танка, действительно, остановились от них метрах в двухстах. Башни их были повернуты к леску стволами, к пушке кормой. Командиры рассматривали перелесок в бинокли и совещались. Потом один нырнул в люк, скоро появился снова, с наушниками.

Ветер доносил короткие команды на знакомом, но всё также непонятном языке.

– Артиллерию вызывают! – Царя устраивал такой поворот событий. – Артиллерию!

– Это ты с чего взял? Или немецкий выучил?

– Слова «ариллирен» даже ты должен был понять...

Не прошло и пяти минут, как первый разрыв прогремел метров на триста за перелеском. Последовала команда танкиста и следующий лёг точно в самую гущу деревьев. Одобрительное цоканье танкиста, и через пять минут канонады не осталось ни одного целого деревца.

– Ну вот, лейтенант, если бы не ты, мы бы уже все покойниками были, а теперь позволь встать к орудию, – сержант поднялся.

– Нет. Наводчик, берёшь последний из тройки в башню. Орудие не заряжать без команды.

Вид Кречеткова был такой, что возражать не стали. Тем более, что минутой назад он спас их жизни.

Танки тем временем спокойно двинулись вперёд. И только когда первый, ползя в пятидесяти метрах от позиции по дороге, закрыл от оставшихся вдалеке танков орудие, лейтенант скомандовал.

– Бронебойный. Последнему под башню... огонь!

Снаряд ушёл в ствол, лязгнув замок, и тут же прогремел выстрел.

Выстрел и взрыв слились одним грохотом, а лейтенант уже орал:

– Второго в корму, потом первого!

Расчёт работал сноровисто, снаряды оказывались в стволе почти мгновенно после выстрела и тут же вылетали с другой стороны. Три чадящих костра пыхнули почти одновременно.

– Ура!

– Чего, Валера, «ура»? – Потный сержант уселся на первый пустой ящик из-под снарядов. – Чего «ура»? Вот сейчас оставшиеся восемь штук нас с червяками местными перемешают. Или, – Царёв кивнул головой в сторону остатков перелеска, – артиллерия...

Словно подтверждая его слова, практически сразу же ударили разрывы снарядов. Все, ожидая расплаты, скатились на дно окопа. Но снаряды снова рвались в перелеске. Двадцать минут минимум батарея врага утюжила пустое место. Расчёт приободрился.

– Лейтенант, а почему они наши выстрелы не увидели?

КОСПРОМА

– Потому что, Царёв, они сливались со взрывами танков. Слишком близко. А видеть те восемь нас не могли. Вот и вся арифметика.

Минут через сорок снова послышался рёв моторов. Теперь пять танков пошли в атаку.

– Три пройдут с той стороны подбитых, два – с нашей. Кого первыми бить будем? Наших? Так же, в упор?

– Да.

– А тех?

– Давайте с этими сначала управимся... Без команды не стрелять!

– Есть! – уже весело отрапортовал наводчик.

Танки ползли медленно. Русские дороги давались им с трудом, а уж чистое поле после октябрьских дождей было на грани их возможностей.

– Командир, двести метров.

– Вижу. Что те три?

– Те отстают. Перелеска боятся. Идут на него в лоб.

– Хорошо. Наводчик, как тебя?

– Валера.

– Валер, бей, только когда полностью будешь уверен. Не спеши. И сразу наводи на второй. Не спеши.

Кречетков думал, что выстрел грянет сразу же после его слов, но Валера стрелять не торопился. Танк был уже в ста метрах, и лейтенант только собрался крикнуть «пли!», как прогремел выстрел. Ствол орудия тут же повернул вправо и снова грохнуло.

– Первого добей – не горит. Быстро, Валера! Не дай Бог, радио не разбили, тут нам и пи...

Третий выстрел заглушил крик сержанта, а в небо поднялся пятый факел.

– Разворачивай орудие! – лейтенант орал, не стесняясь.

С этим управились быстро. Не успели установить станины, Валера уже припал к прицелу. На этот раз с первым выстрелом он поспешил, но второй пришёлся точно в башню одного из тех трёх танков, обошедших их за первыми подбитыми. Два оставшихся грохнули выстрелами в то место, которое утром было перелеском, и медленно поползли назад. К пушке... Этих расстреляли не спеша.

Сняв мокрые от пота гимнастёрки, артиллеристы сидели на дне своего окопа и смеялись.

Три недобитых немецких танка уползали восвояси.

– Ну, что, морды фашистские, сглыздили? Сглыздили, да? Знай наших!

– Лихо ты им, Валера, дырочек насверлил...

– Смотрите: Вересаев нас в перелеске, в воронках ищет! Тоже купился! – опустив бинокль, смеялся и сержант. – С ездовым нашим!

Кречетков выскочил из окопа и, подняв пистолет, выстрелил два раза в воздух. Командир дивизиона майор Вересаев тотчас бросил лошадь в

галопа. За ним ударился ездовой с лошадьми. Наблюдая за их бешеной скачкой лейтенант почувствовал неладное...

– Быстро оружие на передок! Сейчас рама появится! Сверху-то вас быстро увидят! – Заорал майор, не успев осадить лошадь. И тут же восхищённо добавил. – Вот, сукины дети, чего удумали! Я думал, танк, может, подобьют. Ну, если повезёт, то два. А они восемь! Царь, тебя к Герою, лейтенанта и остальных – к Звезде!

Подцепив оружие, сержант распрямылся.

– Это его, – Царёв кивнул на Кречеткова, – к Герою. А нам, как хотите, товарищ майор.

Надежда Козлова родилась в п. Талица Костромской области. В Волгореченск приехала в 1974 году. Работала в СПТУ мастером производственного обучения, в лицее № 1 – учителем и социальным педагогом. Член ЛИТО «Волна» (г. Волгореченск). Её рассказы и стихи печатались в газете «Век» и в коллективных сборниках.

НАХОДЧИВАЯ АННА

Велика и прекрасна ты, Родина наша! На просторах твоих раскинулись города и сёла, деревеньки и хутора. Все они имеют своё лицо и свой характер. Но есть одно объединяющее всех начало: неиссякаемая доброта души русской и всепобеждающая гордость за своё Отечество.

На просторах твоих стоит красивая деревня Журавка. Как это издревле повелось у славян, построена она на берегу чистой и звонкой речушки, знаменитой своими родничками. Народ здесь живёт особенный. На единственной, утопающей в садах улице, можно встретить русскую красавицу с голубыми глазами, но можно также увидеть и гордого казака с чёрным смоляным чубом и орлиным носом. Здесь вы найдёте потомков всех славянских племён, когда-либо проживающих в России.

В крайней хате жила Анна со своим мужем Петром, бывшим бойцом Красной армии, и двумя детьми: дочерью Шурой и сыном Николаем.

Вся натура Анны была создана из противоречий. Она была маленького роста, но имела такой громкий голос, что если она вдруг начинала с кем-либо браниться, то замолкали все собаки в деревне, а если она смеялась, то до того звонко и заразительно, что все, кто слышал её, не могли сдержать улыбку. У неё были чёрные волнистые волосы, густые и длинные, белая кожа и удивительные светло-бирюзовые глаза. Разрез глаз, необычно удлинённый, стрелками сходящийся к вискам.

КОСПРОМА

Несмотря на вздорный характер, в деревне её любили, так как она всегда первая приходила на помощь любому, даже если вчера они были злейшими врагами.

Самым очаровательным временем года была весна. Начинали цвести сады, и деревню окутывала нежная бело-розовая дымка. За вишнями и яблонями еле заметны были хатки, кусты сирени и акации служили живой изгородью, здесь вечерами собирались жители, отдыхая после тяжёлого трудового дня. Ликование природы было так велико, что даже самый усталый труженник, хоть на минутку да выходил на завалинку. Весну сменяло лето, затем шли осень, зима и снова весна. Всё так бы и шло своим чередом, если бы не началась война, которая сразу всё изменила.

Линия фронта так стремительно приближалась, что красный боец Петро, не дожидаясь официальных бумаг, собрал всех мужиков и хлопцев, что повзрослей, и сказал такую речь: «Мужики, не пристало нам по хатам сидеть да ждать, пока немцы сюда придут. Я молодым парнем за Советскую власть воевал, от пуль не прятался и сейчас не буду. Кто со мной, завтра утром идём в военкомат».

Утром, взяв напечённого Анной хлеба, кисет табаку, вместе с другими мужиками ушёл Петро на войну. Вскоре на него пришла похоронка. Вслед за похоронкой пришли немцы. Началась жизнь под их властью. Люди выживали, кто как мог, надеялись только на себя, мечтая дожить до победы, не умереть с голоду, не погибнуть в это страшное время. Ко всем бедам и невзгодам привыкает человек и живёт с одной только мыслью: «Как выжить, как сохранить своих близких, не погибнуть от рук убийц, от страшной болезни в этой проклятой войне?»

Но, даже начавшие привыкать ко всем ужасам войны, содрогнулись, когда увидели, как вдоль деревни гонят хлопцев и девчат для отправки в Германию. По краям дороги шли женщины, старики и старухи, плача и причитая, моля Бога о том, чтобы оставили их дочь или сына. Среди угоняемых Анна увидела свою сестру Марию, а в толпе – плачущую мать.

«Мама, сестричка, помогите!» – услышала она голос Марии. Мария рванулась к Анне, но полицейский грубо толкнул её в строй. Анна закричала, затем заплакала, начала просить, умолять, но, видя, что это не помогает, разразилась такими проклятиями в адрес полицейских, что на несколько минут её голос перекрыл шум толпы. Такого отчаяния и такой ярости никто ещё не выказывал, на какую-то секунду все оцепенели. Но, быстро придя в себя, полицай подскочил к Анне, ткнул её прикладом в грудь и прохрипел:

«Замолчи, стерва, а не то убью!». Захлебнувшись слезами, Анна упала на мокрую, холодную землю и, внезапно онемевшая, смотрела, как заталкивают молодёжь в грузовик, как плачет пятнадцатилетняя Мария, протягивая к ней руки, как полицейские прикладами отгоняют провожающих.

...И снова пришла весна, совсем не такая, как в мирное время. Деревьев в Журавке поубавилось, надо было спасаться от холода. Вместо

деревьев цвели холмики могил. Их становилось всё больше и больше. Хоронили, кто где мог; кто на кладбище, а кто в родном садочке, так как до кладбища нести было не под силу, а везти не на чём. Цветов было мало, но зато буйно разрослась крапива. На пустырях, вдоль плетней и под окнами хат – крапива, да это и хорошо, в голодное время крапива была хорошим подспорьем.

Поздним дождливым вечером кто-то постучался в окно. Увидев вошедшего человека, Анна остолбенела. Это был дед Семён, отец того полица, что отправлял в Германию Марию. Анна хотела закричать, прогнать его, но осеклась, услышав спокойный голос: «Тихо! Узнай сначала, зачем пришёл. Завтра утром опять детей в Германию будут отправлять и твоего Николу тоже». Он вздохнул, помолчал и добавил: «Хороший парень у тебя, Анна, перед войной меня от верной смерти спас, из реки вытащил. Народа тогда много на берегу было, все мой крик слышали, но спасать меня бросился только он один. Жаль мне его». И, не заходя в хату, ушёл в темноту и сразу же там растворился, будто и не был вовсе.

Плохо соображая, что делает, она завернула спящую дочку в одеяло и пошла к соседке. Та, увидев её, ни о чём не спросила, молча взяла у Анны ребёнка и закрыла дверь. Постепенно мысли начали обретать какой-то смысл: «Ни за что не отдам им Николу! Сначала Петро, затем Мария, теперь Никола. Будь проклята эта война, будьте прокляты все, кто её придумал! Муж, сестра, сын. Нет! Что делать? Куда бежать? Найдут – смерть. Заберут – не лучше. Что делать?» – Путались и бились мысли в воспалённом мозгу. Анна металась по хате, бесцельно, будто призрак, неприкаянно бродила по двору. Зашла в сад, обошла его, наконец, спустилась к пруду, долго всматривалась в его тёмную воду, словно ища ответа. Выхода не было. Далеко уйти они уже не успеют. Обмануть полицейских, которые с детства знают всю округу, невозможно. Подвергать смертельной опасности близких людей, которые не отказали бы ей в помощи, она не хотела.

Медленно побрела она назад к хате. Небо начинало алеть. Сейчас придут. Сейчас. Из далёкого своего детства вспомнила она отца: как возвращался он домой из города и, не дойдя до ворот, упал. Весь он полыхал красным заревом. Позднее она узнала, что это тиф. Это, самое тяжёлое воспоминание, так подействовало на неё, что ей захотелось упасть вот здесь, во дворе и никогда больше не вставать. Что-то жгучее коснулось руки, женщина машинально отёрнула руку. Пришла запоздалая мысль: «Крапива!» Эта мысль всё кружилась и кружилась в голове, ещё неясная, но подающая какую-то надежду. Наконец, она всё поняла. Лихорадочно начала рвать крапиву. Набрав охапку, бегом рванулась в хату, подскочив к спящему сыну, сорвала с него одежду и начала яростно хлестать его крапивой. «Что это, мама? За что?» – закричал Никола. – «Молчи, сынок, так надо! Молчи и терпи. Не вставай с лежанки. Что бы ни случилось, не вставай и молчи, слышишь!» – приказывала мать, а сама всё хлестала и хлестала сына крапивой. Двое полицейских и с ними четыре немецких солдата вошли в

КОСПРОМА

хату. На все вопросы Анна ответила только одно слово: «Тиф!». Увидев красное, воспалённое, покрытое сыпью лицо Николы, его руки и грудь, полицейский с криком: «Тиф!» – выскочил из хаты. За ним последовали остальные. Только когда за окном начало смеркаться, Анна, наконец, поверила в то, что они не вернутся. Поверив в это, она почувствовала смертельную усталость, из глаз её полились слёзы.

МАТЕРИНСКАЯ ЛЮБОВЬ

Лето 1942 года. Я иду по степной тропинке, вьющейся среди выжженной травы. По дороге встречаются воронки от разорвавшихся снарядов, груды вывороченной земли. Вот повалившийся памятный знак со старинной шведской могилы. Когда-то в далёкие времена здесь, под Полтавой, русский царь Пётр Первый разгромил шведское войско. После знаменитого сражения в степи остались могилы погибших солдат. На могилах шведов, вместо крестов, возвышались три высоких дубовых бревна, установленных в виде конуса. Несмотря на то, что печи топили у нас торфом и кизяком, а дерево было очень дорогим, стащить брёвна с могил никто не пытался. Люди в те времена были набожные, бережно относились как к своим погостам, так и к вражеским. А ещё это были хорошие ориентиры в степи, особенно в непогоду.

Я возвращался домой от моей бабушки Марианны, которая жила в селе Викторовка Курской области, а моя мать, сестрёнка и я жили в деревне Новая Журавка Сумской области. Расстояние между деревнями чуть больше четырёх километров. Вот уже позади речка Снагость, и я шагаю по Сумской земле, спускаюсь с высокой горы и вхожу в родную деревню. Вот и первые хатки. Передо мной всё та же безрадостная картина: выжженная трава, воронки, груды земли. Война повсюду наложила свой отпечаток. Сияют пустыми глазницами окна полуразрушенных хат, горестно скрипят немногие уцелевшие двери, напоминают о пожарах торчащие печные трубы. В садах, где раньше росли яблони, остались одни пеньки, и лишь изредка виднелись тоненькие веточки жёлтой акации там, где когда-то в довоенную пору густо росла живая изгородь.

Среди этой разрухи стояли чудом уцелевшие хатки, в которых ещё была жизнь.

Военная картина была уже привычной, но что-то было не так. Произошли неизвестные мне изменения за те три дня, что я не был дома. За время оккупации я научился чутко улавливать опасность, но в этот раз интуиция меня подвела.

Только тот, кто жил под властью гитлеровцев, знает то бессилие, то унижение, то безмерное угнетение, когда тебя могут расстрелять за малейшее неповиновение, за косо брошенный взгляд или за непроизвольно появившуюся усмешку и даже забавы ради.

Гитлеровские солдаты занимали наши хаты, были полными хозяевами, а мы должны были выполнять их приказания. За неповиновение

– расстрел. Моя мать, как и другие женщины, готовила, стирала, убирала для немецких солдат. Я чистил им сапоги, ухаживал за их конями, рубил в саду посаженные моим дедушкой Трофимом яблони. Моя младшая сестра Шура очень сильно боялась гитлеровских солдат и старалась не попадаться им на глаза. Страшно вспомнить про то, как издевались над мирянами оккупанты.

В деревне я увидел вражеских солдат. Они поили коней у криницы, никто из них не обратил на меня внимания. На протяжении всего пути, пока я шёл до дома, ни один солдат не подошёл ко мне.

Вот и красивый высокий дом под железной крышей, а за ним наша хата. Это был самый богатый дом в округе. Он был обит досками, выкрашенными в ярко зелёный цвет. В этом доме обычно останавливались гитлеровские офицеры.

Невообразимый шум стоял возле дома. Хозяйка каким-то чудом сохранила несколько кур. Во всех окрестных деревнях давно уже не было ни лошадей, ни коров, ни свиней, ни домашней птицы. И вдруг – куры. Солдаты гонялись за курами, стреляли в них, а хозяйка и её мать громко плакали и причитали.

Миновав красивый дом, я оказался возле своей хаты, подошёл к родному порогу, взялся за дверную ручку и неожиданно услышал за спиной громкий крик: «Партизан!» Вначале я даже не понял, что это относилось ко мне.

Обернувшись, увидел гитлеровского солдата, направившего автомат прямо на меня. Внутри у меня всё похолодело, гулко застучало сердце, на висках выступил пот.

Усилием воли поборов страх, я начал доказывать, что это мой дом, подкрепляя слова жестами, но гитлеровец не хотел меня слушать. Он продолжал истошно кричать: «Партизан!». Поняв, что меня не хотят слушать, хотел убежать, но только я сделал рывок, как сразу почувствовал, что к моей спине плотно прижалось дуло автомата.

Подскочили ещё трое солдат. На шум прибежала моя мать. Не понимая, что происходит, она бросилась ко мне со словами: «Никола, сыночек!». Солдат грубо оттолкнул её, и она упала на землю. «Партизан!» – продолжал кричать солдат. Мать вскочила с земли. «Сынок, это мой сынок!», – говорила она, обращаясь к гитлеровцам.

Бедная моя мама плакала, умоляла, просила отпустить меня, но они лишь смеялись над ней и, желая напугать ещё больше, наставляли на неё автомат.

Видеть отчаяние матери, издевательства над самым родным тебе человеком и не иметь возможности помочь было невыносимо больно. Я уже не мог думать о себе, я думал только о том, как отомстить обидчикам. Но автомат был плотно прижат к моей спине, и ещё три солдата стояли вокруг меня с автоматами наизготовку.

Солдат приказал мне идти, пришлось подчиниться. Меня повели на расстрел четыре вражеских солдата. Один из них шёл спереди, двое по

КОСПРОМА

бокам и один сзади, приставив к моей спине автомат. Всё моё юное существо было против этого. Я словно окаменел. Ноги налились свинцовой тяжестью, и я с трудом передвигал их. В голове путались мысли, в глазах стоял образ плачущей матери, неведомый страх сковал моё сердце. В ту пору мне было всего лишь четырнадцать лет, почти ребёнок.

Неожиданно резко подул ветер, словно даже природа взбунтовалась против такого чудовищного злодеяния. Идти стало трудней. Позади нас осталась наша хата с плачущей во дворе матерью, небольшой ставок, так у нас называют пруд, осталось несколько метров до яра.

В этом яру во время войны не раз слышались выстрелы. Ещё несколько минут, и меня не будет. Меня охватило тягостное чувство безнадежности. Будет радоваться солнцу степь, гулять по степным просторам ветер, зеленеть трава, будут жить люди, только меня не будет среди них... Солдаты остановились. Ну, вот и конец. Но их взгляды были направлены на бегущего в нашу сторону гитлеровца, который махал руками и кричал. Подбежав к нам, он что-то сказал моим конвоирам. Меня повели обратно. Я не понимал, для чего это делается. «Наверное, будут пытаться?» – подумал я. Меня привели к дому с железной крышей. Конвоиры втолкнули в дом. В центре комнаты сидел холёный немецкий офицер. Перед ним на коленях стояла моя мать, что-то говорила и плакала. Милая, родная моя мама! Как велика твоя любовь к сыну, что ради его спасения ты, не задумываясь, идёшь на любые испытания и готова отдать свою собственную жизнь! Опять хлопнула дверь, и в хату вошли двое гитлеровских солдат и старый дед Василий. «Кто это?» – на русском языке спросил офицер у деда. «Анна, а то её сынок Никола», – ответил дед Василий. Офицер сделал знак, чтобы старичка увели. Затем привели тетку Зинаиду, она сказала то же самое. Приводили ещё человек семь, и все они утверждали, что мы мать и сын. Однако офицер смотрел на нас всё так же недоверчиво. Между нами почти не было сходства. Моя мать была маленького роста, курносая, с густыми чёрными косами. Я же, наоборот, несмотря на свой юный возраст, был высок, нос у меня был с горбинкой и вьющиеся светло-русые волосы. Офицер приказал нам с матерью встать рядом. Я поднял глаза и впервые пристально посмотрел на него. Наши взгляды встретились. Что-то, похожее на усмешку промелькнуло на его лице. Я понял, что он разглядывал мои глаза. Они у нас с матерью были одинаково удлинённые, яркого василькового цвета. Такое сходство могло быть только у родственников. Посмотрев ещё раз на меня и на мать, офицер дал команду освободить нас, сказав при этом: «Живи пока. Мы всегда сможем тебя расстрелять».

СЧАСТЛИВЧИК

Односельчане считали Василия самым счастливым человеком в селе. С детских лет всегда и во всём ему сопутствовала удача. В школе он хорошо учился, учителя к нему относились доброжелательно, ребята хотели с ним дружить. Он ушёл на войну в числе первых добровольцев. Провоевав до

победы, не получив даже царапины, вернулся домой. Это было такое редкостное явление, что все друзья и просто знакомые, не сговариваясь, прозвали его «Счастливчик». Добрейший человек Василий только улыбался, когда его так называли.

Он никогда не рассказывал, как часто во время атаки чувствовал смерть у себя за спиной. Ни разу у него не промелькнула мысль: «Останется он жить или погибнет?». Все мысли у него были направлены только на то, как лучше сделать то дело, которое выполняет. За время войны он был пехотинцем, танкистом, разведчиком. Никогда не думал о том, что с ним будет после боя, но, как только начинался бой, он всё своё существо, всего себя, подчинял ритму боя. Василий находил в себе смелость рвануться вперёд, когда у других наступало огромное желание повернуть назад, и, подчиняясь его железной воле, все снова поднимались в атаку, падали, вставали и продолжали бежать вперёд, и смерть отступала.

Однажды танк его загорелся, смерть хохотала над ним, считая, что теперь-то уж ему не выбраться. Но Василий успел выбраться до того момента, когда танк взорвался – и снова остался жив.

При переправе через Днепр он почувствовал, что не может больше бороться с течением и его затягивает в большой водоворот, но, увидев рядом с собой в воде молоденькую девушку в солдатской форме, отчаянно начал спасать её. Когда они выплыли на берег, Василий сам не понимал, как им это удалось. Казалось, что прошла целая вечность величайшего напряжения ума, воли, нервов и мускулов.

После войны ему опять посчастливилось. Он женился на скромной, красивой девушке, которая родила ему сына. Так и жил Василий, Обласканный удачей, бережно храня своё семейное счастье.

Весна в третий послевоенный год была дружной. Ярко светило солнце, рано началась посевная. Бригада механизаторов выехала в поле ранним утром. У Василия было светло и радостно на душе. Тракторист улыбался солнцу, радовался песне жаворонка родной и мирной земле, радовался тому, что нет больше войны, не нужно идти в атаку, встречаясь со смертью, а есть это поле, которое он вспашет, посеет на нём зерно и соберёт урожай.

Безумная радость наполнила душу, от избытка чувств Василий запел песню. А в поле притаилась смерть. Вначале это была чья-то смерть, но по мере того, как трактор приближался к ней, становилось ясно, что это смерть Василия и только случайность может его спасти, но случайности не предвиделось. Смерть долго ждала своего часа. На этом поле было много смертей, но мины разминировали, а эта так хорошо замаскировалась, что её не нашли, и она осталась в поле дожидаться своей жертвы.

Ярко светило солнце, ровно и размеренно работал трактор. Прогредел взрыв. Последняя мина нашла свою жертву.

ВЕЩИЙ СОН

Стояла суровая зима с непрекращающимися крепкими морозами, заковавшими ледяным покровом реки Костромку и Вёксу, разукрасившими стёкла в окошках затейливыми узорами. По ночам, когда мороз крепчал, трещали деревянные заборы, а утром жители находили в дальних углах своих домов «белых зайчиков» – замёрзших комочков снега.

Жизнь в городе Буге, как и повсюду в нашей стране, в военное время была трудной. Несмотря на то, что город не был захвачен фашистами, вражеские самолёты часто появлялись в небе и бомбили город. В Буге работали все предприятия, а на железной дороге работа не прекращалась ни днём, ни ночью: прибывали поезда с фронта, привозившие раненых бойцов, а со станции уходили с новобранцами, и отправлялись грузовые составы. Горожане трудились, не жалея себя, стараясь сделать всё, что в их силах для победы над врагом, приходя домой лишь для того, чтобы немного отдохнуть и восстановить силы для дальнейшей работы.

Нюра пришла домой поздно, продрогшая на морозе и уставшая от тяжёлой работы. В избе было холодно. Она принесла дров, затопила печь, поставила к огню чугунок с картошкой в «мундире», присела на стул и задумалась. Давно уже не получала она весточек с фронта от сыночка и мужа, вся душа изболелась, все мысли её были о них, самых дорогих и близких людях, а в этот вечер было особенно тяжело, тоска поселилась в сердце. Уже и печь истопилась, и часы пробили полночь, а Нюра всё никак не могла заснуть. Мысли одна страшней другой лезли в голову, и было предчувствие огромной беды.

Наконец, усталость взяла своё, и женщина забылась в беспокойном сне. Снится Нюре печка, в которой появляется огонь и разгорается всё сильней и сильней, а среди огня мечется котёночек, то в одну сторону прыгнет, то в другую, но никак не может вырваться из пламени. «Мяу, мяу», – мяукает котёнок жалобно-жалобно, глаза у него большие, зелёные, смотрит он на Нюру, помощи просит, она руки протягивает к нему, но не может дотянуться, а печка от неё всё отодвигается. Жуть напала на бедную женщину, плачет, изо всех сил старается вытащить котёнка из печи, но вдруг застыла на месте, шагу ступить не может, а котёнок плачет всё жалобней и жалобней. Пламя сильней разгорается, и она видит, что горит в огне не котёночек, а сыночек родимый Алёшенька. Глаза у него огромные, в глазах боль безмерная, и слышит мать голос сыночка, зовёт её Алёшенька: «Мама! Мама!» – тоскливо и обречённо откуда-то издалека. Внезапно всё пропало. Проснулась Нюра, села на кровать, никак в себя прийти не может. В ушах голос сыночка звучит, а перед ней глаза его, огромные, серые, смотрят на мать, молят о помощи. Бросилась на кровать и зарыдала громко, по-женски отчаянно, изливая вместе со слезами ту страшную боль, которая накопилась в душе за время этой проклятой войны.

Немного придя в себя, вышла на крылечко, сердце всё ещё бешено колотилось. Огляделась, было раннее утро, ещё не топились печки, только

над домом сестры Любы вилась тоненькая струйка дыма. Медленно передвигая ватные ноги, побрела к сестре. Та, увидев её, побледнела, но бедная женщина ничего не заметила, она всё ещё была во власти сна. Выслушав рассказ, сестра не успокаивала, не утешала, а только всего и сказала: «Не надо мучить себя, слезами делу не поможешь, жди с фронта весточки». А про себя подумала: «Наверное, это вещий сон».

Вскоре пришла похоронка на Алёшу и письмо от его товарища, который писал: «Танк загорелся, мы сумели выбраться, но Алёша получил сильные ожоги и не смог выжить».

Это подлинная история, произошедшая в годы Великой Отечественной войны, которую мне рассказала моя бабушка. К сожалению, я не помню фамилию буйского танкиста, но во время войны у многих танкистов были такие судьбы. Мне просто хочется ещё раз напомнить о тех героях, которые отдали свои жизни ради победы, ради того, чтобы мы могли свободно жить на нашей земле.

Елена Кузьмичёва – член ЛИТО «Чайка» (г. Галич). Родилась в г. Галиче Костромской области. В 1982 году окончила Галичское педагогическое училище. Работала в школе № 1 учителем начальных классов. Затем училась в КГПИ имени Н.А. Некрасова. С 1994 года – учитель истории в школе № 4. С 2010 года руководит школьным краеведческим музеем, состоит в Галичском отделении краеведческой общественной организации «Костромская старина». Является членом Союза краеведов России. Произведения публиковались в журналах «Иван-да-Марья», «Семейный котёл».

И ВНОВЬ МЫ ВСПОМНИМ О ВОЙНЕ

Весна в этом году пришла рано. В начале мая снега уже не было. Стояли солнечные теплые дни. Этой погоде радовались все и старались как можно чаще бывать на улице, позволяя солнцу и ветру ласкать все открытые им части тела.

Вновь возобновились посиделки пенсионеров возле дома на скамейках. Их разговорам, казалось, не будет конца. Сколько новостей накопилось за долгие зимние вечера.

Вот и девятого мая на площадке возле дома собралась все та же компания, как они себя называли «дворовая молодежь». Идти на парад и торжественные мероприятия, которые проходили на площади города, не было сил. Богатырским здоровьем никто из них не обладал, а вот болячками похвастаться можно было, но они этого не делали. Наоборот, каждый хотел казаться бодрым и энергичным.

Когда я подошла к ним, они как раз вспоминали о своем нелёгком военном детстве.

«О войне-то я узнала от бабки Нюры. Этим летом работала в няньках в соседней деревне, у Бобровых. Семья-то большая была у нас. Вот и отдали меня в чужие люди, хоть одного рта меньше будет. Стою я у дороги-то и вижу: идёт бабка из нашей деревни и плачет, причитает. Думаю, что случилось, уж не с нашими ли что. А она увидела меня и пуще принялась рыдать. Гладит по голове и говорит, что скоро стану сироткой, ведь война началась. Меня в этот же день отпустили домой. Назавтра тятенька уехал в город, да больше мы его и не видели. Пришло письмо, что пропал без вести. До сих пор не знаю, где его могилка», – с придыханием говорила Вера Николаевна, которая приехала к сыну из деревни.

«А я помню, что в войну мы бегали в лес грибы собирать. Одну корзину в магазин сдавали в обмен на спички и соль, а вторую – домой. Маменька зальёт немного грибы молоком, поставит в печку. Это тебе и обед, и ужин. Всегда хотелось есть. А было мне в ту пору шесть годиков», – вздохнув, сказала бабушка Лида.

«Да что вы всё о грустном в такой-то день, бабоньки», – воскликнула громогласная Кузьминична, бывший председатель колхоза «Путь к

коммунизму», на зиму всегда приезжавшая к дочке, а летом возвращавшаяся в родные места. «Воздух там другой, да и люди мне все как родные», – как бы оправдываясь перед товарками (так она называла своих компаньенок) любила повторять, садясь в легковую машину зятя.

«Давайте лучше вспомним День Победы, – продолжала Дарья Кузьминична, – к 45-тому году я уже большенькая была и работала нарочной при сельсовете. Дом наш супротив напротив него стоял. Занимаюсь, значит, я домашними делами и вдруг слышу: кричит меня Манефа Николаевна – председатель сельсовета: «Даша, Даша! Беги на поле под Прониным, сообщи женщинам, что война закончилась, Победа!». Побежала я, а у самой сомнение: вдруг что-то напутала председательша. Решила вернуться назад, переспросить. Навстречу мне торопится, спешит бабка Дуся из Марьино: «Дашунька, радость-то какая, Победа!». Припустила я быстрее, под собой босых ног не чую. Прибежала на поле, кричу, что есть мочи: «Бабоньки, войне конец! Все на митинг!». Они не верят: «Дашка, разве таким шутят?». Побожилась я, тогда только и поверили. Что тут началось. Кто смеётся, кто плачет, а кто со стоном повалился на землю и кричит. Никогда не забуду эту картину. Затем был митинг у сельсовета. Долго в этот день не могли уснуть односельчане».

Полина Константиновна, посвятившая всю свою трудовую деятельность учительскому ремеслу, тихо проговорила: «А я в это время заканчивала учебу в педагогическом училище. Нас собрали всех в кабинете и сообщили о Победе. Мы радовались и прыгали от счастья, как дети. Моя подруга, Галя Тихомирова, плакала. Её отец, младший лейтенант Николай Тихомиров, погиб 1 апреля 1945 года на территории Германии. Дома осталась больная жена и пять дочурок. Галина была старшей. Понимала, что за семью теперь она в ответе. У меня отец умер ещё до войны. В честь Победы нам дали два выходных дня. Я поехала к маме, в деревню. Мы с ней весь вечер молились, чтобы братья мои, а её сыновья, живыми вернулись. Благодарили Бога за Победу».

Каждая из них хотела поделиться воспоминаниями. Разговор продолжался. Я пошла домой. Через час со двора послышалось нестройное пение. Выглянув в окно, я услышала, как наша «дворовая команда» старательно выводила строки всем известных песен военных лет. Забыв про таблетки и сериалы, радовались они этому тёплому праздничному вечеру.

Неожиданно раздался залп салюта. Разноцветными отблесками отразился он на вечернем небе, как бы подводя итог праздничному дню. Женщины встали со скамейки и тихо, не спеша, пошли домой, унося с собой частичку радости и теплоту общения.

А я долго не могла уснуть. Вспоминала рассказ своей бабушки Ангелины о том, как её – девятилетнюю, обессиленную от голода – вывезли по Ладожскому озеру весной 1942 года из блокадного Ленинграда. Нелегким был её путь до галичской земли. Несколько машин, ехавших до них, провалились под лёд. Тех, кого удалось вывезти, около месяца везли по железной дороге. Теплотой и вниманием окружили воспитатели слабеньких,

изголодавшихся ребятишек Богчинского детского дома. Возвращаться после окончания войны ей было не к кому – отец погиб под Москвой, мама умерла в дни блокады. Окончив сельскохозяйственный техникум, осталась в городе. Работала ветеринаром в пригородном совхозе. Не любила вспоминать те далёкие военные годы. При просмотре фильмов о войне незаметно ото всех, как ей казалось, вытирала слёзы и горько вздыхала. Никогда ни один кусочек хлеба не выбросила, и нас, её внушек, к этому же приучала.

Вспомнились строчки знакомой песни: «Дорогие мои старики, дайте, я вас сейчас расцелую, дорогие мои старики...». Сколько горя поселила в ваши неокрепшие души женского рода слово «война». Всё вы вынесли, выстояли, не упали духом.

«Милые мои, живите дольше. Пусть не было у вас счастливого детства, так пусть будет спокойная старость, а мы поможем и всегда будем рядом!» – подумала я, прежде чем заснуть.

Светлана Федорова – член ЛИТО «Чайка» (г. Галич). Родилась в г. Галиче. В 1991 окончила филологический факультет КГПИ имени Н.А. Некрасова и по распределению попала в Васильевскую школу Солигаличского района, где проработала 9 лет, потом вернулась жить и работать в родной Галич. С 2001 года по сей день трудится в школе № 4. С 2003 года руководит школьным литературно-краеведческим объединением «Родники». Произведения публиковались в журналах «Светоч», «Иван-да-Марья», в сборниках стихотворений и рассказов издательства «Союз писателей» (г. Новокузнецк).

ДВОЙКА ЗА ПОВЕДЕНИЕ

Это был обычный урок музыки, который и до сих пор проходит в школах один раз в неделю. Его ждали все ребята нашего третьего класса, потому что именно на музыке открывать рот разрешали всем, именно на музыке можно было услышать такой непривычный для остальных уроков вопрос «Почему ты молчишь?». И даже такой «безнадёжный», по мнению многих учителей, Мишка на этом уроке волшебным образом преображался: выпрямлял спину, вытягивал шею и полностью отдавался пению. В ноты он, конечно, никогда не попадал, да и голос звучал не очень приятно, но за такое рвение Мишка поощрялся пятёркой за четверть.

Я обожала урок музыки, во-первых, потому что любила наблюдать за Мишкиным преображением, во-вторых, можно было болтать с соседкой по парте и при этом делать вид, что поёшь. Иногда, не выучив слова песни, мы просто открывали рты и делали это так старательно, что учитель хвалила нас, ничего не подозревая.

В этот день всё было по-весеннему радостным: и погода за окном класса солнечная, и настроение отличное, в общем, безудержное веселье захватили меня полностью ещё до начала урока, и я никак не могла сосредоточиться. Я пропустила всё: и объявление темы, и запись её в тетради, и объяснение учителя. Весь урок я рассказывала Женьке, подружке и соседке по парте, разные истории – меня как будто прорвало после математики и русского языка, я болтала без удержу, не обращая внимания на два замечания, которые сделала мне Елена Анатольевна.

И вот после того как я в очередной раз захихикала, зажав ладошкой рот, на весь класс очень чётко прогремела знаменитая учительская фраза, которая обычно адресуется самым отъявленным нарушителям дисциплины: «Смирнова, встань и повтори то, что я только что сказала». Всё моё веселье сразу улетучилось. Мне стало стыдно даже не за своё поведение, а за то, что впервые вот так при всём классе меня, отличницу, уличили в ничегонеделании. Я в поисках спасения устремила свой взгляд на доску, где была записана тема: «Бухенвальдский набат». Всё произошедшее дальше я уже воспринимала отчётливо:

– Вы рассказывали о том, что такое набат.

– Следовательно, ты должна повторить мне, что это такое!

В классе стояла мёртвая тишина, никто даже подсказать не решался, а я краснела всё больше. Я не знала, что такое набат, почему он Бухенвальдский, поэтому честно молчала и очень боялась за Елену Анатольевну, так как она сказала, что упадёт в обморок от такого безобразия. Что такое обморок, я тоже тогда не понимала, поэтому меня больше пугало, что она упадёт.

Далее мне велено было подойти к учительскому столу с дневником, в котором напротив предмета «Музыка» появилась огромная, жирная красного цвета двойка. Всё перевернулось в моём сознании: столько раз я была свидетелем, как точно такие же двойки ставили Мишке, а тут двойка у меня в дневнике, и она значительно отличалась размером от привычных пятёрок и четвёрок.

Я возвращалась за свою парту, низко опустив голову, а дневник был таким тяжёлым, что руки отказывались его нести.

Оставалось пять минут до конца урока, и учитель предложила пропеть слова песни. «Безнадёжный» Мишка, в отличие от меня, успел всё записать и любезно передал мне тетрадь. Все запели. Я не поняла практически ничего: «медный гул», «праведная кровь», «жертвы ожили из пепла», «взволнованный эфир», но музыка произвела на меня такое сильное впечатление, что звучала в моей голове ещё очень долго.

Вечером пришлось объяснять родителям, за что я получила двойку. Мама вынесла вердикт: «Это двойка за твоё поведение! Подрастёшь – всё поймёшь!». Сестра помогла мне разобраться с тем, что такое набат, папа долго рассказывал про концентрационный лагерь в Бухенвальде, про то, как его отец погиб, участвуя в прорыве блокады Ленинграда. Моё детское сознание не позволило тогда серьёзно отнестись к услышанному. Мне

КОСПРОМА

казалось, что это отрывки из каких-то книг, что даже если это было на самом деле, то никогда уже больше не повторится. Потом я уже с полным пониманием (как мне тогда казалось) содержания выучила наизусть слова песни и пела её до тех пор, пока мама не сказала, что пора спать.

Когда мне исполнилось тринадцать лет, родители разрешили прочитать книгу «Ни давности, ни забвения... По материалам Нюрнбергского процесса». Это документальные данные о зверствах нацистов – не у каждого при чтении нервы выдержат. Ужас, боль, ненависть – вот что я испытала. Мне хотелось закрыть книгу и забыть навсегда о том, что такое вообще было! Слезы душили! Вот только тогда я осознала по-настоящему, за что мне поставили двойку на уроке музыки. Это воспоминание заставило меня ещё раз испытать стыд за своё поведение! Потом я долго разглядывала фронтовую фотографию бабушки, пыталась с ним разговаривать, а в голове при этом гулко, чётко раздавались слова песни:

*Люди мира, будьте зорче вдвое,
Берегите мир, берегите мир!
Берегите, берегите,
Берегите мир!*

Елена Васильева (Волкова) – член ЛИТО «Чайка» (г. Галич). Родилась в 1970 г. в г. Галиче. Образование – педагогическое (Галичский педколледж), но всю жизнь работала в сфере культуры: Галичский краеведческий музей, Дом народного творчества Галичского района, отдел по делам культуры, туризма молодежи и спорта городской администрации. Сейчас зав. сектором МУК «Библиотечно-информационного центра». Это первая публикация автора.

БУЛОЧКА

Борька бежал, пригибаясь и приседая, иногда оглядываясь по сторонам – не видит ли кто? Ходить здесь, вдоль реки, мать запрещала, но это была самая короткая дорога к дому. Ещё Борька надеялся, что учитель не заметит его побега. Борька всегда нервничал, когда задерживался в школе, но сегодня обстрел продолжался уж слишком долго, и, улучив минутку, когда на него никто не смотрел, выскочил из подвала.

Борька не любил школу, да это и не школа была – просто полуразрушенный подвал настоящей довоенной школы.

Классов не было, сидели все вместе – и большие, и маленькие, каждый занимался своим, а учитель ходил вдоль рядов и что-то объяснял. Темно, шумно, тесно. Нет, школу он не любил, но, в отличие от других, ещё не пропустил ни одного дня. В школе кормили! К концу третьего урока нянечка тетя Саша вносила большую кастрюлю с супом. Все бросали книги и, не отрываясь, смотрели, как она, тяжело вздыхая, поднимает тяжёлую крышку.

Честно сказать, суп был премерзкий – мороженая капуста и очистки от картошки, до войны мама такой даже скотине не варила, но это было тогда, до войны.... «Довойны»... Борька всегда произносил это слово как одно, «довойны»...

Кроме супа давали булочку, малюсенькую, чуть больше пяточка, тяжёлую и сырую. Если булочку не съесть сразу, она высохнет, и раскрошится в серые некрасивые комки. Учитель ходил по рядам и смотрел, чтобы все ели. Иногда, останавливаясь, запускал руку кому-то в карман, доставал булочку, очистку или капустный лист, укоризненно качал головой. Есть надо было в школе, уносить домой ничего не разрешалось. Борька потрогал карман, булочка была на месте. Он научился прятать её хорошо, учитель всего пару раз нашёл. Борька запихивал булочку в ботинок, в пространство около щиколотки, и когда выходил из класса, старался не наступать на ногу, чтобы не раздавить или не раскрошить. А уже на улице перекаладывал в карман куртки.

Рядом опять сильно ударило и загрохотало. Борька инстинктивно присел: «Да сколько же можно?! Наверное, Ниночка совсем заждалась»... Ниночка была слишком мала, чтобы ходить в школу, никаких садиков не было, и она сидела дома одна, пока не приходил Борька. До войны Борька не

любил Ниночку, дразнил её девчонкой и капризулей. Но, уходя бить немца, папа и дедушка строго-настрого наказали Ниночку беречь, и заботиться о ней. Ниночка была маленькая, тихая, беленькая, с ней было совсем не интересно, она целыми днями крутила из тряпочек пупсиков, а когда хотела есть или боялась обстрелов, тихонько поскуливала. Иногда, прибегая из школы, он видел, что она стоит у окна, выглядывая его, Борьку. Когда замечала, вставала на цыпочки, и в глазах появлялось ждущая голодная нотка. Борька ненавидел этот взгляд, от него противно начинало ныть в животе и щипать в носу. Тогда он торопливо вытаскивал из кармана засохшую булочку, неловко пихал Ниночке и отворачивался, чтобы не видеть, как она жадно, давясь, грызет её, и как поднимает с пола рассыпающиеся крошки. Уже которую неделю он думал, как бы изловчиться и принести Ниночке супа, или хотя бы капустных листов, но придумать ничего не мог. Каждый раз он начинал есть в надежде, что сегодня-то удастся хоть один капустный листик пихнуть в карман, но спохватывался, когда ложка стукнула о дно миски.

«Всё-таки хорошо, что есть школа – подумал Борька. – Меня кормят, и матери на заводе дают обед. Когда уже вырастет эта Нинка, пойдёт в школу, и он сам сможет съесть свою булочку? Если мама сегодня не сможет придти, сидеть ему голодному до завтра». Обычно мать приходила с завода поздно, раздевалась, устало садилась на стул и молчала. Потом замечала ждущие взгляды, поднимала руки к голове, распускала тугой пучок и в руках у нее оказывалась картофелина. Мать разводила кипяток, кидала туда пару кристалликов сахарина, делила картошину на троих – это был ужин. Но случалось, так, что она не приходила, и тогда еды не было до следующего дня.

Вот и вчера не пришла... Борька ждал мать. Ждал, но бывать рядом с ней не любил. Теперь не любил. После письма. Письмо пришло где-то через месяц после проводов отца и деда. Письмо в настоящем толстом конверте с печатями. В таких конвертах приходили письма от бабушки из Москвы, и значили, что она скоро приедет. Но это было тогда, до войны. Когда почтальон протянул матери письмо, лицо у нее стало такое некрасивое, губы скривились и задрожали, Борька испугался, что мать закричит. Но тут подбежала Ниночка, увидела письмо и радостно взвизгнула: «Это от бабушки? Она скоро приедет? Она пряников привезёт?». Мать как-то резко втянула воздух и сказала: «Нет, зайка, это не от бабушки. Это мне, – замаялась на секунду, – это по работе». Ниночка вздохнула и, потеряв интерес, убежала. А ночью Борька слышал, как мать плачет в подушку, давясь рыданиями. С тех пор Борька не любил быть рядом с матерью, он боялся, что она ему может сказать что-то такое, чего он совсем не желал слышать.

«Сегодня много стреляют – подумал Борька, – а сил сидеть тут и ждать, пока обстрел закончится, уже нет. Ниночка там совсем голодная» Вчера он заметил, что она потихоньку ковыряет и ест глину с печки, жадно рассасывая глиняные комочки. «Когда наши победят, он попросит папу..., – тут Борька

вспомнил мамино скривившееся лицо, – попросит маму купить много-много булочек, и отдаст их все Ниночке, а сам будет смотреть, как она ест. Хотя нет, несколько штук он съест сам, не все одной Нинке». Кажется, стрелять прекратили, Борька вскочил, и в этот момент что-то ударило, сильно, громко, гулко. Борька заметил, как что-то тёмное надвигается на него и уже падая, подумал: «Только бы не на правый бок, где в кармане лежит булочка. А то раздавлю».

Принесли Борьку на следующий день соседи. Неловко, с лёгким стуком, положили на пол, и из кармана выпала маленькая засохшая булочка...

Елена Золотова пишет стихи и прозу, работает преподавателем русского языка и литературы в Буйском техникуме железнодорожного транспорта. Член ЛИТО «Буйские голоса». Произведения публиковались на страницах районной газеты, вошли в коллективные сборники, изданные в Бую и Костроме («Сердцу милая сторонка», «Соцветие»). В 2019 г. вышел в свет первый авторский сборник «Мои снегири».

ПЕЛАГЕЯ

Памяти моей бабушки посвящаю

Пелагея, перевязав сноп, распрямила уставшую спину. Пот застилал глаза, рубаха взмокла на спине; август выдался жарким и засушливым, дождей не было почти месяц. Пелагея вытерла пот с лица рукавом белой рубахи, оглянулась кругом. Женщины вязали лен: мелькали среди поля белыми рубахами, разноцветными юбками и платками. С началом войны план в колхозе увеличили, и работать приходилось с раннего утра до позднего вечера.

Пелагея думала о детях: их было семеро, самому маленькому, Геночке, не было ещё и месяца. Родился сынок в самом начале августа, когда её мужа Геннадия уже забрали на фронт: он так и не увидел сына. С Геночкой водились старшие сестры, Катя и Шурочка, которым самим-то ещё в куклы играть, да и Лидочке всего три года, за ней глаз да глаз нужен. За старшую в доме оставалась десятилетняя Катя, восьмилетний Валя отводил корову в стадо, носил воду. Работы всем хватало, а они ведь ещё дети. Старшие, Коля и Саша работали в колхозе: одному исполнилось семнадцать, а другому и шестнадцати нет, но они считались уже взрослыми, и трудодни на них шли. Господи, думала ли она, что её детям выпадет такая доля!

Из-за леса, со стороны деревни, показались клубы дыма. Бабы переполошились, было ясно, что в деревне что-то горит. У Пелагеи зануло сердце, руки опустились. Она выронила недовязанный сноп и бросилась бежать к деревне. Уже по дороге её встретил соседский мальчишка Толик, он кричал:

– Тетя Поля! Ваш дом горит!

Она только с дрожью в голосе выкрикнула:

– Дети!? Дети!? Все живы?

– Да все, тетя Поля. Успели выбежать и Геночку вынесли.

Уже подбегая к деревне, Пелагея увидела свой горящий дом, детей, стоящих кучкой на дворе, бегающего хромого Степана, который лил из ведра воду в окно. Защемило сердце от боли, мысли пролетели в голове: «Где же жить-то будем!? Как же мне их поднимать одной!?» Спасать дом было поздно, крыша уже всю горела, огонь полыхал внутри.

Пелагея подбежала к детям. На руках у Кати в плаче зашёлся Геночка, ему вторила Лида, размазывая слезы по чумазому личику, у Кати и Шуры тоже по щекам катились слёзы. Валя молча смотрел на мать, держа в руках

охапку детских пальтишек, то, что успел вынести из дома. Пелагея ухватила их руками, прижимая к себе, пытаясь успокоить, причитала: «Ничего, ничего, родимые, главное, все живы-здоровы! А дом-то мы ещё построим... Вот папка вернётся с войны, сразу и построим... Поплачьте, миленькие, поплачьте, со слезами-то и легче станет». Сама она плакать не могла, словно окаменела, выплакала слёзы, когда Геннадия забирали на войну.

Огонь, как страшное чудовище, пожирал дом бревно за бревном, провалилась крыша, искры с языками пламени взметнулись столбом в небо. Хромой Степан бросил ведро и дрожащими руками стал сворачивать себе самокрутку. Запричитали старухи, приковылявшие с другого конца деревни, кто-то испуганно вскрикнул; бабы, прибежавшие с поля, тревожно зашпорили: перекинется ли огонь на другие избы или нет.

... Дом был новый, построили его всем миром два года назад. Как Поля радовалась этому дому, с какой любовью тёрла полы, мыла окна, топила новую печь, пекла хлеб. За два года только и успели обжиться, а в июне – война!

... Геннадий пришел в тот день из сельсовета хмурый, как туча. Пелагея уже еле управлялась у печи, живот был большой. Она вынула чугунок с картошкой, глянула на мужа, и сразу поняла, что случилось что-то непоправимое. Он был бледен и растерян, никогда ещё она не видела его таким. «Война, Поленька. Только что в сельсовете по радио слышал. Немцы напали. Как же я вас оставлю-то?», – тихо сказал муж. У Пелагеи подкосились ноги, она начала медленно опускаться на пол, но Геннадий быстро подхватил её на руки. Он нес её на кровать и целовал в лицо, как будто уже прощался с нею. «Генушка, может, тебя и не заберут? Ведь у нас скоро седьмой будет», – с надеждой спрашивала Пелагея, заглядывая в глаза мужу. Он молча гладил её по волосам, думая о том же: «Заберут, обязательно заберут. Кому же, как не ему, взрослому мужику, идти на войну. Не этим же желторотым ребятишкам, как его Колюня или Сашка, которым по семнадцать-восемнадцать лет? Они ещё только начали жениться, им ещё свадьбы играть да детей рожать. Но Полюшку-то как оставить с такой оравой, да ещё на сносях?». Сердце у Геннадия заныло от предчувствия беды.

На колокольне зазвонил колокол, который молчал уже несколько лет, с тех пор как в церкви устроили зернохранилище. «Семён-звонарь узнал страшную весть и сообщает о ней всему миру», – подумала Пелагея, и слёзы градом покатались у неё из глаз.

... Дом полыхал огромным костром, схватились пламенем ставни окон, резные наличники, которые с такой любовью выпиливал Геннадий по вечерам. Ноги не держали Пелагею, она опустилась на бревно, лежавшее во дворе, взяла на руки Геночку; дети, как нахохлившиеся воробышки, сели по обе стороны от неё, уже не плакали, а только размазывали по щекам слёзы. А память возвращала Пелагею к недавним событиям.

... Через три дня Геннадию пришла повестка из военкомата. Мужиков провожали на войну всем селом, да ещё из соседних деревень пришли люди. Народ собрался у сельсовета, короткую речь сказал председатель колхоза,

завершив её словами: «Бейте, мужики, немцев крепче, чтоб неповадно им было лезть на нас войной, а к уборке домой возвращайтесь живыми и здоровыми!» Обнимались, целовались, плакали маленькие дети, детишки постарше притихли, то тут, то там раздавались женские причитания. Военный, пришедший из города, из военкомата, прокричал: «В шеренгу – стройсь!». Мужчины, молодые парни построились в неровную шеренгу, военный быстро стал выкрикивать фамилии по списку. «Шагом-арш!» – раздалась команда, и колонна двинулась из села по дороге в город. Слезы катились у Пелагеи по лицу, она вытирала их кончиком платка, держа за руку Лидочку. Рядом стояли и махали на прощание отцу старшие дети. Вдоль дороги, вслед за колонной, ещё долго бежали ребяташки постарше, да девчущки, которые провожали на войну своих кавалеров, которые так и не стали их женихами, и неизвестно ещё, вернутся ли они домой?

... Дом догорал. Пелагее казалось, что этот пожар подвел итог их счастливой довоенной жизни. Да и жизнь эта казалась счастливой только сейчас, а на самом деле, она была всегда трудной, наполненной тяжёлой повседневной крестьянской работой.

– Мама, мы вынесли пальтушки да валенки и твоё пальто. Мам, а сапоги твои новые сгорели, – сквозь слёзы говорила Катя.

– Ничего, дочка, купим мы ещё сапоги, – говорила Пелагея, вытирая дочкины слёзы платком, который она стащила с головы. Волосы её растрепались, пот катился по лицу, но глаза были сухими, ни одной слезинки она не проронила, хотя соседские бабы советовали: «Ты поплачь, Пелагея, покричи – легче станет!».

Прибежала золовка Маня, залилась слезами, но, увидев заплаканных детей и побледневшую Пелагею с сухими глазами, она быстро вытерла слёзы и стала успокаивать детей. «Ничего, у меня поживёте... Сколько надо, столько и живите... У меня дом хоть небольшой, но места всем хватит. В тесноте да не в обиде», – причитала Маня, которая была бездетной и незамужней. «Спасибо, Маня», – только и сказала Пелагея.

На следующий день, ранним утром, когда дым улёгся, а угли остудила холодная роса, Пелагея подошла к дому, вернее к пепелищу, которое осталось от него. Чудом уцелел один угол, где висела икона Казанской Божьей Матери, обуглился, но уцелел. Лучи восходящего солнца падали на икону, и Пелагее показалось, что кровавые слёзы текут по лику Богородицы. Она осторожно прошла ещё по тёплым углям, сняла икону, вытерла рукой сажу с лика Богородицы, прижала к груди. Из-за иконы упал свёрток, аккуратно завернутый в тряпочку. Она вспомнила слова мужа, который говорил перед своим уходом на фронт: «Это вам, Поленька, на чёрный день. Мало, правда, да уж не взыщи». Она, вся заплаканная, плохо его слышала и совсем забыла о его словах.

... Пелагея ещё не знала, что Геннадий так и не вернётся с войны. Единственное письмо она получила в феврале сорок второго года, а в сорок третьем пришла похоронка. Детей она поднимала одна, только Геночку взяла бездетная золовка Маня и вырастила как своего сына.

Нина Веселова родилась в Ленинграде, работала журналистом в областных газетах Вологды. После Высших курсов сценаристов и режиссёров пробовала себя в документальном кино. В 1991 году отказалась от городского образа жизни и поселилась в деревне Починок Нейского района, на родине отца. Здесь целиком посвятила себя литературе. Её очерки, рассказы и стихи не раз печатались в центральных газетах и журналах. Среди недавних изданий – книга о жизни и творчестве Василия Шукшина «Калина горькая» и роман в стихах «Ласточка». Член Союза российских писателей. Руководитель ЛИТО «Вдохновение» (г. Нея).

НЕИЗБЫВНОЕ

Это было в какую-то очередную годовщину Победы...

– Вот, – протянула мне тётушка надорванный на сгибе желтоватый листок, от которого почему-то повеяло тревогой. Я развернула его.

«ГРАМОТА, – печатно алело сверху. А ниже неровно было выведено пером: *Красноармейцу Веселову Николаю Ивановичу. Далее снова типографскими буквами значилось: «Приказами Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина Вам за отличные боевые действия объявлены благодарности...»* Рукой, привыкшей к оружию, но никак не к письму, в грамоту коряво были вписаны географические пункты, мимо которых двигался вместе со Вторым Украинским фронтом мой дед. Его благодарили *«за ликвидацию Корсунской группировки немцев в феврале 1944-го, за прорыв обороны немцев в районе Черемисской в марте 1944-го, за успешные наступательные боевые действия южнее Жмеринки в марте 1944-го, за успешные наступательные операции в районе Хрестиовки в марте 1944-го, за освобождение городов Могилёва и Подольска в марте 1944-го, за прорыв обороны в районе Яесы (Румыния) в августе 1944-го, за овладение городом Клужстал в Трансильвании в октябре 1944-го, за освобождение Трансильвании в октябре 1944-го, за прорыв обороны северо-западнее города Лученец (Чехословакия) в феврале 1945-го, за успешное отражение вражеских атак возле озера Балатон в марте 1945-го, за освобождение города Кеменд (Венгрия) в марте 1945-го...»*.

Я держала в руках грамоту и с запоздалым раскаянием думала, что никогда не спрашивала деда о военных днях. Случалось, он порывался что-то рассказать, бормотал вдруг на непонятном языке какие-то фразы, пояснял таинственно:

– Это я по-эстонски спрашиваю «Который час?»

Я не подступалась к разговору. Старик нравился мне балагуром, а об этом я знать не спешила. О войне знала по музеям и фильмам, которым верила, и это меня устраивало.

Но иногда всплывало во мне тревожное воспоминание из детства...

КОСПРОМА

Это случилось на даче, куда нас летом вывозили всем детским садиком. Неподаляку от Ленинграда был огромный лесопарк, и на самом берегу Невы, в тени черёмуховых зарослей, прятались наши корпуса. В солнечные дни нас водили группами поплескаться в невской воде, поискать землянику. Но больше всего мы любили ходить на «ромашкино поле». В коротких штанишках и платяцах, в панамках на головах, мы брели туда с песнями, падая и ушибаясь, но не плача. На поле том было много цветов, и мы, собирая букеты, повторяли за воспитательницами: «Колокольчики мои, цветики степные...».

Однажды мы с девчонками заигрались в молодом березняке на краю поляны и незаметно углубились в лес. Вдруг кто-то ойкнул... Вот тогда я впервые узнала, что значит «копчик похолодел». Перед нами была могила. Одинокая, затерявшаяся среди деревьев. Над ней высилась деревянная пирамидка с облезлой звёздочкой наверху, а из бугорка, поросшего травой, с трудом пробивался фиолетовый кустик ириса.

Кто-то сбегал за воспитателями, и вскоре вся группа окружила холмик. «Снимите панамки», – сказали нам. Взрослые беззвучно плакали, а мы, понурив головы, молчали... С тех пор наши походы на «ромашкино» поле всегда заканчивались посещением могилы. Двое ребят вставали в почётный караул, а остальные тихой очередью двигались по тропе. Пропуском служил дубовый листок...

Уже взрослой я искала эту могилу, но не нашла. Говорили, что перенесли её на братское кладбище. Школьники-следопыты разузнали, что в ней был захоронен лётчик, защищавший ленинградское небо. Пусть земля ему будет пухом...

Второй раз я взглянула в глаза войне, уже будучи журналистом. Приехала в один из дальних районов Вологодчины, добралась до глухой деревушки Шилово и на краю её обнаружила занесённый снегами маленький домик. Когда-то жил в нём Толя Шиловский, из него юношей ушёл на фронт и не вернулся. Кажется, ещё тогда, в горьком сорок четвёртом, его мать Пелагея Степановна повесила на окна красные занавески, надела на голову алый платок да так в нём и состарилась – вместе с домиком своим и застывшим недоумением в глазах. Муж её, Фрол Афанасьевич, долго не мог поверить, что вот он жив, а сына его единственного теперь нет, и никогда не будет. Слал во все концы запрос за запросом, но неизменно приходил ответ, что *«младший сержант Анатолий Шиловский при выполнении боевого задания, верный воинской присяге, пал смертью храбрых»*.

Добрые люди увеличили маленькую карточку до большого портрета, и прожили Шиловские много лет, глядя на весёлое лицо нестареющего сына. Вспоминали, как когда-то давно по приказу военкома привезли им два воза дров да сорок килограммов мучки для скотины – за погибшего Анатолия. Привезли, да и забыли надолго о стариках.

В молодости была Пелагея Степановна, по всему видать, сильной и волевой женщиной – большое тело, натруженные руки и крупное лицо. Но

недавно приказал ей долго жить последний близкий ей человек, её муж Фрол Афанасьевич, из-за мощи которого прозвали Пелагею Степановну Дюжихой. И вот тут она совсем сдала.

Я застала её почти отрешённой от окружающего. Она была вся там, далеко, в том мире, где множество икон мирно уживались с плакатами, с которых улыбался наш доблестный советский воин. Она вся была во власти дум и воспоминаний и ослабшими вздрагивающими руками протягивала мне драночную шкатулку, чтобы я нашла в ней пожелтевшее письмо, подписанное командиром войсковой части.

«Ваш храбрый сын Толя, преданный патриот нашей любимой Родины, был хорошим товарищем друзьям по оружию, – начала читать я уверенно. – Ещё в 1943 году Ваш сын был представлен к награде за смелость, отвагу и решительность при выполнении боевого задания. Вы можете гордиться, что воспитали такого сына...».

Дюжиха сидела прямая и строгая, со сплетёнными в замочек узловатыми пальцами. А я всё слышала её низкий срывающийся голос и сбивчивые слова, которыми она меня встретила:

– Чуюло сердце, полный день чуюло, всё ждала я кого-то. Вон и кошка мылась, гостей зазывала... Чуюла я!

И она глядела вокруг ожившим взором.

«... Стоял пасмурный день, кругом тишина, только разведотряд, в котором был Толя, готовился к выполнению боевого приказа. Каждый разведчик с шуткой и доброй лаской вытаскивал партийный или комсомольский билет и, предчувствуя всю сложность предстоящей операции, думал, что, в случае чего, не позволит запачкать билет грязным пальцам проклятого врага. Жизнь? Она дорога каждому, но во имя победы над врагом мы не пожалеем даже жизни», – читала я и ощущала, как по спине начинает ползти необоримый холодок от слов, написанных неизвестным автором. На Дюжиху я уже боялась взглянуть, заметив, как взметнулся к глазам её красный в белый горошек передник.

«Вот намеченный объект совсем рядом, совсем рядом хищный зверь, фашист, который принёс столько страданий советским людям. Шёпотом команда: «Снять лыжи и продвигаться ползком!» Столкнулись с противником... И тут в схватке погиб Ваш сын Толя – смертью храбрых...»

– Мой голос дрогнул и сломался. – *Вечная память и слава герою, павшему в боях...»*

Я плакала вместе с Дюжихой, обнимала её, гладила и говорила что-то, а на лавке остались недочитанными строки большого письма: *«Слезами это горе не утетишь, и мы уже отомстили за смерть Толи, украсив поле десятками трупов врага. Память о Вашем храбром сыне...»*

– Нет Толи, и нет, и нет, и нет... – покачивала головой Дюжиха, и было страшно и зябко от непоправимости горя старой матери. Было стыдно, что придётся оставлять её на ночь наедине с вновь опалившей сердце болью, что никто не в силах ей помочь и нужно уходить, несмотря на строгое и беспомощное «Не пушу!!».

КОСПРОМА

Смирившись наконец, Дюжиха погладила пригревшуюся в ногах рыжую собаку, и на губах её вспыхнула на миг тихая улыбка:

– А хороший у меня Толя на фотке, правда?

Ей совсем не нужен был ответ, она уже простилась мысленно со мной. И я уходила, я почти бежала от крыльца по снегу, чувствуя, как жгут мне спину кровавого цвета занавески на окнах сиротливого домика...

Почти полвека прошло с той встречи – а всё жгут и жгут!

... Моей бабушке повезло: муж её, мой дед, вернулся с фронта живым, хоть и хромым. Но срок пришёл – и он лежал на своём ложе притихшим и бессильным, а вместе с ним истаивал, уходил в небытие родной – и неведомый мне – огромный мир. Мир, который сам не в силах был себя выразить и который бился, словесно бился в моей юной душе, не находя для себя очертаний...

Непостижимым образом он живёт во мне доселе, воскрешая всех воевавших и давая им возможность взглянуть через меня на наш сегодняшний мир. О, только б нам не обесценить их подвига по неразумию и лени душивной, только бы суметь передать потомкам эту целебную эстафету памяти и очистительной боли... Только бы..!

Василий Новых – член ЛИТО «Северные Увалы» (п. Вохма). Больше тридцати лет занимается пчеловодством на профессиональном уровне. В людях ценит человечность и ответственность. Свободное время проводит в лесу. Увлечение – литература. Пишет прозу.

ВОЕННАЯ ДОЛЯ. ВОСПОМИНАНИЯ ОТЦА

*Бойцы вспоминают минувшие дни,
Где в битвах за счастье боролись они*

23-го мая 1941 года минуло мне 17 лет, самая пора за девками бегать, да недолго играла музыка. Через месяц над деревней стояло реветище – холостых парней и семейных мужиков отправляли бить германца. С битьём худо получилось, и скоро немец пёр уже на Москву. У нас мало, кто верил, что одолеем врага, настроение было упадническое. Спасибо Сталину – остался в столице и отстоял её. К сорок второму году кадровая Красная армия была в плену или погибла в окружении – котлах. Мобилизованных уже не кидали безумно в бой, их стали учить военному делу. Кулебановских парней 1924-го года рождения обучали на Чучине. Только отделались с посевной, нас туда в приказном порядке отправили, благо рядом и двух километров не будет. Винтовку-трёхлинейку разбирали, гранату кидали, рыли окопы-траншеи – всю душу из нас старичок-инструктор, бывший царский офицер вытряс. Молодость, конечно, брала своё, увлекались и самогонкой и девушками. Второе июля, в Боголюбимую, прибежал ко мне братан (двоюродный брат) Вася Парушин: «Лёлька на Бызове игрище играют, собирайся». И ведь отнёс меня бог, как чувствовал, не пошёл с ребятами. Там на Дикой гриве, две деревни впритык стояли, Свинки и Бызово, большие, домов по тридцать в каждой. Первого июля, вечером, гуляли на Свинках, а на другой день прямо с утра перебирались в соседнюю деревню. В каждом доме, почитай, пиво варили и двери нараспашку – заходи, угощайся. Напьются и давай развлекаться, кольями да дубинами драться. До смертоубийства, к счастью, не доходило, но кровищи напускают по всей округе. Хоть и война шла, но народу с окрестных деревень и сёл полно набралось: с Согорских, с Сосновских, с Конницких. Наши-то, кулебановцы, только втроём пришли, зато гонору много, я не я. Кого-то начекали, отхлестали, ну и взялись за них, субчиков – сила солому ломит. Погнали кольями, те в дом какой-то заскочили да двери на запор. Куда там! Высадили в момент! Наши забились на потолок, на чердак значит, разбирают там печную трубу, да кирпичи валят вниз. Милиционер откуда-то взялся и его угостили. Всё бы им сошло с рук, кабы не клятая граната учебная, позаимствованная с пункта подготовки призывников на Чучине. Рукоятка у неё длинная, деревянная, удобно сверху по головам колотить. Время военное, пришили братану, другу моему Шуре Егорову и Коле Лучину бандитизм, да под белы рученьки на Севера. Как говорится – ты

КОСМРОМА

меня видишь, а я тебя нет. Забегая вперёд, скажу, только дело-то у закрытых парней ладно обернулось – нет, говорят худа без добра. В деревню с войны горстка калек вернулась, а арестанты отработали на лесоповале положенное и чин-чинарём домой прибыли. Шура ещё и жену молодую с Устюга привёз – бойкую продавщицу Лузу. Вася Парушин, правда, на фронте побывал, в Кавказских горах, на границе с Ираном – там всю войну наши части простояли, закрывая южную границу. Братан лиха сна не видал, ни разу из винтаря не выстрелил.

Меня на войну не сразу взяли, председатель колхоза отсрочил. Я конюхом работал, лучших лошадей на фронт отправили, на оставшихся клячах от темна до темна пахали и боронили бабы с подростками. Понятия у них нет плечи у коней вовремя посмотреть. Сотрут хомутами до крови – отдувайся, конюх. Мази разные варил с травами, чтоб скорее залечить. Ночами табун пас, а днём сбрую, упряжь и телеги чинил да бригаде на сенокосе и жатве помогал. Управились с уборкой хлебов, отправили зерно конными обозами на хлебоприёмный пункт, и пробил мой час. Вохомским райвоенкоматом Вологодской области 22 декабря 1941 года был призван защищать Родину. Родные и близкие попрощались со мной навсегда, понимали, куда иду, и повезли нас в Вологду. Там в запасном полку приняли присягу и два месяца проходили курс молодого бойца. Меня определили в снайперы, освоил винтовку Драгунова. Стрелять из неё легко было, совместил три риска в оптическом прицеле на цели – и готов фриц.

20 февраля в составе маршевой роты нас направили на Калининский фронт. На вокзале, пока ждали поезд, я вышел на улицу покурить. Невдалеке старичок стоял с клеткой, а в ней поточка небольшая. «Подходи поближе, солдатик, мы с птичкой тебе погадаем на дорожку», – пригласил он меня. Чего мне терять? Подошёл. В клетке небольшой фанерный ящичек с перегородками – отсеками стоял, а в них бумажки конвертом сложены. «Ну-ка, милая, вытяни красноармейцу счастливую жизнь», – попросил дедушка птичку. Она шустро головкой повертела, конвертик один клювиком ухватила и сквозь прутья протягивает. Взял я его, развернул и прочитал: «Жить будешь в белых палатах». Ничего из написанного не понял, подивился и забыл. Что я, граф какой в палатах жить?

22 февраля добрались до передовой и были зачислены в часть – сотую Казахскую стрелковую бригаду. Меня назначили первым номером расчёта противотанкового ружья, с ним и провоевал почти восемь месяцев. Бригада была национальная, сформированная в Алма-Ате. В декабре 1941 года, в первоначальном составе казахов было 86 %. С 5 по 12 января 1943 года бригада в составе 3-й ударной армии вела боевые действия по ликвидации Великолукской группировки противника, понеся в боях большие потери. Великие Луки – великие муки. Мы, в качестве пополнения, прибыли вечером, а на следующее утро немцы уже кричали в громкоговоритель: «Здорово, вологодские ребята, поздравляем с прибытием на «передок»». Они знали о нас буквально всё: спозаранку сообщали, что варит наша полевая кухня и не ошиблись ни разу. Питание, к слову, было

недостаточное, постоянно хотелось есть. Спасибо, казахи не забывали земляков, на фронт регулярно приезжали делегации женщин во главе с аксакалами. Привозили подарки: махорку в кисетах, вязаные из шерсти овец и верблюдов носки с перчатками, яблоки и продукты. Кушали мы и подножный корм. Так в конце лета после одного из боёв, в нейтральной полосе оказалось картофельное поле. В сумерках мы копали картошку со своей стороны, а они со своей. Всё было хорошо, пока какой-то придурок не выстрелил и не убил немца. Отошла Масленица – головы больше не давали нам поднять. У немцев питание было неплохое, они к войне заранее готовились. Бывало, попадут в трофеях их сухари, замочишь один в кипятке, разбухнет в целую буханку и год выработки сбоку – 1938. Немецкий карабин найдёшь, месяц в грязи валялся, берёшь и стреляешь. Нашу винтовку день не почистишь, не смажешь, и затвор приржавеет. К вражеским сапёрным лопаткам никакая глина не налипала и отскребать не надо. Ранцы меня всё у них удивляли, верх из лосиной шкуры сделан, в любой дождь внутри сухо.

В апреле в бригаду прибыло пополнение из лагерей – воры и бандиты. Отчаянный народ, всех на кулаках носили, в вещмешках у бойцов шмонали, а ночами уходили на промысел. В прифронтной полосе в больших шатровых палатках находились продуктовые склады, охраняемые часовыми. Эти мазурики разрезали стенку ножом и тащили оттуда тушёнку, сухари, кашу в брикетах. Бывало, и нас угощали. Раз один жулик Колька звал меня туда на стрёме стоять. Я, как чувствовал, отказался, а он пошёл один и попался. Дня через три расстреляли перед строем, у нас периодически дезертиров и мародёров показательно убивали. Жуткое зрелище, приговорённый на глазах седел. Винтовочный залп откидывал человека назад, но он выпрямлялся, клонился вперёд и падал лицом вниз.

На войне многое довелось узнать и увидеть. Однажды разведрота из соседней дивизии брала неприступную высоту, её давно пытались захватить, но только понапрасну людей стравили под пулемётами. Разведчики дошли до вражеских окопов, схватились врукопашную, и в этот момент по ним наша артиллерия ударила. Отошли смельчаки, раненых вынесли, я думал, они всех артиллеристов от злости перестреляют. Видел дрессированных собак с зарядом на спине, бросающихся под танки с белыми крестами. Проходили мы через освобождённые деревни, одни целёхоньки стояли, а от других только два ряда закопчённых печей с трубами. Сразу не понимали, а потом разобрались. В первых староста с захватчиками сотрудничал, немцы даже колхоз сохранили, заставляя работать на себя. В сожжённых деревнях староста помогал партизанам. Как тут можно судить о выживших в оккупацию? Разве бабы с ребятишками виноваты в том, что враги их землю захватили? С другой стороны, бесчинства немцев с мирным населением будили в нас дикую ярость, и пособники германцев воспринимались предателями, подлежащими уничтожению. Мне думается, если бы не зверства фашистов на оккупированных территориях, война могла бы сложиться по-другому.

КОСПРОМА

Случались со мной и курьёзные случаи. Октябрьской ненастной и мрачной ночью находился в боевом охранении, стоял один в стрелковой ячейке, метрах в ста впереди от наших окопов. Сырой, продрогший до звона в ушах вслушивался в окружающую темноту. К стуку капель с куста ивы, растущего поблизости, стало примешиваться какое-то топание. Всю оставшуюся ночь продержал палец на спусковом крючке, страху натерпелся, когда светать стало, сползал осторожно туда. Чёртов заяц веточки грыз и кругом наследил!

Роковой или может – счастливый день выпал мне 15 октября 1943 года. Бригада вела в этот день боевые действия по ликвидации противника в районе межозерья Большой Иван и Коротай с задачей захватить посёлок и район станции Изоча. Нашему батальону предстояло взять в лоб сильно укреплённую высоту возле деревни Новое Зайваньё. После непродолжительного артобстрела подняли в атаку, до немецких окопов предстояло пересечь пойму мелкой речушки, шириной метров в четырёста. Для засевавшего наверху противника мы были как на ладони, и он обрушивал на атакующих шквал огня. Молодёжь, вроде меня, с воплями пёрла напролом и погибла в первую очередь. Умудрённые жизненным опытом «старички» двигались перебежками, используя складки местности и кустарник. Наконец, вражеские пулемёты окончательно прижали нас к земле. Мы со вторым номером установили противотанковое ружьё. И я начал стрелять по ближней пулемётной амбразуре. Пулемёт замолчал, но рядом со мной стали рваться мины. Очередной взрыв с правой стороны, в глазах вспыхнули ослепительные молнии, страшный удар оглушил и откинул меня в сторону. «Вот она – какая смерть», успел подумал я и потерял сознание от обрушившейся жуткой боли. Однако не умер сразу, очнулся, с трудом открыл забитые землёй глаза и увидел убитого напарника. Не слыша своего голоса, несколько раз пытался крикнуть: «Помогите!» Жутко болела голова и всё тело, правая сторона которого не действовала совсем. Я чувствовал, как из меня вытекала кровь и уходила жизнь. Выжить шансов не было, меня ранили до обеда, а санитары приползут только в темноте. Немецкие снайперы не позволяют эвакуировать раненых днём. У меня был индивидуальный пакет, с трудом вытащил его, разорвал упаковку зубами и одной действующей левой рукой кое-как замотал перебинтованную ногу прямо по изорванной в голени штанине. Потом, окончательно обессилев, лежал без движения, периодически теряя сознание и приходя ненадолго в себя. В последний раз очнулся уже в сумерках от болезненной тряски и увидел двух собак, тащащих меня на привязанной к ним плащ-палатке. Уже позже в госпитале, от раненых вместе со мной сослуживцев узнал, что нас подобрали санитары из другой воинской части. В моей бригаде я числился пропавшим без вести, о чём и сообщили домой родителям. В бессознательном состоянии меня перевязали в медсанбате и отправили в эвакогоспиталь на станцию Шатки Горьковской железной дороги, где прооперировали и наложили гипс.

Возвращение из небытия получилось удивительным – открыв глаза, увидел над собой белый потолок. Меня словно током ударило – вот оно предсказание птички на вокзале в Вологде. Белая палата в приспособленной под госпиталь школе. Писать я не мог, товарищ написал под диктовку письмо, что ранен, но иду на поправку. Там чуть с ума не сошли от радости. Сильно огорчала правая рука, висящая плетью. На счастье в госпиталь заехала пожилая женщина-хирург из Москвы. Она осмотрела меня, приказала сломать раненую руку в локте и согнуть её под прямым углом. Сустав захрящевался, и рукой стало можно пользоваться. За счёт развития плечевого сустава, я выполнял ею в дальнейшем почти любую работу, в первую очередь смог писать.

8 января 1944 года комиссия эвакогоспиталя освидетельствовала меня и признала негодным к военной службе со снятием с учёта. 13 января решение было утверждено военно-врачебной комиссией. 19 января прошёл в госпитале санобработку, получил об этом справку и прочие документы, меня одели в старенькую, но чистую военную форму и отправили домой. 25 января предъявил документы в райвоенкомате. 1 февраля отправили на медкомиссию на сборном пункте РВК. Комиссия на фронт не отправила, но поставила на воинский учёт, где и держали до 45 лет.

Последствием контузии стали постоянные головные боли, излечить которые врачи так и не смогли. Лишь один раз, в 1976 году, мне дали путёвку в Ялту, и после санаторного лечения голова и не болела полгода.

Боевой путь 100-й отдельной стрелковой бригады продолжался. 8 декабря 1943 года её слили с 31-й курсантской бригадой и преобразовали в 1-ю стрелковую дивизию. Впоследствии дивизия была награждена орденом Красного знамени, ей было присвоено почётное наименование «Брестская».

P.S. от автора

Отец был из поколения победителей, остановивших фашизм и восстановивших войной разрушенную страну. Был он трудолюбив, надёжен, ответственен, порядочен и принципиален. Никогда не ныл, не жаловался, хотя раненая нога высохла, и по несколько раз на ночь её скручивало судорогой...

Вечная память отцам нашим – солдатам Великой Отечественной войны.

Елена Балашова родилась в 1949 г. в д. Галузино Галичского района Костромской области. Её стихи печатались в газетах «Литературная Россия», «Сельская жизнь», в журналах «Нева», «Русский путь», «Вертикаль», «Аврора», «Роман – журнал XXI век», «Слова, слова, слова...». Руководитель ЛИТО «Приозерье» (г. Чухлома). Автор поэтических книг «Заколдованный круг», «Высокий свет», «Моя провинция», «Рядом с вами». Член Союза писателей России.

РОДИНА, МНЕ НЕТ ДРУГОЙ ДОРОГИ

В юбилейный для России год мы вспоминаем тех, кто до Победы не дожил, хотя именно благодаря им, павшим в боях за Родину, стала возможной сама Победа.

Кому-то очень хочется, чтобы люди в России потеряли память и совсем разучились отличать белое от чёрного, перекрасив всё в один – серый! – цвет. Безликой массой и управлять проще. Именно этого добиваются те, для кого «патриотизм – последнее прибежище негодяев», как обозначил С. Джонсон. Но всё-таки для большинства людей те, кто пожертвовал своей жизнью во имя высокой цели, навсегда останутся Героями в народном сознании.

Зоя Космодемьянская – московская школьница, десятиклассница, на фронт ушла добровольцем. Она – первая женщина, которой во время войны было присвоено звание Героя Советского Союза. Родилась в 1923 году в селе Осинный Гай Тамбовской области, а позднее семья переехала на жительство в Москву. Зоя училась в 201-ой московской школе. Высокого звания Героя Советского Союза были удостоены четверо учащихся этой школы: Зоя и Александр Космодемьянские, Георгий Лашин и Павел Гражданинов.

По словам подруг Зои и её матери, она очень много читала, была возвышенно-романтической девушкой. Ей навечно осталось восемнадцать, но память о ней живёт в народе и, несмотря ни на что, будет жить.

Книга «Повесть о Зое и Шуре» Л.Т. Космодемьянской была одной из первых книг, прочитанных мною в детстве и произведших на меня незабываемое впечатление. В 1943 году книга получила Сталинскую премию.

Многие поэты и писатели создали в своих произведениях образ героической девушки, ставшей символом героизма и мужества. Это и Маргарита Алигер, и Роберт Рождественский, и турецкий поэт Назым Хикмет... О Зое выходили фильмы, написаны картины, поставлены памятники в разных уголках нашей страны, и не только нашей. Немецкий антифашист Макс Клосс создал музей Зои Космодемьянской в Германии.

В самое грозное для нашей страны время – в 41-ом году, когда немцы вплотную подступили к Москве, Зоя в числе добровольцев – комсомольцев явилась на сборный пункт, и оттуда была доставлена в диверсионно-

разведывательную школу, став бойцом диверсионно-разведывательной части.

Когда 17.11.41 г. вышел приказ, предписывавший лишать германскую армию возможности располагаться в селах и деревнях, бойцы этой части боролись с противником всеми способами, в том числе и тем, что поджигали избы, в которых устраивались ночевать враги. Конечно, при этом оставались без крова и наши люди, но эти крайне суровые меры предпринимались потому, что «...речь шла не только о разгроме государства с центром в Москве, – писал 27.04.42 г. крупный нацистский чиновник Э. Витцель. – Дело заключается в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их... Важно, чтобы на русской территории население в своём большинстве состояло из людей примитивного полуевропейского типа».

Группа бойцов, в том числе и Зоя, получила задание от командира уничтожить десять домов в деревне Петрищево, и во время выполнения задания Зоя была схвачена врагами, а потом казнена. Когда её допрашивали, она назвалась Таней (по имени любимой героини гражданской войны Татьяны Соломахи), но более на вопросы не отвечала, несмотря на нечеловеческие мучения и пытки, которым была подвергнута. Перед казнью она крикнула: «Нас 170 миллионов! Всех не перевешаете! За меня отомстят мои товарищи!».

Фронтовой журналист газеты «Правда» Пётр Лидов 27.01.42 г. опубликовал статью «Таня», в которой рассказал о подвиге комсомолки-школьницы. Одновременно с публикацией в «Правде» в газете «Комсомольская правда» был напечатан материал С. Любимова «Мы не забудем тебя, Таня!». Никто тогда ещё не знал настоящего имени девушки, замученной фашистами. После освобождения Красной Армией территории, на которой происходили все эти события, было проведено специальное расследование для того, чтобы выяснить подлинное имя героически погибшей комсомолки. А через месяц 18.02.42 г. Пётр Лидов назвал настоящее имя юной героини – Зоя Космодемьянская.

В мае 1942 г. прах Зои был перевезён в Москву на Новодевичье кладбище. В Рузском районе Московской области в деревне Петрищево создан мемориальный музей, на 86-ом км минского шоссе установлен памятник.

Став после своей смерти символом мужества, стойкости и героизма, Зоя оказалась страшна для врагов и мёртвой. Сколько поколений советских школьников искренне восхищались мужеством этой девочки и хотели стать похожими на неё. Но во время перестройки имя героини стали со всех сторон замазывать самой чёрной «краской». То, что некоторые обстоятельства подвига Зои были засекречены, давало повод к недомолвкам. Социолог С.Г. Кара-Мурза так описывает происходящее: «...Читал я лекцию в Бразилии перед обществом психологов. Тему они задали такую: «Технологии разрушения образов в ходе перестройки». Особенно заинтересовала кампания по дискредитации Зои Космодемьянской. Мне задали удивительно точные вопросы о том, кто была Зоя, какая у неё была семья, как она выглядела, в

чём была суть её подвига. А потом объяснили, почему именно её образ надо было испоганить – ведь имелось множество других героинь. А дело в том, что она была мученицей, не имевшей в момент смерти воинского успеха (как, скажем, Лиза Чайкина). И народное сознание независимо от официальной пропаганды именно её выбрало и включило в пантеон святых мучеников. И её образ, отделившись от реальной биографии, стал служить одной из опор самосознания нашего народа».

К сожалению, современная молодёжь вряд ли сможет даже прочитать книгу «Повесть о Зое и Шуре» уже потому только, что книга эта не переиздаётся, а прежние издания истрепались, библиотеки вынуждены их списывать. Издательства издают разных «Гарри Поттеров» огромными тиражами, а вот переиздать книгу, которая воспитывает патриотов, никак «руки не доходят». Кто-то, возможно, скажет, что совершенно не обязательно современным школьникам знать о подвиге Зои Космодемьянской. Но вот во Франции, например, почему-то чтят память Орлеанской Девы – Жанны д'Арк, а в России, получается, и вспоминать о своих героях не надо? Но как радостно прочитать такую вот, например, самую свежую информацию: «В небольшом южноуральском городке Куса живёт ученица 5-го класса Настя Макеева. И вот что она пишет: «Возвращалась я из школы домой. А идти мне надо по запрудскому мосту в конец Запруды. Вот сошла с моста и вижу надпись: «Улица Зои Космодемьянской». Я чуть не воскликнула вслух: «Так ведь я её знаю! Знаю, кто такая Зоя Космодемьянская! О смелой девушке я прочитала «Повесть о Зое и Шуре», прочитать которую нам посоветовала учительница истории».

Как же это важно – помнить героев, отдавших самое дорогое – свою жизнь. Хотелось бы, чтобы наши дети думали не только о том, что они хотят получить, но и что они могут дать своей стране. Но если мы, старшее поколение, не будем рассказывать им о мужестве и героизме погибших на войне, то за нас это сделают те, кто желает переписать нашу историю на свой лад. А таких желающих сейчас, увы, немало. Для них нет ничего святого, они всеми силами стремятся развалить и уничтожить Россию. Именно поэтому необходимо растить истинных патриотов, таких, какой была русская девушка Зоя Космодемьянская.

Анатолий Бобарыкин родился в 1934 г. в д. Трошинцы Вологодской области. Окончил Пыщугскую среднюю школу и прослужил 3 года в армии. После армии работал в райфинотделе участковым инспектором по налогам. В 1963 году поступил на заочное отделение исторического факультета Костромского пединститута и окончил его в 1969 году. С 1963 г. работал в Калиновской школе учителем труда и физкультуры. Затем его перевели в Северную школу. В 1971 году стал директором Горкинской школы, затем учителем истории, рисования, черчения, труда, физкультуры. Его произведения печатались в областных изданиях «Губернский дом», «Северная правда». Участвовал в конкурсе Фонда культуры с воспоминаниями о художнике А.Н. Козлове и занял 1 место. В 2012 году вышла в свет его первая книга «Деревня на Увалах». Член ЛИТО «Пыщуганье».

НА ФРОНТ

Историки подсчитали, что из тысячи лет русские люди половину находились в войнах. Самая страшная из них выпала на долю народа, который в течение трёх десятилетий дважды спас страну от гибели и дважды восстанавливал разрушенное хозяйство.

Мне по молодости лет не пришлось участвовать в войне, но удалось немало слушать о ней от её участников. К сожалению, ветераны не любят упоминать о своих личных действиях и больше говорят во множественном числе. Мне бы хотелось поделиться воспоминаниями из рассказов моего отца, Бобарыкина Ивана Андреевича, а начать хочу с отправки его на фронт.

Война шла уже второй год. В нашей деревне из шести домов было призвано восемнадцать человек. В декабре 1942 года дошла очередь и до нашего отца. С нарочным из сельсовета под роспись вручили повестку. «Иметь при себе кружку, ложку, две пары нательного белья и продуктов на трое суток». Сухари давно уже лежали в мешке на полатах, смоченные и подсоленные материнскими слезами. Повестку ждали давно, со дня на день, и тягостное ожидание грузом лежало на душе, сжав сердце тисками. То, что на фронт идти необходимо, понимали все, но уже семь похоронок получили в шести домах, это пугало, и становилось страшно за отца. Последние дни в доме было тихо, словно в нём лежал тяжелобольной близкий человек. Изменений в поведении отца не замечалось. Он по-прежнему был спокоен и немногословен. Мать сторонилась нас, но её влажные глаза выдавали то, что она старалась скрыть. Наступил тот день...

Все встали затемно. При свете керосиновой лампы стали готовиться к проходам. Дорожный мешок со всем необходимым лежал готовый с вечера. Мать истопила печь, но приготовленный завтрак не лез в рот. Все молча сидели, боясь посмотреть друг на друга. В оставшиеся минуты мать попросила всех стать на колени перед иконой, висевшей в переднем углу.

КОСПРОМА

Потом она подошла к отцу и надела ему на шею маленький оловянный крестик с тряпочкой, в которой был зашит кусочек ладана.

Сняв икону со стены, трижды перекрестила ею отца, благословила. Мать верила в то, что жена может вымолить ему спасение.

Одевшись, отец на прощание поцеловал нас с сестрой и наказал, чтобы слушали маму. Мать взяла мешок на плечо, и дверь закрылась за ними. Для нас наступила новая жизнь, смысл которой сводился к работе, ожиданию писем с фронта и окончания войны. Первое письмо пришло из города Кировска Мурманской области.

«ТИГРЫ»

Из Румынии армия, в которой служил мой отец, была переброшена в район города Клинцы Брянской области на пополнение. После этого она приняла участие в освобождении Белоруссии и Прибалтики.

Танковые корпуса, сбив немцев с позиций, ушли вперёд, а противотанковый полк отца вместе с другими вспомогательными частями шёл следом.

Вокруг было спокойно, даже не слышно немецких самолётов. Впереди, куда ушли наши танки, доносились раскаты грома, да в темноте небо разрезали всполохи.

По пути следования колонны, с правой стороны от дороги, виднелась, на удивление, сохранившаяся сосновая роща. Солдаты, повернув головы, с умилением смотрели на эту частицу мирной жизни. Когда колонна поравнялась с ней, оттуда внезапно ударили пушечные залпы. Как свечи, вспыхнули впереди идущие штабная машина и машина взвода управления части. Потом загорели тыловые машины. Немцы, видимо, нащупывали грузовики с боеприпасами. Начали рваться снаряды и посередине. Движение колонны сразу же прекратилось, и солдаты бросились врассыпную в поисках какого-либо убежища. Орудийные номера спешно стали отцеплять пушки, разворачивать их в сторону рощи и приводить в боевое положение. Оттуда вновь хлестнули выстрелы, и два орудия были полностью сметены вместе с расчётами.

Остальные успели дать по выстрелу, и из рощи стали реже ложиться снаряды, а после второго залпа из-за деревьев повалил чёрный дым. Подоспевшая пехота бросилась вылавливать оставшихся немцев.

Скоро всё стало ясно. Три немецких тяжелых танка «тигр», спалив горючее, укрылись в засаде и стали ждать наши отставшие части. Они пропустили танковые колонны и ударили по артиллерии. Среди наших были убитые и раненые.

На отце в трёх местах осколками порвало шинель, а четвёртый срезал подошву валенка вместе с портянкой, не задев ногу. В одной из машин сгорел вещмешок, а в нём была справка о сдаче паспорта в райвоенкомат во время призыва, о чём он потом жалел всю жизнь.

Пройдя с боями Белоруссию, армия вступила в Латвию и через Шяуляй вышла к Балтийскому морю у порта Лиепая, разрезав немецкую группировку. Из Прибалтики вошли в Польшу, в «польский коридор».

ПОЛЬСКИЙ КОРИДОР

Войска 5-й гвардейской танковой армии генерала Ротмистрова шли польским коридором. Главная ударная сила – танковые корпуса, громя вражеские укрепления, упорно шли вперёд. Впереди Германия, впереди Берлин, а за ними победа и конец войны.

Истребительно-противотанковый полк, в котором служил мой отец, шёл во втором эшелоне. Хотя прорыв немцев был маловероятен, артиллеристы всегда были готовы развернуть орудия к бою, как это бывало не раз. Солдаты поднимали головы, как только над ними волной проходили наши краснозвёздные, и с особенной теплотой и тревогой взглядом провожали их. Битте, гансы, принимайте! Это вам не сорок первый, когда вы гонялись за каждой машиной или одним человеком. Сейчас в воздухе было полное наше господство. Немецкой авиации хватало заботы и на переднем крае.

Погода стояла лётная, и отсутствие опасности, видимо, притупило внимание воздушных наблюдателей. Немецкие пикировщики появились внезапно и шли на бреющем полёте. Шедшая колонна встала, и все солдаты бросились по сторонам искать укрытия. Отцу попала мелкая воронка, в которой он и укрылся. Тем временем самолёты развернулись в круг и начали бомбить. Задрожала земля, засвистели над головами осколки. Сразу же донеслись крики и стоны раненых. Отбомбив по первому заходу, самолёты пошли на второй. В это время отец почувствовал, что кто-то упорно лезет под него, но двоих это укрытие не вместит. Солдат всё же подлез и прямо-таки поднял отца на своей спине над уровнем земли. Тем временем, самолёты, завершив круг, пошли в новое пике. Нарастающий свист летящих бомб сорвал отца с места, и он рывком бросился на равнину, но, к счастью, в пяти-шести метрах оказался более глубокий окоп.

Бомбы достигли земли, и всё повторилось сначала. Отбомбившись, немцы скрылись за линией фронта так же внезапно, как и пришли. Отца наполовину засыпало землёй. Немного полежав и убедившись, что ранения нет, он поднялся посмотреть, что с тем солдатом.

Увиденное привело в ужас – тот сидел на краю воронки и окровавленными руками заправлял в распоротый живот вываливающиеся внутренности. Кто знает – может, это судьба?

ПРОХОРОВКА

После войны как-то раз в школе появилась газета, название которой я не запомнил. Она была интересна тем, что на развёрнутом её листе была

КОСПРОМА

расположена карта территории СССР, оккупированной немцами во время войны. Нанесены на ней были все мелкие города. Под картой располагалась карикатура, где Гитлер со своей свитой мчит на автомобиле через границу Советского Союза. Потом машина несётся по ухабам и вместе с пассажирами сваливается в кювет. Под картинкой – пояснение в виде стихотворения. К сожалению, я запомнил только первую часть его.

*«На Восток неслись в машине
Гитлер рядом с Муссолини,
Вместе с ними мчались вдаль
В трехнедельную поездку
Хорти, Рюти, Антонеску,
Гиммлер, Геринг и Лаваль».*

Ну а дальше смысл в том, что они едут делить нашу страну на свои вотчины, и вот такой финал. Мы с отцом подолгу просиживали над этой картой, и она воскресила весь его боевой путь с начала и до конца.

Сразу после мобилизации направили его в город Кировск Мурманской области, а когда стала готовиться операция на Курском выступе, их истребительно-противотанковый артиллерийский полк ввели в состав пятой танковой армии генерала Ротмистрова, входившей в Степной фронт, который формировался как резервный. Во время Курской битвы он стоял заслоном на случай прорыва немцами нашей обороны. В ходе сражения, когда под Прохоровкой наступил критический момент, пятую танковую бросили навстречу немецкими танкам. Отец был в противотанковом полку и больше находился в резерве, поэтому ход этого сражения не видел – там действовали танковые корпуса армии.

Когда немцы были остановлены и отброшены, войска пошли вперед, и артиллеристы увидели прохоровское поле. Оно было в виде огромного чайного блюдца и сверху, как на ладони, виднелась картина после такого сражения. Она напомнила единоборство сотен гигантских живых существ, закованных в броню. Танки, как и их экипажи, можно сказать, бились врукопашную. Они сталкивались, шли на таран, взбирались друг на друга, давили и топтали, расстреливали в упор из пушек. Эта зловещая картина встала перед глазами солдат в дымном мареве. Кое-где слабо дымились догоравшие машины и люди, а вокруг стояла гнетущая тишина. Передовые части ушли за бегущими немцами. Люди спешили и молча шли, озирая фантастическое зрелище. Битва Гигантов. Немецкие тяжёлые «тигры», средние «пантеры» и САУ «фердинанды» смешались с нашими «КВ» и «тридцатьчетверками». Они стояли в самых невыносимых позах, лежали на боку и вверх гусеницами, застыли на дыбах, как разгоряченные кони. Башни, что буйные головушки, сдвинутые на бок или сорванные, лежали тут же среди металлического лома с зияющими пробоинами. Людей почти не было видно. Трупы немцев и наших валялись вперемешку, чаще – вцепившись друг в друга. Водители в сгоревших машинах сидели за рулём

как живые, только чёрные, и от слабого прикосновения рассыпались, превращаясь в кучку золы. Солдаты стояли без шапок в полном оцепенении, и кто-то в тишине сказал: «Это сражение должно войти в историю всей войны».

После Прохоровки были Белгород, Харьков, Кривой Рог, Корсунь-Шевченковская операция, Яско-Кишиневская и выход в Румынию в город Яссы.

Валерий Секованов родился в 1951 г. в Поназыревском районе. Член Союза писателей России, доктор педагогических наук. В настоящее время заведует кафедрой прикладной математики и информационных технологий. Опубликовал более ста научных работ и несколько художественных книг: «Гений из Туношны», «Кухта», «Светоносец», «Полыхающий роман», «Ванька-Лучник», «Записки писателя и натуралиста».

СЫН СВЕТОНОСЦА

На сотни километров раскинулась с запада на восток Костромская область. Люблю я ездить по лесистым дорогам родной стороны. Во многих населенных пунктах побывал, с многими прекрасными людьми познакомился. Каждый год пересекаю область. словно незримая ниточка тянет в деревню Луптюг, расположенную на границе с Кировской областью.

В 1888 году, мой дед Секованов Александр Павлович, основал в Луптюге школу, которая носила его имя. К сожалению, школа перестала функционировать после перестройки, когда деревни опустели и школьников не оказалось в округе... Около полувека проработал Александр Павлович в основанной и обустроенной им школе. И при царе и при Советской власти учил он крестьянских детей. Не только добрую память оставил о себе дед, но и начало учительской династии положил. Крестьяне уважительно называли Александра Павловича «Светоносец», поскольку свет и тепло нес он людям. Частенько слышались во времена коллективизации угрюмые возгласы крестьян: «Нас Александр Павлович учил, чтобы добро в хозяйствах наших прибавить да повторить (*умножить, прим. автора*), а теперь говорят, что добро наше надо отнять да разделить».

Дело деда на ниве просвещения продолжили мои родители – Секованов Сергей Александрович и Секованова Валентина Васильевна, проработавшие по 45 лет каждый в Луптюжской школе.

В свое время я написал художественно-документальную повесть «Светоносец», рассказывающую о деде – Секованове Александре Павловиче, основавшем в 1888 году в деревне Луптюг Ветлужского уезда

КОСМРОМА

Костромской губернии земскую школу, где служил Отечеству более сорока лет.

Продолжил начинания Александра Павловича его сын Секованов Сергей Александрович, проработавший в основанной его отцом школе также более сорока лет.

Секованов Сергей Александрович много трудностей преодолел на своем жизненном пути.

Моему отцу, фронтовику и учителю, посвящаются эти строки...

Война на судьбу Секованова Сергея Александровича наложила особый отпечаток. Хлебнул он горя, как во время войны, так и после её окончания. Я не оговорился, что после войны мытарства отца не кончились, поскольку, сражаясь против фашистов в рядах 39-й армии Калининского фронта, летом 1942 года попал он в фашистский плен, что поставило его после освобождения в разряд изгоев.

Отец мало рассказывал о сражениях в рядах 39-й армии и ужасах концентрационных лагерей. Только ранняя седина, натёртые деревянными колодками мозоли на ногах напоминали об ужасах войны и плена. «Совсем молодым стал Сергей белым, как лунь, – рассказывала мне бабушка, Секованова Анна Прокопьевна, проработавшая в Луптюжской школе 34 года. – Два раза писали с фронта, что Сергей без вести пропал, я уж и надежду стала терять. У Александра Павловича оба сына от первого брака погибли в империалистическую войну. Думала и Сергею уготовлена их участь. Слава Богу, дождалась сынка. Вот только плохо ему и после войны было – унижения, оскорбления испытал. Слава Богу – всё вынес достойно».

Не скрою, что мне всегда хотелось узнать о ходе военных действий в районах городов Ржева – Вязьмы – Белого. Но желания долгие годы не исполнялись....

Я со школьной скамьи хорошо помню знаменательные победные военные действия Советской Армии в Великой Отечественной войне: битва под Москвой, сражение под Сталинградом, Битва за Ленинград, Курская дуга, форсирование Днепра, операция Багратион, взятие Берлина и др.

А о грандиозных сражениях, разыгравшихся в районах городов Ржева, Вязьмы, Белого, где с января 1942 года по март 1943 года шли ожесточенные бои, в течение многих лет имел весьма слабые познания, состоящие из разрозненных фактов. Дело в том, что долгие годы о сражениях в районе вышеуказанных городов информация была слишком скудной, и многие факты тех драматических дней замалчивались. Советские войска понесли под Ржевом громадные потери, сопоставимые со Сталинградской битвой. «Почему умалчиваются сражения под Ржевом?» – не раз спрашивал я отца. Он только отмахивался руками. Я понимал, что отцу тяжело вспоминать о минувших днях, но тяга к истине тянула к изучению литературы и истории данного вопроса. Скупые строчки, характеризующие общие события тех дней, нашёл в воспоминаниях полководцев Великой Отечественной войны, а развернутую картину военных действий под Ржевом – Вязьмой – Белым собирал и продолжаю

собирать по крупичкам. Меня всегда теребила мысль, что неслучайно Твардовский написал выдающееся стихотворение: «Я убит подо Ржевом». Это стихотворение о многом говорит, что не сказали в своё время ни политики, ни военачальники. Не могу не привести строк, от которых мурашки идут по телу, холодеет душа:

*«Я убит подо Ржевом,
В безыменном болоте,
В пятой роте, на левом,
При жестоком налете.
Я не слышал разрыва,
Я не видел той вспышки,—
Точно в пропасть с обрыва
И ни дна, ни покрывки.
И во всем этом мире,
До конца его дней,
Ни петлички, ни лычки,
С гимнастерки моей...
Летом, в сорок втором,
Я зарыт без могилы.
Всем, что было потом,
Смерть меня обделила...»*

В девяностых годах стала появляться информация в прессе о боях под Ржевом, Вязьмой, Белым. Позднее были написаны статьи, книги, поставлены фильмы, проливающие свет на события тех дней. Приведу только некоторые из них: книга «Ржевская бойня» Светланы Герасимовой, книга Сергея Михеенкова «Армия, которую предали. Трагедия 33-й армии генерала М.Г. Ефремова. 1941–1942», изданные дневники Петра Михина: «"Артиллеристы, Сталин дал приказ!" Мы умирали, чтобы победить», повесть Вячеслава Кондратьева «Искупить кровью» (по мотивам которой режиссером Игорем Копыловым был снят фильм «Ржев»), фильм Алексея Пивоварова «Неизвестная битва Георгия Жукова» и другие.

Как уже отмечалось, мне всегда хотелось вникнуть в ход трагических событий, развернувшихся в районах городов Вязьмы, Ржева, Белого, и вот настали дни, когда ситуация начала проясняться.

Чтобы вникнуть в ход событий тех дней, думаю, сначала следует разобраться в задачах, которые ставились Верховным командованием к началу 1942 года. Приведу из книги «Дело всей жизни» маршала Советского Союза Александра Михайловича Василевского директивное письмо (с сокращениями, прим. автора) Верховного Главнокомандующего военным советам фронтов:

«После того как Красной Армии удалось достаточно измотать немецко-фашистские войска, она перешла в контрнаступление и погнала на запад немецких захватчиков....»

Наша задача состоит в том, чтобы не дать немцам передышки, гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы ещё до весны, когда у нас будут новые большие резервы, а у немцев не будет больше резервов, и обеспечить, таким образом, полный разгром гитлеровских войск в 1942 году. Но для осуществления этой задачи необходимо, чтобы наши войска научились организовывать прорыв обороны противника на всю её глубину чем открыли дорогу для продвижения нашей пехоты, наших танков, нашей кавалерии... Если наши войска не научатся быстро и основательно взламывать и прорывать оборонительную линию противника, наше продвижение вперед станет невозможным».

Военачальники стремились выполнить поставленные Сталиным задачи и наступали, попадая в жуткие ситуации. По словам одного военачальника: «У всех была шапка набекрень!»

Действительно, когда немецкие войска зимой 1941 года были отброшены от Москвы более чем на сто километров (а местами более, чем на двести) у военачальников появилась эйфория.

Возникает еще один вопрос: «Какова же была обстановка на центральном направлении фронта к началу 1942 года?»

В упомянутой выше книге маршала А.М. Василевского мы находим такие строки: «На центральном направлении мы глубоко охватили фашистскую группу армий на её флангах. В середине же охвата возник удерживаемый немцами ржевско-вяземский плацдарм. Несколько раз пересекали оборону плацдарма с боями советские корпуса и целые армии, уходящие во вражеский тыл. Но за ними опять проход закрывался, из-за чего те, кто пробился в тыл противника, попадали в окружение (ниже мы приведем два таких примера, прим. автора)... Фашисты несли огромные потери, однако удерживали плацдарм».

Мой отец воевал с фашистами именно на этом плацдарме, и я не могу обойти трагические события сорок второго года, которые развернулись в районе городов Вязьмы, Ржева, Белого. Исследователи отмечают, что осуществленная силами Калининского и Западного фронтов Ржевско-Вяземская операция стала одной из самых кровопролитных в истории Великой Отечественной войны.

Важную роль в Ржевско-Вяземском наступлении сыграла 33-я армия под командованием генерал-лейтенанта Михаила Григорьевича Ефремова. История её трагична. Наступая на Вязьму по приказу командования, армия истощила свои силы и нуждалась в пополнении. В результате мощных контрударов противника 33-я армия была вынуждена перейти к обороне.

Воины 33-й армии храбро сражались и нанесли огромный урон противнику. Однако измотанная боями и голодом армия попала в окружение и погибла в апреле 1942 года. Командующий армией генерал Ефремов, получивший несколько ранений, до конца оставался с солдатами, не улетел из окружённой армии на предоставленном ему самолёте и сполна выполнил свой воинский долг.

Ефремов организовал выход из окружения, но силы были неравны, и выйти из окружения не удалось. Поняв безвыходность сложившегося положения, Ефремов не пожелал сдаваться в плен и застрелился.

Вот как описывают данную, трагически завершившуюся операцию советские военачальники:

Маршал Георгий Константинович Жуков в книге «Воспоминания и размышления» пишет: «По просьбе генералов П.А. Белова и М.Г. Ефремова командование фронта разрешило им выводить войска на соединение с нашими главными силами. При этом было строго указано выходить из района Вязьмы через партизанские районы, лесами, в общем направлении на Киров, где 10-й армией будет подготовлен прорыв обороны...»

Генерал-лейтенант М.Г. Ефремов, считая, что этот путь слишком длинен для его утомлённой группы, обратился непосредственно в Генштаб по радио с просьбой разрешить ему прорваться по кратчайшему пути – через реку Угру.

Мне тут же позвонил И.В. Сталин и спросил, согласен ли я с предложением Ефремова. Я ответил категорическим отказом. Но Верховный сказал, что Ефремов опытный командарм и что надо согласиться с ним. Ставка приказала организовать встречный удар силами фронта. Такой удар был подготовлен и осуществлен 43-й армией, однако удара со стороны группы генерала М.Г. Ефремова не последовало.

Как выяснилось позже, немцы обнаружили отряд при движении к реке Угре и разбили его. Командарм М.Г. Ефремов, дравшийся как настоящий герой, был тяжело ранен, и, не желая попасть в руки врага, застрелился. Так закончилась жизнь талантливого и храбрейшего военачальника, вместе с которым погибла и значительная часть героических воинов его группы».

Маршал Александр Михайлович Василевский в книге «Дело всей жизни» пишет: «Командующий 33-армией генерал-лейтенант М.Г. Ефремов вел свою армию на запад в районе Турусы. Здесь он родился. Это был боевой, опытный генерал. Ещё в 20-30-е годы Михаил Григорьевич возглавлял войска 12-го стрелкового корпуса, Забайкальского, Орловского и Закавказского военных округов, был заместителем генерального инспектора пехоты РККА. В первые месяцы войны он руководил и фронтом, и армиями; это был человек большой воли. Попав в окружение, мужественный воин предпочёл смерть плену и покончил с собой».

Не могу не отметить, что немецкое командование оценило геройский подвиг командарма. У могилы построили солдат вермахта. Немецкий офицер обратился к солдатам: «Сражайтесь за Германию так, как сражался Ефремов за Россию!». Настоящий героизм ценят и враги!

Та же участь, что и 33-ю армию, постигла и 39-ю армию, в которой сражался мой отец.

В книге Г.К. Жукова находим следующие скупые строки: «...39-я и 29-я армии Калининского фронта медленно продвигались западнее Ржева. Войска левого крыла Калининского фронта успеха не имели, так как перед ними была сильная оборона...».

Г.К. Жуков вспоминал: «В начале июля мне позвонил И.В. Сталин и спросил, известно ли мне, что немецкие войска прорвали оборону Калининского фронта и отрезали войска 39-й армии. Я ответил, что обстановка мне известна из данных Генерального штаба. «Надо принять меры, чтобы 39-я армия не оказалась в тяжёлом положении», – сказал И.В. Сталин. Я ответил, что Калининский фронт мне не подчинён. (Он находился в прямом подчинении Ставки). И.В. Сталин на это ничего не ответил, видимо, забыв, что Главное командование Западного направления было упразднено его же директивой. Он продолжал: «Созвонитесь с Коневым, я дам ему указание».

Как отмечалось выше, я старался найти информацию о боях 39-й армии, но они замалчивались в прессе. В интернет-источниках говорится, что 22 декабря 1941 года 39-я армия была включена в состав Калининского фронта. Участвовала в Калининской фронтовой наступательной операции (10 октября – 4 декабря), к концу которой вышла в район северо-западнее Ржева. Ударом из этого района в ходе Ржевско-Вяземской стратегической операции (8 января – 20 апреля) прорвала оборону противника на узком участке и, развивая наступление на Сычёвку, обеспечила ввод в прорыв 11-го кавалерийского корпуса. К концу января 1942 г. её войска вышли к железной дороге Вязьма – Смоленск севернее Ярцево, где встретили упорное сопротивление войск противника. В начале февраля противник встречными ударами из районов Ржева и других районов перерезал узкий коридор, образованный войсками армии в его обороне западнее Ржева. Немцы начали операцию «Зейдлиц», нацеленную на уничтожение 39-й армии и 11-го кавалерийского корпуса. Находясь под угрозой полного окружения северо-западнее Вязьмы, армия в феврале – июне вела упорные бои с противником, сковывая его значительные силы. В июле противник перерезал все коммуникации и полностью её окружил.

Так же, как и в 33-ю армию, прибыл самолет для эвакуации командного состава 39-й армии (такой метод практиковался). Раненый в ногу командарм И.И. Маслеников, оставив вместо себя командующим заместителя – генерала И.А. Богданова, покинул армию. Позднее, при выходе из окружения, генерал И.А. Богданов был смертельно ранен.

Однако и в полном окружении бойцы 39-й армии и 11-го кавалерийского корпуса героически сражались с немецкими захватчиками, ломали заградительные барьеры врага и сковывали войска противника.

Официальная советская историография писала об этой операции мало. В 12-томной «Истории второй мировой войны» написано следующее: «Гитлеровское командование предприняло также в полосе группы армий «Центр» частную наступательную операцию «Зейдлиц» с целью отвлечь резервы Советской Армии и улучшить оперативное положение своих войск. Она была начата 2 июля 9-й немецкой армией против 39-й армии Калининского фронта, занимавшей выступ в районе города Белый. Противник нанёс удар по самой узкой части коридора, связывавшего эту армию с основными силами фронта. В итоге врагу удалось прорвать

оборону армии, перерезать коммуникации и окружить её соединения. Более трёх недель продолжалась мужественная борьба воинов 39-й армии, стремившихся вырваться из вражеского кольца».

А вот как описывает немецкий автор Г. Букзайн хронику только одного июльского дня 1942 года.

«Прямо из леса, из встающего от земли тумана с запада на расстоянии броска ручной гранаты приблизилась вражеская пехота. Красноармейцы поднимались и мчались на немецкие позиции с криком «Ура!». Началась рукопашная от места прорыва и до шоссе. Стреляли немецкие миномёты, пулемёты, артиллерия била прямой наводкой. После того, как всё внимание было направлено на север, из леса на южной стороне дороги, из котла без крика выдвинулся на рубеж атаки на немецкие позиции клин окружённых частей. Бесшумно в сгущающейся темноте немецкие посты были уничтожены холодным оружием. Они и лежали потом на этих местах в 30 м от дороги. Два тяжёлых немецких орудия повернулись на 180 градусов и стали бить прямой наводкой по врагу на окраине леса. С фланга, с запада стрелял тяжёлый немецкий миномёт. Окружённые уже подтащили на шоссе 45-мм. противотанковую пушку и стреляли по немецким орудиям. Атакующие шли одновременно с севера и юга. Залпы артиллерии, удары миномётов, свистящие выстрелы пехотного оружия, взрывы, грохот пулеметов и лающие выстрелы танков создавали шум боя, в котором раздавались крики и стоны раненых с обеих сторон. Происходившее было «частью ада»».

Такие события разворачивались почти каждый июльский день 1942 года. Передо мной открылась следующая картина:

*Под Ржевом летом шли жестокие бои,
Смешались все – чужие и свои,
В том пекле появились груды тел,
Под пулями никто их хоронить не захотел,
Над полем брани навис тяжёлый смрад,
Кто побывал там, знает, что такое ад...*

Не поэтому ли мой отец отмалчивался от воспоминаний о событиях тех страшных дней. Только иногда по настоятельной моей просьбе он всё-таки давал скудные комментарии к событиям тех дней. Видимо, не хотел вспоминать муки ада, которые обрушились на него – двадцатилетнего старшего лейтенанта, командира батареи....

Меня могут упрекнуть, что не только в рядах 33-й и 39-й армий было тяжело переносить ужасы войны. Не только эти армии были окружены и погибли. Согласен, что везде было тяжело на фронте. Однако о многих сражениях мы узнали при изучении истории в школе. Переживали и гордились советскими воинами. А как же быть с замалчиваемыми десятилетиями исторической литературой вопросами, связанными с грандиозными сражениями, которые полыхали длительное время под

КОСЦЕРОМА

городами Ржев, Вязьма, Белый? Там так же героически сражались советские воины. Нужно восстанавливать хронику тех дней и доводить истину до читателя. Целиком поддерживаю авторов, которые пытаются восстановить справедливость и истинные события 1942 – 1943 годов под Ржевом, Вязьмой и Белым.

Вероятно, именно из-за ошибок высшего командования, которые привели к таким трагическим последствиям, судьбы 33-й и 39-й армий и были забыты военными историками на долгие десятилетия.

Причиной гибели 33-й и 39-й армий, видимо, стала недооценка сил противника, причём не только командующими Западным фронтом Жуковым и командующим Калининским фронтом Коневым, но и Ставкой, которая рассчитывала без должной подготовки разгромить ослабевшие, как им тогда казалось, немецкие войска прежде, чем они сумеют перебросить резервы.

Вернемся вновь к судьбе моего отца...

Родился Секованов Сергей Александрович в 1922 году в селе Архангельское, расположенном в километре от Луптюга. После успешного окончания Луптюжской школы уехал в Шарью, где продолжил образование в средней школе. В это период обрушился на него первый удар – умер Александр Павлович. Тяжело переживал Серёжа смерть отца, отдававшего все силы школе. Образцом для подражания был для него Александр Павлович. Он учил сына никогда не унывать... С удвоенным старанием стал Серёжа изучать предметы и решать задачи. Особый интерес проявлял к математике. Прилежание, ясный ум дали плоды. Закончил Шарьинскую среднюю школу «на отлично», получил Почётную грамоту (золотых медалей в то время не давали).

После окончания средней школы он был принят на отделение математики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Читали лекции в МГУ выдающиеся учёные. Трудно было учиться Сергею, но интересно. Порой до глубокой ночи увлечённо решал математические задачи. Дискуссии и споры с товарищами по различным вопросам математических дисциплин часами продолжались, что создавало благодатную почву для творчества. Всё шло хорошо, перед Сергеем открывались широкие перспективы научной работы. Но в мире запахло порохом. Фашистские войска оккупировали Польшу и вышли к границам СССР. В июне 1941 года немцы вероломно напали на нашу страну.

Со второго курса университета уехал Сергей в Уфимское артиллерийское училище на ускоренные военные курсы, где сразу с головой окунулся в военное дело. Тяжеловато приходилось от университетских занятий переходить к боевой подготовке. По рассказам отца, старшина, муштровавший курсантов, когда они холили коней, покрикивал: «Здесь не университет, здесь думать надо!». Быстро прошла ускоренная подготовка.

Через полгода получил Сергей звание лейтенанта и был командирован в 39-ю армию, которая сражалась в составе Калининского фронта. Получив должность командира батареи, принял участие в боях. Каждый день фашисты бомбили наши позиции с воздуха и обстреливали из орудий. Часто

после артобстрела и бомбёжки немецкая пехота наступала на наши позиции под прикрытием танков. Полгода батарея под командованием сначала лейтенанта, а потом старшего лейтенанта Секованова была по фашистам.

В одном из особенно тяжёлых боев были повреждены все четыре орудия. Защищаться от танков стало нечем. Кругом всё горело, рвались снаряды. Получив контузию, Сергей оказался в плену.

Несколько дней голодом морили военнопленных враги. Потом погрузили в эшелон и под усиленной охраной увезли в глубину Германии, убежать откуда было невозможно. Не в одном лагере пришлось побывать Сергею. На грани голодной смерти бывал, но держался. Болел тяжело – думал, что конец, но хорошие товарищи рядом были, не дали умереть. И он помогал узникам лагерей, чем мог: ослабевшим «пайку» свою отдавал. Кроме неволи, тяготила Сергея дума о матери. Он понимал, что мать не знает, где находится сын и ночами не спит, плачет.

Последним оказался для Сергея лагерь для военнопленных в городе Штутгарте, расположенном на юге Германии. В конце войны каждый день бомбили Штутгарт англо-американские самолеты. Лагеря военнопленных лётчики не трогали, старательно обходили стороной. А военные заводы и коммуникации фашистов бомбили ожесточенно. Не забыли, видимо, американцы разбой фашистов на море, а англичане – бомбардировки Лондона. Когда приближалась англо-американская авиация к Штутгарту, толпами бежали немцы под прикрытия стен лагеря. По силе артобстрелов и бомбёжек чувствовали узники плена, что скоро придёт фашистам конец. Свобода наступила в апреле 1945 года, когда американцы вошли в Штутгарт.

Иногда по моей настойчивой просьбе отец кратко рассказывал об ужасах плена. По его словам, была возможность у бывших узников плена остаться на Западе. Союзники не возражали, зная, что сказал по поводу военнопленных Сталин. Но Родина дороже всего. Достоинно перенёс ужасы плена Сергей Александрович, не раздумывая, решил возвращаться домой.

Хорошо жилось бывшим военнопленным на территории, занятой союзниками, щедро делившимися и продуктами, и одеждой. Только до поры до времени продолжалась такая жизнь. Ситуация изменилась, когда передали союзники бывших узников плена, которые захотели вернуться домой, войскам Советской Армии.

Опять начались муки. Только теперь уже свои устраивали допросы. Следователь спрашивал сухо и жёстко: «Как попал в плен? Почему не застрелился? Сотрудничал ли с немцами?». Опять унижение и голод обрушились на Сергея. Только теперь было обидно вдвойне. Раньше мучили враги, а теперь – свои. Сергей терпеливо, аргументировано объяснял следователю все детали своего пленения. Наконец, допросы прекратились. Бывших военнопленных погрузили в товарные вагоны и отправили в СССР для прохождения новой фильтрации. Опять допросы, опять камера. Ох и тяжёлые времена пережил в то время Сергей! По всей стране шло массовое гуляние, связанное с Победой, а он, как многие тысячи бывших

КОСТРОМА

военнопленных, продолжал испытывать мытарства в своём государстве. Если бы за спиной какого-то бывшего узника плена была измена или предательство, то он наверняка уехал бы, например, в Южную Америку или Австралию. Но те из бывших военнопленных, которые решили вернуться домой к женам, детям, родителям и любимым, знали, что за ними нет преступных деяний и думали, что государство их не отвергнет. Эти люди, пройдя горнило ада, остались верны Родине. Измученные, но не сломленные они возвратились в СССР. Однако власти считали, что надо продлить их мытарства. Но разве виноваты бывшие узники плена в том, что не бросились на вражеский танк с пистолетом или винтовкой в руках?! Разве виноваты бывшие военнопленные, что попали в неволю без сознания или получив контузию?! Почему такая несправедливость? Как можно руководствоваться бесчеловечной установкой, что если воин был в плену – значит он враг? Причём не только высокие чины пользовались бесчеловечным правилом, но иногда и люди (слава Богу – таких единицы), знавшие человека, побывавшего в плену. Может быть, эти люди хотели выслужиться перед начальством, которое закрывало глаза на унижение бывшего узника плена? Не знаю. Не хочется в это верить, но оскорбления отца продолжались и после войны. С пронзительной остротой чувствую нанесённые ему обиды.

Проверки, проведенные органами НКВД, не обнаружили ничего, что могло бы дать основания лет на десять «припаять срок» Сергею Александровичу. Допросы поутихли. Следователи стали помягче. И вот долгожданная свобода наступила – в декабре 1945 года вернулся он домой. Но и при возвращении проявился отпечаток плена. Одиноким в обществе оказался Сергей. Что делать дальше? Возвращаться в Московский университет бессмысленно – бывшего военнопленного не восстановят. «Пойду по стопам отца», – решил он и устроился учителем в Луптюжскую школу. По воле Божьей познакомился в школе с учительницей русского языка и литературы Костровой Валентиной Васильевной. Она с пониманием отнеслась к его трагичной судьбе, поскольку сама сполна хлебнула горя. Вскоре Сергей Александрович и Валентина Васильевна поженились. Ни кола, ни двора не было у молодожёнов. Но желание учить детей было у каждого из них страстным. Учителя Сековановы равнялись на «Светоносца», Александра Павловича, которого с благодарностью вспоминали жители Луптюга и окрестных деревень. Часто ходили они то к заболевшим ученикам, то к родителям, дети которых не посещали школу. Некоторые деревни и починки находились от Луптюга в 10 – 15 километрах. Летом пешком, а зимой на лыжах добирались до отдалённых селений молодые учителя.

Школьные дела отнимали много сил. И работа по хозяйству требовала немалых усилий. От Александра Павловича перешла к Сековановым привычка держать корову. Бывало, за десятки километров ходили косить траву молодые учителя, но не продавали корову, поскольку понимали, что на селе корова – кормилица.

Жизнь молодых потихоньку налаживалась. Наступила Хрущевская оттепель, жить стало легче и репрессированным, и бывшим узникам плена. Учительская зарплата и домашнее хозяйство позволили скопить Сековановым небольшие деньги. Подумав, решили родители съездить в Москву за покупками. Взяли с собой и меня. В Москве пошли в ЦУМ. Долго бродили по огромному зданию, присматривали одежду мне и брату к началу учебного года. От усталости я еле передвигал ноги, плёлся потихоньку за родителями. Неожиданно раздался громкий возглас: «Сергей!». Я испугался, подбежал к матери, стал озираться по сторонам, увидел бегущего по крутой лестнице высокого мужчину, размахивающего на ходу руками. Отец оживился, тоже махнул рукой, как школьник, побежал навстречу. Я прижался к матери, стоявшей, как мне показалось, в растерянности среди проходивших мимо людей. Отец и незнакомый мужчина встретились у основания лестницы, не говоря ни слова, крепко обнялись. Люди проходили мимо, останавливались, изумленно смотрели на обнявшихся мужчин. Мы с матерью тихонько подошли к основанию лестницы. Посмотрев на отца и незнакомого человека, я увидел на их глазах слёзы, тихо спросил:

– Мама, отчего они плачут?

– От горя, сынок.

Мне стало до боли, жаль и отца, и незнакомого человека. Неожиданно почувствовал, как по моим щекам потекли слёзы. Это была встреча бывших узников плена. Мимолетная неожиданная встреча. Не обращая внимания на прохожих, они долго говорили, вспоминали ужас ада, который пришлось пережить в фашистских застенках. Часто потом вспоминал отец эту встречу.

Любил Сергей Александрович свой лесной край. На охоту хаживал. Но особенно нравилось ему собирать грибы. Места, где росли белые грибы, перешли к нему по наследству от Александра Павловича. А потом отец показал и мне эти потаённые места в Клюкинской поскотине. Полные бельевые корзины белых грибов мы приносили из поскотины. Даже будучи на природе, отец чувствовал себя скованно. Однажды, когда мы переходили дорогу, ведущую в райцентр, он увидел вдали легковую машину, сделал резкое движение, скрылся в лесу. Я последовал за ним, когда догнал, спросил, почему он изменил маршрут. Отец молча показал еловым сучком на машину, пронёсшуюся по дороге в клубах пыли. Позднее я понял, что, даже будучи в отпуске, отец опасался чиновника, проезжавшего на машине, который мог задать ему вопрос типа: «Почему не организуете прополку свеклы на совхозном поле?!». Неявно плен напоминал о себе – отец избегал непредвиденных встреч с чиновниками. А простых людей он уважал и любил. На сенокосе, в поле, во время политучебы часами оживлённо беседовал с крестьянами, которые внимательно его слушали, задавали вопросы, рассуждали.

Нанесенные войной душевные раны стали помаленьку заживать. Тяга к знаниям у Сергея Александровича не угасала. Он поступил на заочное отделение физико-математического факультета Костромского пединститута. После окончания института был назначен на работу директором

КОСЦЕРОМА

Луптюжской школы. Подолгу занимался физикой, математикой с учениками. Стали школьники Луптюжской школы участвовать в районных и областных олимпиадах по математике. Каждую осень организовывал учитель работу школьников на полях близлежащих совхозов. Убирали лён, картошку копали. Ухаживали ученики за парком, посаженным у школы ещё Александром Павловичем и жителями округи, цветы посадили у парадного входа. Чистый, прозрачный воздух благоухал у школы. Лекарственные травы собирали ученики с учителями, на пришкольном участке работали. В различных конкурсах и соревнованиях участвовали ученики Луптюжской школы.

Помимо школьных дел часто общался Сергей Александрович с населением окрестных деревень. Он слыл пропагандистом в округе. С удовольствием из разных деревень шли крестьяне в школу, клуб, чтобы послушать его интересные выступления то о международном положении, то о перспективах развития района и области. И сам не сидел на месте – частенько в отдалённые деревни с лекциями ходил.

За успехи, достигнутые в деле обучения и воспитания подрастающего поколения, наградили Сергея Александровича знаком «Отличник народного просвещения».

Много задач пришлось решать отцу. С первых же дней работы директором он стал подумывать о ремонте школы. Просил помощи у руководства района, директоров совхозов. Добился согласия. Ремонт был проведен, но через два года в классах опять стало холодно, крыша дала течь. «Надо строить новую школу!» – решил он. Своих решений не откладывал, а сразу же поехал к районному руководству. Первые переговоры успеха не принесли. Пришлось ждать. Волновал ещё Сергея Александровича квартирный вопрос, поскольку учителя снимали квартиры в деревне. А потому большая текучка учительских кадров была налицо. Отработает, промается бедный учитель свои положенные два-три года и уезжает, поскольку Луптюжская школа расположена вдали от райцентра и никакого комфорта в ней нет.

«Где взять деньги на строительство новой школы и строительство квартир для учителей?». С этой мыслью он ложился и вставал. Требовал ремонта и интернат, без которого школа не могла в то время существовать, поскольку много детей из дальних деревень и починков учились.

Началась трудоемкая ежедневная работа. Не раз ездил отец с докладами в роно и облоно, не один чиновничий кабинет обошел! И вот, наконец, разрешение на строительство школы и квартир для учителей было получено. Прибыла бригада, и дело пошло. Все силы отдавал Сергей Александрович благоустройству Луптюжской школы. Долго шло строительство. Были случаи, когда грозили заморозить новостройку в связи с неперспективностью отдалённых деревень. Опять поездки в Кострому пришлось возобновить, доказывать, что школа будет жить, и строительство необходимо продолжить. Приезжали авторитетные комиссии, которые изучали состояние дел. Непросто было отцу убеждать чиновников разных

рангов в необходимости строительства школы. Еще одна проблема – колодец старый в школьном участке, давно выкопан – надо менять сруб или тянуть нить водопровода. Наконец-то школа была построена!

Школа двухэтажная, отапливать её дровами трудно – пора на центральное отопление переходить. Поэтому рядом со школой и котельная построена. А раз котельная построена, то водопровод нужен для подачи воды. Надо копать траншеи, добиваться поставки труб... И минуты свободной нет у директора школы.

Рядом с домом, где проживал Сергей Александрович, прошла нить водопровода. Не стал директор делать подводку воды в свой дом, постеснялся упреков и разговоров. На первом месте у него школа была. Потом он бурил скважину около своего дома. Только несколько лет спустя стала поступать в его квартиру вода из водопровода.

Параллельно строительству школы шло строительство дома для учителей, обновлялась столовая для интерната. Много делалось дел, очень много. Несмотря на новостройки, качество знаний учеников в Луптюжской школе стояло на первом месте. Регулярно работали кружки и факультативы по предметам. После окончания школы потянулись выпускники к продолжению своего образования. В престижные вузы стали поступать и заканчивать их успешно.

Огромный вклад Секованова Сергея Александровича наконец-то был оценен. После очередного представления Сергей Александрович стал заслуженным учителем РСФСР.

Близился 1988 год... Стали приходить в Луптюжскую школу телеграммы и поздравления в связи со столетием школы. Не забывали бывшие ученики свою школу, помнили учителей. В ноябре 1988 года с разных концов необъятной страны съехались выпускники. Десятки поздравительных телеграмм пришли в школу. Вместе с сестрой, Тихомировой Зоей Александровной, (проработавшей в Луптюжской школе не один десяток лет) открывал Сергей Александрович мемориальную доску на стенах школы.

Но годы дают о себе знать... Сергей Александрович уходит с поста директора школы, продолжая работать учителем.

И после ухода на пенсию отец не сидел, сложа руки, а продолжал трудиться. Крепкое хозяйство вели Сергей Александрович и Валентина Васильевна: корова, телёнок, поросёнок, овцы, утки и куры имелись в хозяйстве. Не покупали они ни молока, ни мяса – сами производили! Летом сенокос сами справляли. Горжусь, что родители научили и меня держать в руках косу – каждое лето ставили сена три стога. Потом стали сено «крутить» в рулоны. Отец считал, что сено из стога лучше, чем из рулонов, и мы всегда пришкольный участок косили ручными косами.

Шли годы... Подорванное войной здоровье Сергея Александровича стало сдавать, но он никогда никому не жаловался на свои боли, старался не обращать внимания на недуг. От лечения в больнице категорически отказался. Продолжал активно трудиться по хозяйству, в свободное время

КОСПРОМА

смотрел телевизор, читал газеты... Вечерами, будучи уже тяжело больным, он ходил встречать из стада корову.

... С сожалением приходится констатировать, что после перестройки, число детей резко сократилось, россияне попали в демографическую яму. Не обошла эта беда и Луптюжскую школу. По причине резкого сокращения численности учеников школа была закрыта. В это время отец не работал директором, но я помню печальную пелену, застилающую его глаза....

В 2004 году, получив приглашение принять участие в работе научной конференции, я позвонил отцу и спросил: ехать ли мне или командировку отложить. Я знал, что здоровье отца резко пошатнулось... Как рассказала потом мать, отец с трудом подошёл к телефону, собравшись с силами, твёрдо сказал: «Езжай, сын».

Достоинство прожил свою жизнь Сергей Александрович. Много добрых дел сделал за свою жизнь, чем заслужил уважение и память людей.

Татьяна Байкова родилась в 1950 г. в д. Першино Ярославской области. Окончила местную школу, а в 1971 году – Рыбинский лесной техникум. В 1971 году по распределению приехала в город Чухлому на работу в межколхозный лесхоз, затем перешла на работу в торговлю. Работала продавцом в магазине «Книги». С 1999 года работала корреспондентом районной газеты «Вперёд». Стихи о любви, природе, родном крае регулярно публикуются в районной газете. Выпущено несколько сборников: «Подарок тебе» (1992 г.), «Рябиновый рай» (2008 г.), «Любви и надежды слова» (2013 г.). На её стихи композитор В. Бахвалов написал музыку. Член ЛИТО «Приозерье» (г. Чухлома).

ВОЙНА ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦЕВ

Вернувшись с фронта, наши героические земляки оставили для потомков свои воспоминания о Великой Отечественной войне. Читая скупые строки, написанные не совсем понятным почерком, испытываешь гордость за русского солдата, настоящего патриота своей Отчизны.

Сколько испытаний легло на плечи безусых юнцов и убеленных сединами отцов семейств, знали только они сами, а теперь и наши читатели могут взглянуть на войну с фашистами глазами очевидцев тех сражений.

Владимир Николаевич Иванов 1919 года рождения, бывший бригадир колхоза «Новинское», четвёртого сентября 1944 года был на побывке в своей семье в деревне Носово и рассказывал:

– Войну я встретил под Харьковом, где служил в рядах Красной Армии. В оборонительных боях на территории Украины награждён командованием

медалью «За отвагу» и орденом Красной Звезды. В то время служил я в разведке. Задание мы получали через каждые десять дней и уходили в тыл врага, выбирали момент, когда мимо нашей засады проходил немец, оглушали его одним ударом по голове, забивали в рот кляп и проводили в нашу часть, где его допрашивали командиры. По пути мы регистрировали огневые точки противника, количество орудий и другой техники. После возвращения из разведки отдыхали – и снова в тыл. Через год я получил ранение, и после лечения в госпитале снова вернулся в свою часть.

Однажды командир приказал привести «языка», но при выполнении задания наша разведка попала в окружение. Немцы взяли нас в плен. Командира отделения и командира взвода немцы допрашивали с особым пристрастием, сначала избили до полусмерти, а потом вырезали на их телах звёзды, выкрутили руки, выкололи глаза. После долгих, мучительных, жестоких пыток оба наши товарища погибли геройской смертью. Обозлённые фашисты велели взять нам в руки лопаты, и повели в лес на расстрел. Сопровождали нас два автоматчика-эсэсовца. Вдруг один из наших бойцов ударил фашиста по голове лопатой и уложил его на месте. Другой фашист растерялся, не зная, что делать, и этих мгновений хватило, чтоб и этого зарубить лопатами.

Мы бросились в чащу, вскоре вышли в расположение нашей части, которая тоже была окружена немецкими войсками. Так мы во второй раз попали в плен. Нас отправили в концлагерь на станцию Лозовая, под Харьковом. Колючая проволока в пять рядов, высотой в три метра окружала лагерь военнопленных. Через каждые пятьдесят метров стоял вооружённый часовой, эсэсовец или украинский националист с пулемётом. С нас сняли сапоги и выдали башмаки на деревянной подошве. Никаких строений, чтобы укрыться в непогоду, в лагере не было, русские, армяне, грузины, узбеки таскали брёвна для стройки, укладывали шпалы и рельсы. Давали нам в день по два бурака, сто граммов хлеба и овсяную болтушку. От изнурительной работы, голода, холода, издевательств и ран наши красноармейцы умирали сотнями.

Не считаясь с усиленной охраной, мы задумали бежать из лагеря в свою часть, выбрали удобный момент и сбежали. Сначала скрывались в лесах, организовавшись в партизанскую группу, взрывали по пути мосты, уничтожали немецких командиров. Из лагеря нас бежало двадцать человек, и через полтора года мы в составе трёх групп вышли в районе реки Донец в расположение частей Красной армии. Война для нас продолжилась, я стал служить связистом на железнодорожных линиях.

Со своей семьей не виделся уже пять лет, получив краткосрочный отпуск, приехал в Чухлому на побывку и скоро должен вернуться в свою часть.

Сергей Константинович Ухов – ефрейтор, сын полка, родился в соседнем Парфеньевском районе в сентябре 1930 года.

– Семи лет вместе с семьей я переехал в город Краснодар, где жил дядя. Когда началась война, мать отправила меня к своей сестре в Казань,

КОСПРОМА

там закончил ФЗУ и работал фрезеровщиком на оборонном заводе, но летом 1943 года услышал по радио, что Краснодар освободили от немцев, и решил вернуться, Город лежал в руинах, родителей моих убили немцы. Не сумев в Краснодаре устроиться на работу, я пристал к воинской части и вместе с солдатами уехал на фронт. Зачислили меня в музыкантский взвод, но мне очень хотелось на передовую, и я добился, что меня принял в штабе полка генерал-майор Брюханов. Видимо, я генералу понравился и тот разрешил остаться в разведке. Служил я на наблюдательном пункте, постепенно привык к обстрелам, разрывам снарядов. Только в один из дней нам пришлось отбить 25 атак противника. Затем нашу часть перебросили в предместье Варшавы для поддержания восставших поляков, а за участие в боях под Пиллицей я получил медаль «За отвагу» и медаль «За освобождение Варшавы». Между боями изучил теорию шоферского дела, а практике вождения меня научил старшина. На трофейном «опеле» я возил полковника Еловацкого. Однажды в тридцати километрах от Берлина мы зашли в немецкий дом и увидели на столе альбом, посвященный Гитлеру. Пока с увлечением разглядывали находку, началась бомбежка, взрывной воздушной волной всех выбросило на улицу, но никто не пострадал. Наш командир полка полковник Морозов получил звание Героя Советского Союза за то, что его пушки первыми начали обстрел Берлина. И я вместе с другими принимал участие в штурме германской столицы, за что получил медали «За взятие Берлина» и «За Победу над Германией». Затем мы разгромили гарнизон города Бранденбург и остановились на стыке двух фронтов – первого Белорусского и первого Украинского. За четкую корректировку артиллерийского огня меня наградили орденом Красной Звезды.

Когда стояли в Бранденбурге, немка из окна своего дома застрелила шестерых наших солдат, мы бросили в окно гранату, и стрельба прекратилась. А однажды полковник Еловацкий ехал в машине и попал под обстрел снайпера. Водитель и его жена были убиты на месте, а полковника выручили наши танкисты.

От Бранденбурга с небольшими боями мы дошли до Эльбы и здесь 7 мая 1945 года соединились с американскими войсками, а 9 мая узнали о Победе над Германией. Вскоре с другом Иваном Перегудовым подали рапорт о демобилизации. Я решил навестить Краснодар, а Ваня - свой родной Липецк. Через десять дней снова встретились в Москве и решили поступить в автоспецишколу, но с незаконченным школьным образованием нас не приняли. Я приехал в Чухлому и подал заявление в шестой класс Чухломской средней школы.

Итак, 1 сентября 1945 года за школьную парту сел пятнадцатилетний ученик, герой великой Отечественной войны, сын полка, награждённый орденом и четырьмя боевыми медалями – наш земляк Сергей Ухов.

Фронтальная биография уроженца деревни Соколово Петровского сельсовета Василия Карповича Яковлева, 1902 года рождения, такая же героическая, как у других чухломичей.

– Второго апреля 1943 года я оказался на фронте и прошёл с боями около трехсот километров в составе четвёртой истребительной противотанковой бригады. Воевал на Курской дуге, освобождал город Люблин и знаменитый концлагерь Майданек – эту страшную фабрику смерти. Несколько тысяч узников удалось спасти от уничтожения. Я своими глазами видел печи крематория и другие приспособления для убийства людей. В печах крематория были сожжены тысячи людей разных национальностей. Перед тем, как отправить в печи, узников брили наголо. Волосы потом упаковывали в тюки и отправляли в Германию для производства матрацев, пепел от сгоревших людей использовали для удобрения полей и огородов. Всё увиденное заставило ещё более ожесточённо бить фашистов и гнать их в своё логово. Немало зверствовали эсэсовцы и на нашей земле. Однажды мы ворвались в горящую деревню и обнаружили в сарае 38 трупов женщин и детей, а в болоте – 18 расстрелянных молодых девушек.

А потом наша часть форсировала реки Буг и Вислу. На каждом квадратном километре стояло до пятисот орудий, враг много раз пытался сбросить нас на противоположный берег, но мы удержали плацдарм на Висле. А 16 апреля 1945 года начался штурм Берлина. В четыре часа утра 20 тысяч наших орудий и пять тысяч самолетов обрушили всю мощь огня на вражескую столицу. Подвижные ракетные установки типа «Катюша» и «Андрюша» дали жару немцам. С 16 по 25 апреля шли непрерывные бои за Берлин, а 26 апреля в семь часов утра мы ворвались в город. Дрались за каждый дом, но 30 апреля подошли к рейхстагу. Второго мая 1945 года в девять утра рейхстаг был взят! Мы пленили 900 солдат и одного генерала. Ночью первого мая над куполом рейхстага был поднят красный флаг Победы. Так закончилась эта страшная война.

За храбрость и мужество наградили Василия Карповича Яковлева орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу», орденом Славы третьей степени за взятие рейхстага, медалями «За взятие Берлина», «За Победу над Германией», и ещё где-то затерялась высокая награда – орден Славы второй степени за семь подбитых танков.

Вера Александровна Лебедева родилась в 1914 году в Чухломе, до войны работала медсестрой в Чухломской больнице. В июне 1942 года призвана санинструктором в ряды Красной Армии. Первое боевое крещение приняла под Тулой.

– С поля боя я вывозила раненых в кузове санитарной машины, а на фронт доставляла снаряды, или «огурцы», как говорили солдаты. Первые три рейса совершили благополучно, а в четвертый раз попали под бомбежку. Четыре машины разбило осколками бомб, пришлось выносить много раненых бойцов.

21 февраля 1943 года в четыре часа утра наша часть пошла в наступление. И тут налетели 37 фашистских самолетов и бомбили нашу пехоту. Вместе с другими санитарками я выносила с поля боя раненых и отправляла их в санчасть. Награждена медалью «За боевые заслуги». На

КОСЦРОМА

другой день немецкая бомба попала в блиндаж, и нас засыпало землей, но все уцелели. В другой раз от близкого разрыва снаряда я получила контузию и полтора месяца не могла говорить.

Вскоре наш полк направили на передовую под Курск и Орел, и мы освобождали эти города. С боями я прошла Литву, Латвию, Эстонию, Польшу и Восточную Пруссию. До Берлина не дошла всего 80 километров, война закончилась, и я вернулась в Чухлому, чтобы снова лечить людей.

В мирное время Павел Александрович Туманов работал заведующим столовой в Чухломском райпотребсоюзе. Но всё перечеркнула война. 12 ноября 1941 года он добровольно ушёл на фронт и воевал в составе прославленной Ярославской коммунистической дивизии. Санинструктор Туманов оставил для потомков свои воспоминания о войне:

– Из-под Москвы дивизию перебросили на станцию Вележ. В июне 1942 года наша часть двое суток сражалась за безымянную высотку. Во время этого боя я вынес с поля боя 18 раненых, и высоту мы у немцев всё же отбили. В следующий раз, у деревни Брюхановка Калининской области, мне довелось вынести из-под огня 14 тяжело раненных солдат, и восьмидесяти бойцам я оказал первую помощь прямо на поле боя. За это командование представило меня к награде, но какой – не знаю, я её так и не получил в неразберихе тех сражений. А 10 августа мне довелось спасти жизнь сразу двум командирам, но сам я едва не погиб в том сражении. Дело было так: под деревней Селище течёт речка шириной 20 метров, переправы нет, а на другом берегу немецкий блиндаж, который надо взять. Вплавь мы ринулись в наступление, вымокли до нитки, но своими неожиданными действиями посеяли панику среди фашистов и быстро выбили их из укрытия. Вскоре немцы с новых позиций обрушили на нас ураганный артиллерийский огонь. Командиров кого ранило, кого убило, не осталось в строю ни одного сержанта, только я и шестеро бойцов. И мне пришлось взять командование на себя. Подкрепления не было, связь восстановить невозможно, а немцы пошли в атаку. Мы решили дорого продать свою жизнь, приготовили гранаты и стали подпускать фашистов поближе. Когда до врагов оставалось 10 метров, я дал команду бросать гранаты. Прикрываясь дымом от взрывов, мы вынуждены были покинуть позиции. Затяжные оборонные бои шли до марта 1943 года. Весной пришёл приказ о наступлении, разведка донесла, что в соседней деревне нет немцев, но оказалось всё не так. Я находился рядом с комсоставом и увидел, как в ногу ранили писаря нашей части, пуля пробил карман, где у него лежала сигнальная ракета. Вижу, человек объят пламенем, быстро подполз, содрал с него горящую одежду, перевязал, но во время эвакуации писаря с поля боя сам получил фашистские пули в локтевой сустав и бедро. Помощь себе оказать не мог, а мои товарищи все были убиты или ранены. Долго полз до блиндажа, где командир роты и два солдата перевязали мои раны и отправили в госпиталь. Из-за тяжёлого ранения война для меня закончилась 28 августа 1943 года.

Бывший санинструктор стал инвалидом Великой Отечественной войны, в мирное время он работал директором Чухломской заготконторы.

– В августе 1943 года, после короткой подготовки я оказался на переднем крае нашей обороны, которая проходила по правому берегу реки Волхов, – вспоминал Дмитрий Петрович Шабаров. – А по левому берегу тянулись немецкие позиции. В шесть вечера на передовой было непривычно тихо, но бывалые солдаты объяснили, что через два часа фрицы дадут концерт. И верно, в восемь часов заработал наш пулемёт, в ответ с противоположного берега обрушились тысячи трассирующих пуль, и вокруг стали рваться мины.

С нашей стороны огонь был слабым, бойцы только для того и открыли редкую стрельбу, чтобы держать в страхе фашистов, которые очень боялись высадки десанта или внезапного наступления. А потому пускали в небо осветительные ракеты. Но мы, снайперы, учились уничтожать врагов точными выстрелами. В некоторых местах из-за болотистой местности окопы противника были явно неглубокими, мы установили, что эти места гитлеровские солдаты и офицеры перебегают быстро, и их каски часто мелькают над окопами. Ночью мы заняли позицию у самой воды, оборудовали снайперские ячейки и хорошенько замаскировались. А днем решили поохотиться. Я наблюдал, а мой товарищ Николай Куликов вёл огонь. Первый выстрел оказался удачным, фриц спокойно шёл и вдруг, взмахнув руками, упал на бруствер. Свои его осторожно стащили в окоп, и больше немцы здесь не показывались. Мы просидели пять часов и ночью перешли на другую позицию. На второй день Николай наблюдал, а я вёл огонь. Враги не подавали никаких признаков жизни, но вот с ведром в одной руке, винтовкой в другой к реке стал спускаться немец. Я удачно выстрелил и солдат упал, насмерть сражённый пулей. Вскоре к нему подбежали ещё двое, и тут же ещё один фриц нашёл свою смерть. Враги стали осторожничать, поставили высокий забор из деревьев по берегу реки. Мы долго думали, как достать фрицев из-за забора. Наконец, придумали. Попросили миномётчиков разбить забор в тот момент, когда у немцев наблюдалось самое интенсивное движение. Это дало нам ещё одну жертву. В один боевой день Николай убил четырёх немцев, а я трёх, а вообще наша снайперская бригада из семнадцати снайперов уничтожила сто двадцать гитлеровских солдат и офицеров.

Этот эпизод из своего боевого прошлого рассказал Дмитрий Петрович своей дочери Лилии, которая и записала рассказ отца.

Теперь мало кто помнит, что коренной чухломич Сергей Иванович Сумароков пришёл с войны после пяти ранений с двумя боевыми орденами и пятью медалями на груди. Бравый гвардии старший сержант в мирное время окончил курсы киномехаников и показывал фильмы для своих земляков. Боевой путь начал в 1942 году в составе Ярославской коммунистической дивизии.

– Одно время я командовал огневым взводом противотанковых пушек. При взятии города Двинска наш взвод двигался впереди пехоты и уничтожил два танковых пулемёта противника. Но атака чуть не

ҚОСПРОМА

захлебнулась, немцы пустили самоходные пушки под названием «фердинанд», которые двигались в нашу сторону. Наводчик первого орудия сумел подбить одну машину с расстояния шестисот метров, а я сам встал у панорамы и прямой наводкой подбил второго «фердинанда». Стреляя картечью, мы часто отражали атаки немецких автоматчиков. А однажды с бойцом Смирновым мы взяли в плен обер-лейтенанта, чем очень помогли нашему командованию.

В одном из боев на берегу реки Западная Двина мы заняли боевые позиции, и вижу - по правому берегу движется немецкий товарный поезд. Недолго думая, я развернул пушку и прямым попаданием снарядов разбил состав.

Будучи разведчиком, часто вспоминаю то время, когда бродили по тылам немцев, навещали партизанские отряды. Как радовались они, видя, что красные бойцы появились в их расположении. От детей не было покоя, каждый спрашивал: «Дядя, не видел моего папку?». Хорошо было у партизан, сколько боев и стычек с фрицами провели мы вместе! Полюбил я боевую жизнь, но всегда ждал весточки из дома. Как там, в тылу? Бывало, принесут письма ребятам, которых уже нет в живых, сидишь и отвечаешь их матерям и женам, успокаиваешь. А сам думаешь, может, завтра мои друзья так же будут писать обо мне, убитом. А жить хотелось, ох, как хотелось жить! И когда меня ранило в третий раз, доктор, складывая мои кишки, сказал, что я буду жить долго. На мне всё, как на собаке, заживает. За время войны я намотал сотни километров и, кажется, повзрослел лет на десять. Все мои мысли, привычки переродились в корне, и теперь я уже не ребёнок.

Эти строки написал матери девятнадцатилетний юноша, которому после войны посчастливилось вернуться домой. И после окончания Великой Отечественной её герой – Сергей Иванович Сумароков работал директором Чухломского Дома культуры.

Здесь представлена лишь малая часть воспоминаний солдат и офицеров, защищавших свою Родину в годы войны. Как послание из прошлого, эти свидетельства подвигов наших земляков бережно хранятся в Чухломском краеведческом музее имени А.Ф. Писемского.

Анатолий Смердов родился в 1950 г. в д. Ванеево Вохомского района Костромской области в крестьянской семье. Окончил Костромской сельскохозяйственный институт. Служил в армии, работал агрономом и председателем в колхозах района. Произведения публиковались в журналах «Губернский дом», «Кострома литературная», «Невечерний свет» (Санкт-Петербург) и в «Литературной газете», а также в областных литературно-художественных сборниках «Созвездие», «Пусть будет зорче идущий следом» и др. В издательствах вышли книги «Вохмяки», «Лисичкин гостинец», «Звенел колокольчик», «Ветлугаи» и «Старый говор Вохомского края». Дипломант областных журналистских конкурсов, межрегионального литературно-публицистического конкурса «Спасибо тебе, солдат!». Член Союза журналистов России и Союза писателей России.

«ВЕРНУСЬ ДОМОЙ, ТОЛЬКО ЖДИТЕ»

Жизнь и судьба его дала резкий зигзаг за два года до войны. Был водителем на маслозаводе (редкая и привилегированная тогда профессия), случилось так, что опрокинул машину. Времена были жестокие. Судили, оказался в заключении. Жена и малолетние сыновья остались без кормильца. В сорок третьем Константин Рокоссовский набирал армию и из числа заключенных, кому позволяла статья. Штрафные роты не подводили. Искупив явную и мнимую вину кровью, бывшие заключённые из штрафных переводились в обычные войска.

Простые, искренние письма солдата, написанные чаще в походных условиях, на случайных лоскутах бумаги, в которых – бесконечная любовь и надежда. В Вохме жили и ждали жена, Анна Ивановна, и сыновья – Николай и Альберт.

«Горько читать, что ребятам нечего поесть, был бы я дома, этого не было бы. Но дорогие, война. Надо всё перенести и со всем мириться».

Декабрь, 1942г.

«Жить вам без меня трудно, придёт время, встретимся. Прошу обо мне не беспокоиться».

Октябрь, 1943 г.

«Нахожусь на Центральном фронте. Живу хорошо. От вас с января получил все письма, зараз штук 45».

Апрель, 1944 г.

«Альберту Александровичу – папа. Учись хорошо. Жди меня. Как закончу войну, и опять будем вместе жить. Пишу под бомбёжкой, снаряды рвутся кругом».

Август, 1944 г.

КОСПРОМА

«Где служу, в какой части и кем? Шофером, нахожусь в Германии проклятой. Как бы поскорее в Россию, на родную землю».

Январь 1945 г.

«2 мая заняли Берлин, а 9 закончили все военные действия. Нет слов, радость выразить. В скором будущем вернемся домой, только ждите».

Май, 1945 г.

«Очень доволен, что вы уже нынче приготовили мне встречу, наварите пива, а получше бы самогон, тот крепче».

Июнь, 1945 г.

«Живу хорошо. От вас все письма получил. Нахожусь в Германии. Скоро встретимся. За меня не беспокойтесь ни о чем».

8 июня, 1945 г.

Из архивной справки:

Миронов Александр Михайлович, военный шофёр, призван в 1943 году, 19 июня 1945 года умер от ран в пригороде Берлина.

Галина Короткова родилась в 1947 г. в г. Плесе Ивановской области. По окончании в 1970 году Костромского пединститута преподавала в школах области русский язык и литературу. Вела литературную гостиную, собирала материал по краеведению, выступала на различных конференциях, печаталась в местных СМИ и городских сборниках. Член ЛИТО «Волна» (г. Волгореченск). Автор многочисленных монографий и книг по краеведению: «История Костромского края», «Волгореченск от А до Я», «Костромские тропы к Пушкину», «Одним путём без изгибов». В 2019 году награждена Почётным знаком «За вклад в краеведение».

БОЕЦ НЕВИДИМОГО ФРОНТА

Война... В эти страшные, сороковые огневые годы все: от мала до велика – встали в строй. Вели ожесточённые бои на фронте и в партизанских отрядах, а в тылу стояли у станков и лечили раненых, растили хлеб и шили обмундирование. Но был ещё один бой. Неимоверно страшный, ужасающий, дикий, нечеловеческий. Это бой в концлагерях. Да, да, и там люди сражались. Сражались не на жизнь, а на смерть. И этой бой прошёл мой отец **Александр Иванович Харламов**.

По окончании фельдшерской школы он 10 октября 1940 года Костромским горвоенкоматом был призван в армию. Война застала его на белорусской границе. Я не могу описать сегодня всё, что испытал отец. Рассказывать он не мог: глаза наполнялись слезами, голос срывался, слова застревали в горле, зубы скрипели, руки сжимались в кулаки, тело напрягалось. До конца дней своих воспоминания эти приносили ему острую боль... Один из участников боёв вспоминал: «Нападение врага застало нас непростительно врасплох. Командиры в отпусках. Оружие в глубокой консервации на складах. Техника разобрана. Баки самолётов на промывке... Немцы с автоматами. А мы зачастую с учебной винтовкой, и то на двоих... Стиснув зубы, с болью в сердце мы отходили, отступали, теряли своих друзей...». Наверное, это мог сказать и отец. Но... он, контуженный, раненый, лежал распростёртым на земле. Было это 2 июля 1941 года в местечке Волковин Белостокской области. Очнулся в плену...

Сталин издал приказ, в котором все военнослужащие, попавшие в плен, объявлялись вне закона, т.е. он оставил солдатам две возможности: или сражаться и победить, или – умереть. Г.К. Жуков пишет, что Сталин, в сущности, требовал, «чтобы ко всем миллионам погибших на войне прибавилось ещё несколько миллионов самоубийц... Как можно требовать огульного презрения ко всем, кто попал в плен в результате постигших нас в

КОШУРОМА

начале войны катастроф?». Действительно, какое кощунство – обвинить пленных предателями! Раненые, истекающие кровью, терзаемые мучительной болью, контуженные, часто потерявшие сознание, без оружия... Как они могли сопротивляться? Как, безоружные, могли покончить с собой? Как, изувеченные, могли отступать вместе со всеми и не попасть в плен? К-а-к? Может, они и рады были бы что-то сделать, и, наверное, это было бы легче, чем пройти тот ад, который уготовила им судьба. Мой отец вынес все круги фашистского ада. 9 (девять!) концлагерей. Не помню, к сожалению, всех их названий. Последние их них – Гаммерштейн (здесь просидел 2 месяца в карцере за очередной побег), Штуттгоф, Маутхаузен (сюда прибыл с пометкой «Возвращение нежелательно»). Людей привозили в товарных вагонах, и, прибыв на место назначения, они часто падали замертво. Их сваливали кучей. Остальных строили на плацу, устраивали переключку. Потом следовали парикмахерская, душевая, куча лагерного белья, от которого пахло дезинфекционными «специями», кусок белой материи с номером, который надо было пришить к куртке, алюминиевая бирка, которую необходимо привязать к руке. Ни имени, ни фамилии. Все – номера. В который раз!

Прибыл отец в Маутхаузен истощенным, совершенно без сил, больной, даже глаза выкатились из орбит и держались только на нервных окончаниях. К тому же попал он в барак № 20. В 1941 году его строили как ревер, т.е. лагерная больница, а в 1944-м стал блоком смерти... День начинался в 5 часов утра (наверное, отсюда у отца привычка рано вставать)... «Shcnell!» – и все вскакивают с нар. На заправку 2 минуты. Запоздаешь – летишь на пол, тебя топчут ногами, бьют головой о стену. Поднимешься ли? Потом «Waschzimmer». «Стой! Не так умылся. Назад, свинья!» Свист плети... Выйдешь ли живым отсюда?.. Плац. Несколько длинных шеренг. Стоять надо, не шевелясь, в любую погоду, а убогая одежка не греет, а переключка тянется мучительно долго. Потом длинная нудная речь блокового и «тренировка»: присесть – встать, раздеться – одеться, шапки надеть – снять... И так часами. Плохо выполнил команду – плеть гуляет по плечам, по спине, по голове, по лицу... Любая провинность узника использовалась как повод, чтобы наказать его – избить или лишить баланды... Затем уборка барака. Снова «тренировка». Цель этой мучительной процедуры – низвести человека до положения отупевшего животного, лишить его способности мыслить, чувствовать, научить повиноваться. Все внимание надо сосредоточить на том, чтобы не навлечь на себя гнева блокового, избежать наказания, остаться в живых. Вечером, измученные, адски усталые, возвращаются в барак. Желание одно – лечь и уснуть. А холод невыносимый, зубы стучат... Вот таким был этот фашистский «рай», в котором оказался Харламов Александр. Нет, не могу писать! Вспоминая редкие рассказы отца, не могу сдерживать слез. Руки дрожат, и сердце учащенно бьется...

Все заключенные, среди которых были французы, чехи, испанцы, поляки, немцы, получали посылки из дома, получали помощь Красного

Креста, и лишь русские «предатели» были ничьи. Помощи ждать было неоткуда. Помогали товарищи по несчастью. Антонин Новотный (инструктор Пражского подпольного обкома КП Чехословакии, организатор группы Сопротивления, прошедший во время войны многие нацистские тюрьмы и лагеря, в том числе и Маутхаузен) через родственников достал необходимые лекарства. Глаза Александру спасли. И жизнь тоже. Не успев окрепнуть, он вновь встал в строй. Здесь он встретился с людьми, с которыми работал или в одном, или в другом, или в третьем лагере, поэтому дополнительная проверка почти не потребовалась. Знали, что это человек испытанный, надёжный, что на него можно положиться. Работа в подполье заключалась не столько в медпомощи, сколько в спасении человеческой жизни. Например, фашисты вылавливали больных туберкулёзом. Рискую жизнью, работники равира подбирали здоровых людей, которые обследовались вместо больных. Надо было спасать и «неблагонадёжных» людей, обречённых на смерть. До прихода душегубки Александр Харламов и Павел Дочкин снимали жетоны с трупов умерших от голода людей и передавали их «смертникам» (вместе с номером надо было передать и фамилию, историю «чужой» жизни). Так, например, спасли московского художника Виктора Логинова. Спасли и Фридриха Августовича Луса, молодого офицера: переодели в солдатскую форму, отправили первоначально как тяжелобольного в инфекционное отделение и дали «новое» имя Фёдора Ирбина. Некогда и Павла Дочкина уложили в лазарет с мнимым крупозным воспалением лёгких и держали до тех пор, пока не окрепнет, а затем оставили в санитарном лагере, научили ухаживать за больными (впоследствии, в дни подготовки к восстанию, он стал замечательным связным). И так проделывалось не раз и не десять! Рисковали? Да! Рисковали собой, спасая других. Группа, в которую входил Харламов, занималась и отбором надёжных товарищей, которые могли выполнять ответственные задания: организовывать подпольную работу на заводе, проводить диверсии, устанавливать связь с внешним миром (это делали узники, которые работали в крематории ночью: они включали приёмник и наутро распространяли свежую информацию). Как важно было не ошибиться в человеке! Как важно распознать, чего он стоит. Цена ошибки в таком деле слишком велика – собственная жизнь. Не снимались и каждодневные заботы. Организовали «хлебную кассу», которую пополняли из посылок и немногих дополнительных порций, которые удавалось выкроить за счёт умерших. Катастрофически не хватало медикаментов. Иногда приходилось просто вводить физраствор, и больной на время оживал. Харламов мастерски владел иглой: мгновенно попадал в почти нитяные вены. После сыпного тифа у многих развивалась гангрена. Спасая жизнь человека, его привязывали к нарам и... пилили ногу пилой-двуручкой... В феврале 1945 года подпольщики готовили освобождение Д.М. Карбышева, но не успели что-либо сделать: слишком это известная личность, да и времени на подготовку не было (16 февраля генерал вошёл в ворота лагеря, а 18-го, облитый ледяной водой, погиб).

КОСПРОМА

К середине апреля 1945 года стало известно, что командование лагеря получило приказ Генриха Гиммлера о полном уничтожении узников Маутхаузена. Надо было приступить к решительным действиям. В лагере формировались боевые группы, распределялись обязанности. Руководителем был одессит Андрей Аникеевич Пирогов. Провели заседание подпольного комитета, где поставили вопрос о сроках вооружённого восстания, к которому давно готовились. Узники, работавшие в каменоломне, передавали нитроглицерин и тол, что пригодилось при производстве гранат. Собранные консервные банки, которые выбрасывали эсэсовцы, начинялись взрывчаткой. Из оружейной поступали составляющие части оружия. Как умудрялись узники проделывать все это?! Непостижимо! С приближением опасности началось круглосуточное дежурство членов подпольного комитета. Каждый хорошо знал своё место на случай восстания. К этому времени над Альпами стали появляться самолёты. Немцы уже не так свирепствовали. Комитету даже удалось «уговорить» коменданта запретить эсэсовцам входить во внутреннее расположение лагеря, оставить за ними только внешнюю охрану. Комната блокового в бараке-лазарете, где работал А.И. Харламов, превратилась в штаб. К концу апреля всё, казалось, было готово.

И рано утром 5 мая 1945 года, когда в лагере услышали отдалённую танковую канонаду, началось восстание. Сначала разоружили охрану, одновременно с этим полетели гранаты на сторожевые вышки, где стояли часовые и куда быстро поднялись узники-автоматчики. Эсэсовцы бросились в верхний лагерь, откуда им преградили дорогу бывшие заключённые. С одной стороны – обрыв, с другой – гора. А на дороге – бывшие узники и ... советский танк. Фашисты оказались в окружении. Их били ногами, обутыми в колодки, трепали руками, таскали за волосы, потом закрыли в бункер. Но как оказался здесь танк?.. Узники просили танкиста остаться, т.к. бежавшие эсэсовцы могли вернуться и расправиться с ними. Но на запрос танкиста командованию был ответ: следовать по маршруту. Танк развернулся и ушёл. А в лагере уже боевая обстановка. Это не узники. Это бойцы. Все успели вооружиться. В лазарет-штаб идут донесения в строго официальной военной форме. Определены задачи повстанцев.

7 мая 1945 года в лагерь вошла регулярная часть американской армии, которая пыталась распустить интернациональный комитет, но узники не дали осуществить их намерения. Через несколько дней прибыл генерал-майор Машкин. Состоялся митинг. Все приняли клятву: «Клянемся до конца своих дней бороться с фашизмом!»... Как выжил отец в этих нечеловеческих условиях? Что давало ему силы выстоять?..

Освободившись из фашистского плена, бывшие узники три дня добирались до Цветля. Оттуда их отправляли в пересылочные лагеря. А потом? Оказалось, что злключения их не окончены. Одни, немногие, попадали в армейские подразделения, другие – в сталинский ГУЛАГ. Харламов знал уже, как на родине относятся к бывшим узникам, знал и приказ Сталина. Предлагали Александру остаться за границей. Иностранцы друзья (особенно Зденек Штих, ставший впоследствии заместителем

министра здравоохранения в Чехословакии, и Антонин Новотный, ставший в 1957 – 1968 гг. президентом Чехословакии) звали к себе домой, но он отказался от всех предложений. Он так хотел домой, на родину!..

Долгих, мучительных 3 года и 10 месяцев плена и ... свобода?! Чудес не бывает. Кто ж в то время верил, что ты невиновен? И все-таки «чудо» свершилось. Генерал, приехавший судить-рядить бывших узников, болен сифилисом. Прослышал об искусном докторе Харламове, сказал: «Вылечишь – снабжу документами и поедешь домой. Не вылечишь – сгною». Выбирать не приходилось. Александр был отправлен в одну из воинских частей под Аккерман Приднепровский Одесской области. Прибыл в часть. В чем душа держится?! Изнеможен. Кожа да кости. Ветром качает. «Командировал» генерал его в аптеку. Лечи – лекарства под рукой. Вылечил доктор!.. Весной 1946 года А.И. Харламов был демобилизован...

СЛОВО – МОЛОДЫМ ЗАЩИТНИКАМ ОТЕЧЕСТВА!

В данной подборке представлены литературные произведения о войне участников литературного кружка – курсантов Военной академии РХБ защиты им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко. Руководителем литературного кружка является доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ВА РХБЗ, член Союза писателей России Мусинова Н.Е. Курсанты проявляют своё литературное творчество на занятиях по культурологии, социологии, политологии и философии в ходе выполнения различных творческих заданий и участия в конкурсах поэзии и прозы («Сила морального духа армии России», «Философия города: влияние "малой родины" на формирование мировоззрения современного военнослужащего», «Проблема сохранения исторической памяти в условиях современного общества», «Воздействие национального историко-культурного архетипа на формирование личности военнослужащего» и др.).

Антон Хмельницкий (курсант 5 курса)

РУССКИЙ ХАРАКТЕР

В бою важнее силы сплав,
Хоть много наших пало.
Покажем русский дух и нрав,
Его у нас навалом!
Вот вспомним мы Бородино:
Французов было больше.
А что же нам там помогло?
Ни Австрия, ни Польша,
А героизм не на словах.
Им выстлана дорога.
Кто был сильнее? Русский нрав,
В нём истина от Бога.
И Гитлер армию сложил,
Пал Третий рейх в руины.
И снова русский дух сломил
Фашиста – «исполина».

Всегда в победу верим мы,
Сражаясь брат за брата;
И не боимся мы войны,
Ведь дело наше свято!

Андрей Харитонов (курсант 5 курса)

МОЙ ПРАДЕД – ГЕРОЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

*Я клянусь так жить и так трудиться,
чтобы Родине цвести, цвести...
Чтоб вовек теперь ее границы
никаким врагам не перейти.*

Ольга Берггольц
«Встреча с Победой» (10 мая 1945 г.)

Хочется понять истоки патриотизма. Как и почему целый народ стал народом – победителем в 1945 году? Что заставило нашу армию сплотиться перед грозным врагом – фашистской Германией – и победить кровавое зло, и освободить Европу, и восстановить страну после войны?

Одним из важных факторов нашего единства, безусловно, является особенный менталитет, невероятный русский дух, который живёт, и по сей день, в нашем народе, в нашей армии, стоящей на страже национальной безопасности Российской Федерации.

Что же влияет на наш особенный менталитет? Что связывает поколения одними духовно-нравственными ценностями? Конечно, в первую очередь, это воспитание. Это особенное вдумчивое воздействие со стороны родителей, учителей, и, конечно, Героев Великой Отечественной войны. Кто, как ни они, наполняют нашу жизнь духовными смыслами? Кто, как ни они, заставляют нас с уважением относиться к истории и культуре Отечества? Кто, как ни они, своим личным примером говорят: «Мы смогли – и вы сможете!»?

А чем обусловлен такой неистовый героизм наших солдат и офицеров в годы Великой Отечественной войны? В том числе, и воздействием на сознание людей национального историко-культурного архетипа.

Что такое историко-культурный архетип? Историко-культурный архетип – это первоначальный образ, уклад культурного поведения, задающий общую структуру личности, в системе культуры характеризующий её как самостоятельный национальный тип.

Одним из таких архетипов для русского воинства, в первую очередь, является архетип «героя». Я понимаю героя как человека, способного на самопожертвование. **Образ героя** – особый тип культурного поведения, обладающий исключительной смелостью и доблестью, который особенно проявляется на войне.

Война. Сколько боли, страха безысходности стоит за этим словом? Но это только одна сторона медали. Героизм, патриотизм и самопожертвование – вот, что заставляет людей жить дальше и не сдаваться. Данный вопрос заставляет каждого из нас задуматься о самопожертвовании людей – об их силе духа и храбрости, которые толкают на осознанную гибель ради спасения других людей.

Множество случаев самопожертвования было в годы Великой Отечественной войны. Героизм тогда был массовым: люди не щадили своих жизней ради великой цели – победить врага, освободить родную землю! Принято понимать, что самопожертвование в основании своём имеет любовь, любовь к Родине.

Пожалуй, нет семьи в нашей стране, где бы не было своего героя – участника Великой Отечественной, память о котором бережно передаётся из поколения в поколение. Вот и в моей семье есть участник Великой Отечественной войны. На примере биографии моего прадедушки Родченкова Петра Ивановича хочу рассказать о мужестве и героизме, о стойкости советского солдата – защитника Отечества!

Родченков Петр Иванович родился 15 июля 1925 года в деревне Селюшки Дорогобужского района Смоленской области. Окончив 7 классов,

он отправился в Ленинград для поступления в ремесленное училище № 27 на токаря. Там и застала его война. Будучи студентом, он вместе со всеми рыл окопы. Он не мог поступить иначе, ведь он был защитником, патриотом своей Родины. Несмотря на голод, он никогда не падал духом, заражая всех вокруг своим оптимизмом и нестигаемой волей к жизни. В январе 1943 года попал на ленинградский фронт в 54-ю дивизию. Дважды был ранен. Первый раз – под Красным Селом, второй – под Лугой. Петр Иванович имеет награды «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За Победу над Германией», а также юбилейные награды и медали. Участвовал в битве за Ленинград, Прибалтику. Дойти до Берлина не удалось. Победу

встретил под Москвой на станции Внуково 9 мая 1945 года. И сколько было таких героев!

На данный момент исторического развития общества, считаю особенно важным не позволить никому фальсифицировать события Великой Отечественной войны! Каждый человек должен знать, чем знамениты его предки!

Пока мы помним ушедших от нас, жива связь поколений. Главное, что я понял – надо быть порядочным человеком, не терять своё достоинство, ведь теперь именно от нас, от внуков и правнуков, зависит, зазвучит ли дальше фамилия наших предков. Именно поэтому я задался целью рассказать, как в моей семье хранится и передаётся память о герое.

Я неоднократный участник самого важного события в жизни нашей страны – **Парада Победы на Красной Площади!** Для меня День Победы – очень торжественный день. Каждый раз на прохождение торжественным маршем я беру с собой фотографию своего прадедушки и его наградные часы. Так я чту память прадеда и считаю своим долгом пройти вместе с ним на Параде Победы. В такие моменты я чувствую большую гордость за эту Великую Победу, которая всегда будет озаряться праздничным салютом во всех уголках непобедимой России.

В честь Победы проводится и международная общественная акция «**Бессмертный полк**», где каждый может почтить память своих родственников. Так, например, в нынешнем году мои племянники тоже приняли участие в этой акции, примерив на себя военную форму тех лет. Они, малыши, уже сейчас чувствуют свою причастность к семейной памяти, так энергия одного поколения переливается в следующее, следующее... И хочется верить, что так будет всегда!

Нет ни одной семьи в нашей стране, в чью судьбу безжалостно не ворвалась война. Я буду всегда помнить и гордиться своим прадедушкой и такими, как он, учиться трепетно относиться к Родине. Пока в сердцах каждого нового поколения россиян живёт память о своих героях – жива Россия!

Андрей Зубарев (курсант 4 курса)

КТО НЕ ПОМНИТ ПРОШЛОГО – У ТОГО НЕ БУДЕТ БУДУЩЕГО!

Наполеон Бонапарт говорил: «Всякий народ, не желающий кормить свою армию, обязательно будет кормить чужую»! Скажу честно, не хотелось начинать со слов врага, хотя именно они больше всего подойдут и справедливы в данном контексте. «Человек умирает дважды: первый раз, когда наступает смерть тела, а второй – когда умирает память о нём». Что объединяет эти выражения? История России! Одно вытекает из другого. Говоря о Великой Отечественной войне, именно так всё и есть.

По планам немецкого командования, на европейской части России планировалось оставить всего сто тысяч населения для обслуживания так называемой немецко-арийской расы, при этом речь шла о полной безграмотности выживших, они должны были уметь только готовить и прибирать по дому, то есть вести хозяйство, обслуживать «высшую» расу. Все остальные должны быть отправлены на опыты, такие как выкачивание крови для получения лечебных сывороток для раненых и больных солдат вермахта или на испытания научных новшеств. Прочие должны быть истреблены и неважно, каким путём. Вместе со смертью этих людей, умерла бы память о русских как таковых; причём имею в виду, не только русских по крови, если так можно выразиться, но и русских по духу! В этой связи вспоминаю слова Героя Советского Союза генерала армии Василия Маргелова: «Неважно, какой у нас цвет кожи и разрез глаз – для врагов мы все русские». Исторически так сложилось, что как «...для врагов мы все русские», так и «нет в России семьи такой», которую бы не задела война.

В философии есть такой метод познания, как дедукция – от общего к частному. В контексте общей истории страны и хотелось бы осветить частную историю моей семьи. Её герой – мой прадедушка.

Зубарев Николай Степанович родился 9 декабря 1900 года в деревне Шмелёк Арбажского района Кировской области. Служить он призывался дважды: первый раз – в войска Всероссийской Чрезвычайной Комиссии, это в гражданскую войну на стороне «красных». После возвращения, женился на Ольге Петровне. У них родилось семь детей. В 1941 году Николая Степановича не взяли в армию, так как жена на тот момент умерла. Из детей, старший был Михаил, взяли только его, ему было 18 лет, он был танкистом, в итоге остался в городе Душанбе. В 1943 году Николая Степановича призвали в армию. Из оставшихся старшей была Лидия – ей было 14 лет,

КОСПРОМА

младшему было 3 года. Помогло детям то, что прадед оказался запасливым человеком: в хозяйстве имелась бочка соли, а соль, которая была в дефиците, меняли на хлеб. Перед уходом он дал детям наказ: «Продайте всё, что сможете, только корову не продавайте – за счёт неё вы выживете», – и ушёл на фронт. Служил в 6-й танковой армии, освобождал такие города, как Полтава, Кременчуг, Знаменск, Кировоград, Новоукраинск, Хесы-Хуши, Фокшаны, Молитий, Дебрецень, Шахи, участвовал в боях северо-восточнее Будапешта, в разгроме 11-й немецкой танковой дивизии в районе озера Балатон, освободил города Девечер, Шарвар, Сомбатель, Кесег, Винер-Нойдштадт, Вена, Брно, Яровержице. Был ранен и контужен, лежал в госпитале в Ленинграде.

Но для Николая Степановича война не закончилась в мае 1945 года, его перебросили на Дальний Восток в составе лёгкого артиллерийского полка № 131. Демобилизован он был 30 сентября 1945 года. Получил 22 благодарности от Верховного Главнокомандующего Генералиссимуса товарища Сталина. Имеет медали: «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За освобождение Праги», «За боевые заслуги», «30 лет Победы в Великой Отечественной войне» и др. После войны вернулся домой. В доме не было даже стёкол – их продали. Соломенную крышу скормили корове, но самое главное было выполнено – выжили все дети! Чтобы прокормить семью, прадед пошёл работать мельником на водяную мельницу, а в 1954 году был бригадиром и председателем Шмелёвского колхоза, затем – депутатом сельсовета. Женился во второй раз на Марии Емельяновне, с которой они построили лучший дом в деревне Косолапово. Держали пчёл, доходило до 24 ульев, коров, поросят, гусей, овец и уток. Умер Николай Степанович в 1980 году. Похоронен он в селе Верхотулье, рядом с матерью и второй женой.

Надо признать, что День Победы – это не только Великий праздник, но и не менее большое горе. У меня, как и у многих других соотечественников, есть родственники, которые пали в боях за свободу и независимость нашего Отечества, их тоже надо помнить, и я обязан их назвать. **Шастин Николай Сергеевич** 1910 года рождения из деревни Казань Сорвижского сельского совета, красноармеец, служил в 755-м стрелковом полку 217-й стрелковой дивизии, погиб в бою 28 мая 1942 года. Захоронение – у деревни Строевой Юхновского района Калужской области. **Суслов Николай Фомич** 1906 года рождения из деревни Тараканы Корминского сельского совета, красноармеец, стрелок 292-го ракетно-артиллерийского батальона 189-й стрелковой дивизии. Погиб в бою 16 февраля 1942 года. Захоронен у села Николаевская, Московское шоссе...

Помимо дедукции, в философии есть и противоположный метод познания: индукции – от частного к общему. В этом смысле история моей семьи напоминает мне историю страны. И таких семей в России – миллионы... Выйдя победителем в 1945 году, советский народ достиг небывалых успехов и совершил великий подвиг, память о котором должна жить вечно! **«Никто не забыт – ничто не забыто»!**

Рустам Абдуллаев (курсант 4 курса)

*Выражаю большую благодарность за помощь в сборе материала
своему дяде – Рамазану Атрашовичу Рамазанову –
лауреату Государственной премии Республики Дагестан,
заслуженному учителю школы РСФСР*

ФРОНТОВОЙ ПУТЬ УЧАСТНИКА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ РАМАЗАНОВА АТРАША РАМАЗАНОВИЧА

Семьдесят пять лет назад закончилась самая страшная в истории человечества война. Огромные потери понёс наш народ в этой тяжёлой трагедии XX века. Советский Союз потерял более 27 миллионов жизней. Ценою огромных жертв наш народ выстоял. Великая Победа стала величайшей наградой за все эти жертвы. Каждая национальность той Великой страны внесла свою лепту, соразмерную своей численности. В процентном соотношении все народы бывшего Советского Союза внесли равную долю в дело Великой Победы.

В грозную годину войны, когда весь Советский Союз стоял на краю гибели, когда дорог был каждый боец, каждая дополнительная рота, каждый батальон, мы выиграли. Мы выиграли, потому как не у фашистов, а у нас оказался в запасе тот самый последний батальон. И мы, жители маленького горного Рутульского района Дагестана, представители шести национальностей, тоже имеем право называть своих предков этим священным и бессмертным батальоном. И вправе гордиться тем, что наш бессмертный батальон прошёл Великую войну, сражался насмерть, выстоял и вместе с Великой Советской страной победил врага!

Рутульская земля дала Красной Армии в годы войны более 3 тысяч воинов. Из них более 1200 воинов пали смертью храбрых на полях сражений. За проявленное мужество и героизм более 300 наших земляков награждены орденами и медалями, а славный сын Рутульского и Ахтынского районов Гасрат Алиев удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

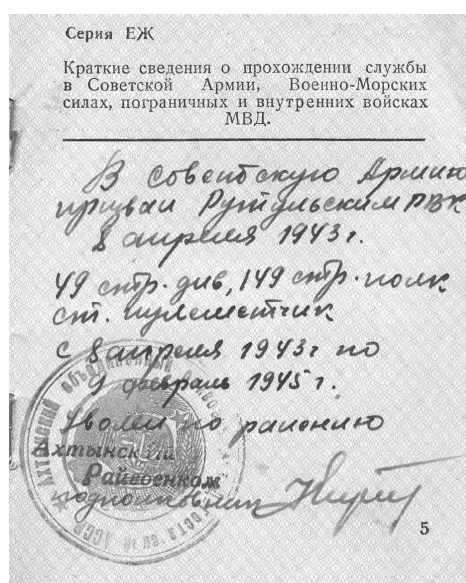
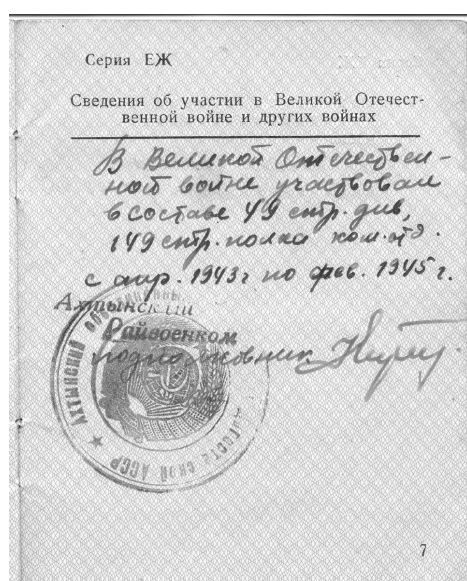
Вместе с другими воинами братских народов СССР на полях сражений с немецко-фашистскими захватчиками сражался и доблестный сын Рутульского района **Рамазанов Атраш Рамазанович**, показывая образцы героизма во имя свободы, чести и независимости нашей Родины.

Атраш Рамазанович родился в 1924 году в высокогорном селе Шиназ Рутульского района Дагестанской АССР в бедной семье. Детство его было очень тяжёлое. Когда ему было 10 месяцев, брак родителей распался, а его воспитанием занималась мачеха. В 1931 году его отдали в

КОСПРОМА

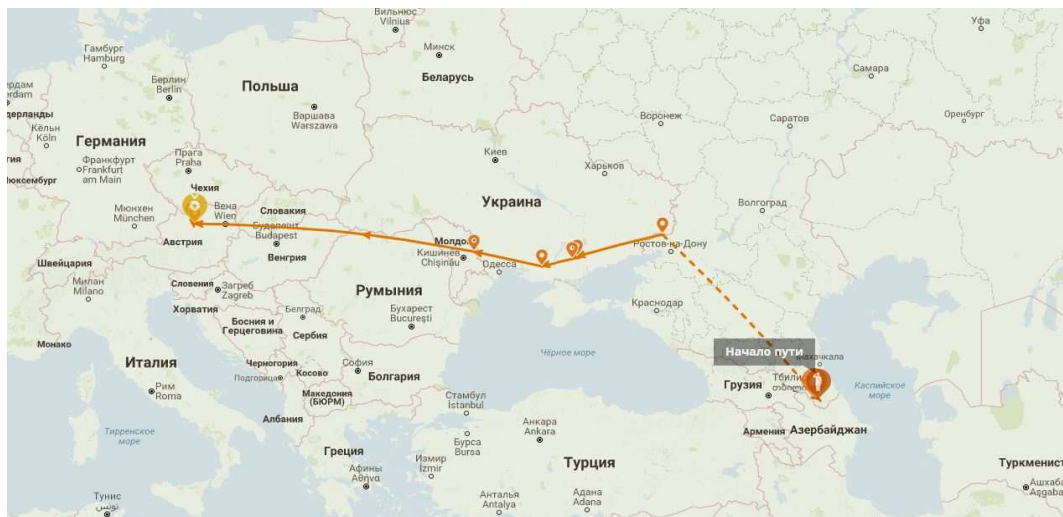
Шиназскую начальную школу, которая с 1935 года была преобразована в семилетнюю. После окончания школы он стал работать в колхозе, одновременно помогая отцу в семейных делах. В 1943 году, когда настали страшные годы Великой Отечественной войны, которые явились для тружеников села, как и для всей нашей страны, серьёзным испытанием, проверкой силы, сплочённости и братской дружбы народов СССР, Атраш Рамазанович добровольцем ушёл на фронт.

Начал он свой боевой путь 8 апреля 1943 года с Ахтынского призывного пункта Дагестанской АССР. Зачислили его в 49-ю стрелковую дивизию 3-го Украинского фронта. Первая дислокация 49-й стрелковой дивизии была недалеко от города Ростова-на-Дону, откуда и начались её боевые освободительные действия на территории Украины с января 1943 года.

Боевой путь дивизии, где служил Атраш Рамазанович, прошёл по южной Украине. Конечно, их наступление не было искромётным и моментальным, они шли планомерно и постепенно. По линии фронта фашисты концентрировали большие силы и строили оборонительные сооружения, но, благодаря мужеству и храбрости, наши воины стали освобождать много городов и территорий. Атраш Рамазанович принимал активное участие при освобождении городов: Мариуполь, Мелитополь, Геничеськ, Херсон, Одесса, Николаев, Берёзовка, Котовск.

По ходу этих боев он был дважды ранен: первое ранение получил 25 августа 1943 г. при взятии города Мариуполь, а второе – 15 марта 1944 г. при взятии города Николаев. Но, несмотря на ранения, он продолжал воевать. Учитывая его мужество и храбрость, после первого ранения ему было присвоено звание сержанта, и он был назначен старшим пулемётчиком. А после второго ранения стал старшим сержантом и был назначен командиром отделения роты противотанковых ружей.

Во второй половине 1944 года, являясь командиром отделения роты противотанковых ружей, Атраш Рамазанович участвовал в ожесточенных боях с немецкими захватчиками за освобождение Молдавии и Румынии. Против наших войск стояли значительные немецкие силы, но наши войска прорвали фронт за 4 дня и 29 августа вышли на границу с Румынией. Румынию освободили, здесь поменялось правительство, страна объявила войну Германии и стала нашей союзницей.

Далее боевой путь Атраша Рамазановича проходит через Венгрию. Здесь в тот период размещалось большое количество немецких военных заводов и находилось два источника нефти, в которой вермахт испытывал острую потребность. Поэтому его командование развернуло в Венгрии мощную группировку сил и средств – группу армий «Юг» и часть сил группы армий «Ф». Однако наши войска, несмотря на упорство врага, в октябре 1944 года перешли в наступление, прорвали оборону противника на Дебреценском направлении и продвинулись на 100 километров на север... В этих боях Атраш Рамазанович, уже обладающий большим боевым опытом, своим примером отваги и бесстрашия воодушевлял товарищей на боевые подвиги. Вот краткое изложение одного личного подвига из архивных документов: «14 февраля 1945 года в районе населенного пункта Аньячка (Венгрия), умело командуя своим отделением по разгрому просочившейся вражеской группировки из окружения, уничтожил два взвода пехоты врага, из своего автомата уничтожил шесть гитлеровцев и взял в плен двух офицеров противника». Приказом подразделения, изданным 49-й гвардейской стрелковой дивизии № 6/н от 19.02.45 года, Атраш Рамазанович был награжден медалью «За отвагу».

В марте 1945 года Атраш Рамазанович продолжил свой фронтной путь в Австрии. И здесь его рота проявила мужество и смелость в боях, особенно при освобождении Вены. 13 апреля 1945 года Вена была освобождена от фашистов, что было одной из блестящих наступательных операций, завершающих Великую Отечественную войну. Но бои упорно продолжались. Как вспоминал Атраш Рамазанович, однажды его рота принимала участие в ликвидации одной немецкой группировки, которая

ҚОСПРОМА

отказалась сдаться. Преследуя фашистов, солдаты его роты по его приказу действовали группами. Он шёл медленно и очень осторожно, не упуская из вида нескольких немецких солдат, которые старались скрыться от них. Но вдруг в какой-то момент под ногами он услышал щелчок, и понял, что стоит на mine. Конечно, было страшно, срочно надо было принимать решение. Первым делом он приказал своим бойцам отойти на безопасное место, а потом, не раздумывая, резко отскочил с мины и лёг на землю в двух шагах от наступающей смерти. Раздался оглушительный взрыв, и он потерял сознание. Когда пришел в себя, то почувствовал, что засыпан землёю. Он с большим усилием выкарабкался из воронки. Состояние было шоковое, боли не чувствовал, хотел подняться, но падал. Когда внимательно осмотрел себя, заметил, что стопа его правой ноги была срезана осколком мины. Её удерживало только пяточное сухожилие, тогда он достал из кармана лезвие и отрезал остаток сухожилия, а стопу отбросил в сторону. Повторно потерял сознание, очнулся лишь тогда, когда санитары подобрали его и отвезли в полевую санчасть. Здесь прошла его первая операция, нога была ампутирована чуть выше стопы, но дальше началась гангрена. Врачи боролись за его жизнь, операции по ампутации продолжались в разных военных госпиталях, а последняя прошла в городе Баку Азербайджанской ССР. От ноги осталось лишь 12 сантиметров тазобедренной кости. Получил инвалидность.

В декабре 1946 года Атраш Рамазанович вернулся в родное село. Оказавшись в трудных семейных обстоятельствах в те голодные годы, решил навсегда остаться в своём родном уголке, ухаживая за больной матерью. Через несколько месяцев его назначили главным бухгалтером в родном колхозе имени Заку Мирзабекова. На этой должности он и работал до самого конца жизни. Умер Атраш Рамазанович в ноябре 1978 года от сердечного приступа. Похоронили его в родном селе Шиназ.

Мы гордимся тем, что Атраш Рамазанович внёс свою лепту в дело Великой Победы! Он выполнил свой патриотический долг, и не на словах, а на деле доказал свою любовь к Родине, народу. Он не струсил, прямо и смело смотрел смерти в глаза.

Особое значение имеет причастность ветерана к воспитательному процессу. Его подвиги, а также славные подвиги других ветеранов Рутульского района призваны показать отношение граждан Дагестана и России к выполнению воинского долга, к созидательному труду в интересах защиты Отечества. На примерах мужества и героизма старшего поколения формируется сознание подрастающего поколения, которое в наш переломный период, мы надеемся, будет служить интересам сохранения дружбы народов, впитывать в себя готовность отстаивать единство и сплочённость россиян, ограждать Отечество от любых посягательств на Родину.

Спустя 41 год после смерти Атраша Рамазановича, его сын – депутат городского собрания города Кизляра Республики Дагестан Рамазанов Камалдин Атрашович – в честь своего отца, а также всех фронтовиков села

Шиназ на свои средства возвёл мемориал, посвященный всем участникам Великой Отечественной войны села.

Торжественное открытие мемориала состоялось 9 мая, в день празднования 74-ой годовщины со Дня Победы в Великой Отечественной войне. Мемориал возведён из монолита и облицован мрамором. На нём высечены имена 308 фронтовиков, отдавших свою жизнь за свободу и независимость нашей Родины.

Мы гордимся своими героями Великой Отечественной войны и будем передавать священную память о них нашим потомкам!

Олег Куварин (курсант 5 курса)

НАРОД – ПОБЕДИТЕЛЬ!

Почему русский дух невозможно победить? Почему, несмотря на все многочисленные войны, на все испытания, которые преподносит судьба, русский человек никогда не был сломлен? Более того, нами даже враги восхищаются. Наполеон Бонапарт в 1812 году, захватив Москву и пробыв там сутки, сказал: «Варвары! Это они сами поджигают! Что за люди? Это скифы. Какая решимость! Какое страшное зрелище. Это превосходит всё возможное. Сжигать собственные города. Какая свирепая решимость. Какой народ». А так говорил немецкий генерал Геббельс в первые месяцы Великой Отечественной войны: «Храбрость – это мужество, вдохновлённое духовностью. Упорство же, с которым большевики защищались в своих дотах в Севастополе, сродни некому животному инстинкту, и было бы

КОСПРОМА

глупой ошибкой считать его результатом большевистских убеждений или воспитания. Русские были такими всегда и, скорее всего, всегда такими останутся». И это правда. Русский дух непобедим. 6 августа 1915 года произошло следующее событие Первой мировой войны, ныне известной как «атака мертвецов». Германское командование решило использовать боевых отравляющих вещества для захвата русских позиций. Однако командир крепости Осовец генерал-лейтенант Николай Бжовский отдал приказ контратаковать противника в штыки «всеми, чем можно». Из воспоминаний немецкого солдата: «Это было ужасающее зрелище, уже собравшись праздновать победу, мы увидели горстку полуживых людей, идущих в штыковую атаку с химическими ожогами на лицах земляного цвета, обмотанные тряпками, харкающие кровью и вместо криков «Ура» издающие страшные, нечеловеческие хрипы...». После этого немцы прервали наступление и в панике оставили свои позиции.

Русский дух был силён во все времена и остается таким и сейчас. Существует фотография (в Интернете она в открытом доступе), на которой изображен русский офицер, остановивший в одиночку целую колонну неприятеля.

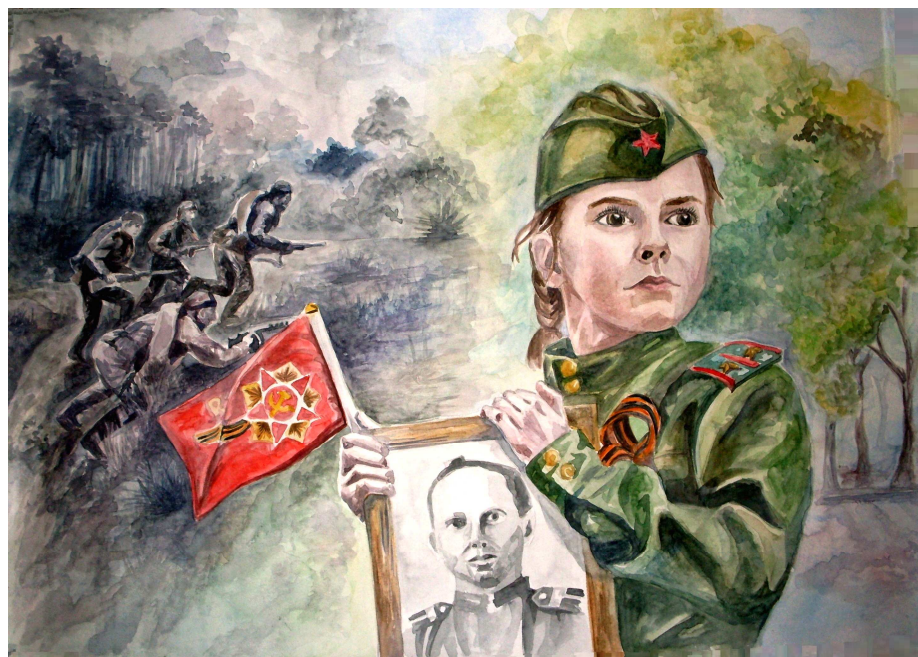

Это произошло в Грузии 8 августа 2008 года. После разгрома грузинской армии её отступающие части перегруппировались и решили вернуться в Горе, но наткнулись на российский блокпост. На фотографии видно, как военнослужащий ВС РФ

с пулемётом наперевес противостоит мотопехоте ВС Грузии. Грузины потребовали уйти и даже угрожали офицеру, но в итоге колонна вынуждена была вернуться. Иностранные журналисты потом опубликовали статью под названием «Трехсот не надо, хватит и одного». О чём думал этот офицер? Что он чувствовал тогда? Разве ему не было страшно? Наверняка, было. А вы представляете военнослужащего стран НАТО, стоящего вот так, с пулемётом перед колонной противника? Я лично – нет. Они слишком ценят свою жизнь, и без биотуалета, положенного им по контракту, даже на учения не пойдут. Но тогда что с нами не так? Почему мы, русские способны на это, и почему иностранцы считают нас безумцами на поле боя?

В этой связи можно вспомнить ещё один эпизод из новейшей истории. Знаменитый бросок наших десантников в 1999 году в Приштину на помощь нашим братьям-сербам. Двести русских десантников – против натовских бойцов. А подвиг 9-й роты в Афганистане, героически защищавших высоту 3234? А подвиг наших лётчиков в Кандагаре? И не стоит забывать о подвиге 13 русских солдат, удержавших свои позиции против трёхсот боевиков в

Сирии 12 мая 2017 года... И этот список можно продолжать бесконечно. Что они чувствовали, стоя лицом к лицу с превосходящими силами противника? Об этом можно только догадываться. Маршал Великой Победы Г.К. Жуков говорил: «Никто не может провести чёткую грань между ролью собственно оружия, военной тактики и значением морального духа войск. Однако, бесспорно, что при прочих равных условиях, крупнейшие битвы и целые войны выигрывают те войска, которые отличаются железной волей к победе, осознанностью цели, стойкостью духа и преданностью знамени, под которым они идут в бой». И вышеперечисленные примеры подтверждают это высказывание. Боевой дух всегда играл огромную роль во всех без исключения войнах. Не зря нас, русских, часто сравнивают по характеру с медведем. Наша духовная сила и мощь играли ведущую роль во многих победах. Но почему? В чём секрет русской непобедимости? Дело вовсе не в бесстрашии и в легкомыслии. Дело в самом дорогом, что у нас есть – в Родине, в любви к своей стране. Разве есть народ, который так отчаянно любит свою Отчизну? Может, и есть, но я о таком не знаю. Все наши стихи и песни о войне пронизаны любовью к Родине. Иностранцам этого не понять. Поэтому если они захотят напасть на нашу страну и увидеть нас, коленопреклонённых, с хлебом-солью, то им придётся сильно разочароваться, потому что этого не будет! Им суждено увидеть, как военнослужащие современной российской армии с гордо поднятой головой перекроют им путь к «русскому эдему», а рядом с ними встанут наши деды и прадеды: герои Первой и Второй мировой, герои Афганистана и Сирии... Да всех и не сосчитать! Их надо помнить!

Максим Дорожкин (курсант 5 курса).
Плакат «Сбережём память о наших Героях!»

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Корнилов П.Б.</i> Писатели-костромичи на войне и о войне	3
---	---

ПОЭЗИЯ

Михайлов С.	6
Запольских О.	9
Проскуряков В.	12
Клевич В.	15
Бурлаков А.	18
Каргопольцева Е.	21
Муренин Н.	23
Муסיнова Н.	25
Подюкова И.	27
Смирнов В.	30
Зарубина Е.	35
Дробышев В.	37
Кузнецова А.	39
Виноградова Е.	42
Ревакова Е.	43
Кубарь А.	45
Ярославский А.	46
Смирнова Л.	48
Русова Т.	49
Юрьева Л.	51
Антонова А.	54
Скородумова И.	56
Серегина Л.	58
Жильцова Т.	59
Манина И.	60
Щенникова Е.	61
Ювенская Л.	62
Морозов Е.	63
Веселов В.	66
Сиротин В.	67
Дубахин В.	68
Дубахин И.	69
Калинин А.	71
Шаров М.	72
Смирнов Н.	73
Востров Н.	75

ПРОЗА

Василенко А.	79
Травкин В.	91
Романец П.	97
Старателев В.	111
Хлябинов А.	120
Зайцев А.	123
Козлова Н.	129
Кузьмичёва Е.	138
Федорова С.	140
Васильева Е.	143
Золотова Е.	146

Веселова Н.	149
Новых В.	153
Балашова Е.	158
Бобарыкин А.	161
Секованов В.	165
Байкова Т.	178
Смердов А.	185
Короткова Г.	187

СЛОВО – МОЛОДЫМ ЗАЩИТНИКАМ ОТЕЧЕСТВА!

Хмельницкий А.	192
Сибриков А.	193
Ганицкий А.	193
Харитонов А.	194
Зубарев А.	197
Абдуллаев Р.	199
Куварин О.	203
Дорожкин М.	205

**Литературный альманах
«КОСТРОМА»**

Выпуск № 2 (2020 г.)

УЧРЕДИТЕЛЬ

Костромская областная писательская организация Общероссийской
общественной организации «Союз писателей России»

Главный редактор Мусинова Н.Е.

Редакционная коллегия

Бугров А.А.

Муренин Н.В.

Зябликов А.В.

Запольских О.А.

Проскуряков В.М.

Технический редактор – Петрюк И.П.

Иллюстрации:

Репродукции картин современных художников
из Интернета (свободный доступ)

*Редакция приглашает к сотрудничеству авторов,
работающих во всех жанрах литературы.
Материалы для публикаций и сведения об авторах просим высылать
по электронной почте: NataliyaMysinova@yandex.ru*

Отпечатано в ООО «Полиграфресурс»,
г. Кострома, ул. Галичская, 130
Бумага офсетная. Печать офсетная. Формат 60 × 90 1/16.
Гарнитура Times New Roman. Объем 12,87 у.п л.
Тираж 300 экз.